Г. П. (Полк. Г. Г. Перетцъ)

ВЪ ЦИТАДЕЛИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

Записки Коменданта Таврическаго Дворца

27 февраля — 23 марта 1917 г.

Изданіе второе.

ПЕТРОГРАДЪ
1917

Типо-лит. Акц. О-ва „Просвѣщеніе“. Петроградъ, Забалканскій пр., д. № 75.

Вмѣсто предисловія.

Записки коменданта Таврическаго дворца не являются исторіей происшедшаго въ февралѣ переворота или историческимъ матеріаломъ этого событія — нѣтъ, онѣ только отрывочныя впечатлѣнія очевидца и участника событій, группировавшихся съ 27 февраля по 23 марта около цитадели русской революціи.

Дни великаго переворота, дни освобожденія русскаго народа отъ вѣкового ига настолько захватили автора, что онъ не могъ не записать, по возможности, всѣхъ тѣхъ кинематографическихъ впечатлѣній, которыя ежедневно безконечной вереницей мелькали передъ его взоромъ. Потому записки отражаютъ не только крупные историческіе факты, но и мелочи жизни Таврическаго дворца. Черезъ стѣны дворца въ эти дни прошли всѣ столпы стараго режима съ ихъ уродливыми взглядами на жизнь страны и на ея гражданъ, многіе историческіе документы оставили слѣдъ свой въ комендатурѣ Таврическаго дворца, но рядомъ съ этимъ проходила черезъ залы дворца и обыденная сѣренькая жизнь со всѣми своими мелочами, и эти мелочи тоже нашли себѣ мѣсто въ запискахъ.

Да не осудитъ за это читатель автора и его сотрудниковъ, которымъ авторъ приноситъ свою искреннюю благодарность за труды по собиранію матеріаловъ для записокъ, особенно же своему помощнику, Ю. С. Гессену, вложившему въ работу въ Таврическомъ дворцѣ всю свою душу.

Авторъ.

Начало конца.

Монархическій строй колебался. Съ каждымъ днемъ становилось все яснѣе и яснѣе, что приближается неизбѣжный конецъ. Это видѣли не только граждане, испытывающіе на себѣ всю тяжесть архаическаго царскаго режима, но это сознавали и на верху. Правда, не всѣ стоящіе около власти, могли ясно отдать себѣ отчетъ во всемъ происходящемъ. Кто изъ нихъ раболѣпствовалъ и закрывалъ глаза, лишь бы только получить какую-нибудь лишнюю побрякушку, кто, упоенный своимъ величіемъ, не видѣлъ ничего кромѣ себя и не хотѣлъ дать, себѣ труда, вникнуть въ ту тяжелую трагедію, которую переживали страна и весь русскій народъ.

Но и среди царедворцевъ, среди золотой пустоты, окружавшей царя, иногда просыпалось сознаніе дѣйствительности. Случайная газетная замѣтка или разсказъ невоздержаннаго посѣтителя на минуту открывали имъ глаза; передъ ними вставали кровавые призраки 1905 года, и они въ ужасѣ бѣжали къ Николаю, чтобы открыть ему глаза.

Николай выслушивалъ разсказъ, устремивши взоръ куда то вдаль, поддакивалъ, иногда хмурилъ брови и, въ лучшемъ случаѣ, говорилъ: „хорошо, я подумаю“. Но, конечно, черезъ 5 минутъ онъ забывалъ этотъ разговоръ и о благѣ народа уже совершенно не думалъ. Тотъ же царедворецъ, который дерзалъ нарушить покой своего повелителя, подвергался опалѣ. Вѣрные псы, охранявшіе покой Николая, начинали скалить свои зубы на пытавшагося открыть царю глаза, особенно усердствовалъ Воейковъ.

Но все же тяжелое положеніе, переживаемое страной, заставляло все чаще и чаще осмѣливаться говорить съ царемъ. Протопресвитеръ от. Шавельскій, еще 17 марта 1916 года, указывалъ на необходимость реформъ. Онъ говорилъ о народномъ гнѣвѣ, ожидающемъ царя, онъ говорилъ о той невозможной атмосферѣ, которая создалась при дворѣ, благодаря Григорію Распутину и другимъ подобнымъ проходимцамъ.

Царь мрачно выслушалъ его, ничего не отвѣтилъ и съ этихъ

поръ избѣгалъ встрѣчъ съ духовникомъ. Однако, 6 ноября, от. Шавельскій вторично заговорилъ съ Николаемъ, убѣждая его открыть глаза на происходящее. Царь молчалъ. На другой день царскому духовнику было предложено впредь такихъ вопросовъ не затрагивать, не вторгаться въ семейную жизнь царя и не омрачать его безмятежной жизни глупыми сплетнями; причемъ былъ сдѣланъ очень деликатный намекъ на то, что безпокойнаго священника не трудно и удалить, замѣнивъ болѣе угоднымъ человѣкомъ.

Царедворецъ-священникъ, конечно, предпочелъ замолчать и ради сохраненія почетнаго мѣста отказаться отъ пастырскаго долга.

Однако, происходящее въ странѣ безпокоило приближенныхъ царя. Они трепетали за свое положеніе, за свою власть; глаза ихъ открывались, они понимали, что протопоповщиной не спасти Россіи, что Распутинъ ведетъ Россію къ гибели, а царя съ его семьей къ заточенію. И что же тогда будетъ съ царскими приспѣшниками?!

И вотъ, трепеща за себя, за свою судьбу, они въ царской ставкѣ, въ концѣ прошлаго года, за нѣсколько дней до убійства Григорія Распутина, собираются на тайное совѣщаніе, гдѣ обсуждаютъ проектъ необходимыхъ реформъ. Тамъ же составляется проектъ манифеста царя къ народу, который, по ихъ мнѣнію, долженъ былъ спасти положеніе. Текстъ проекта былъ, по мысли авторовъ его, довольно либераленъ, но, конечно, народа не могъ удовлетворить.

„Тяжело испытаніе, переживаемое Великой Россіей вслѣдствіе небывалой въ исторіи героической борьбы доблестныхъ защитниковъ родины и ея вѣрныхъ соратниковъ съ сильнымъ и коварнымъ врагомъ“, читаемъ въ этомъ проектѣ.

„Тяжелы и лишенія, ниспосланныя Провидѣніемъ дорогому *нашему* сердцу народу. Но близится давно желанный часъ побѣды и торжества правды и справедливости, грубо попранной жестокою Германіею и ея союзниками. Въ эти, рѣшающіе судьбы народовъ, моменты необходимо особое напряженіе всѣхъ силъ народныхъ и превыше всего дружное единеніе всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Державы Россійской въ стремленіи принести на алтарь отечества свои силы и свое достояніе.

Обращая *наши* помыслы къ вящему обезпеченію единенія всѣхъ *нашихъ* вѣрноподданныхъ въ доведеніи настоящей войны до скорѣйшаго и побѣдоноснаго конца признали *мы* за благо образовать Совѣтъ Министровъ изъ лицъ, пользующихся обще-

ственнымъ довѣріемъ, для чего *повелѣваемъ* Предсѣдателю Государственной Думы собрать совѣщаніе изъ товарищей Предсѣдателя Думы съ секретаремъ и его товарищей, а также изъ Членовъ Государственной Думы, являющихся представителями отдѣльныхъ думскихъ партій, и о лицахъ, кои будутъ указаны симъ совѣщаніемъ, представить *намъ* докладъ.

Озабочиваясь также принятіемъ наиболѣе дѣйствительныхъ и рѣшительныхъ мѣръ къ обезпеченію какъ арміи, такъ и всего населенія, къ возстановленію правильнаго движенія транспорта и снабженія необходимымъ топливомъ и матеріалами заводовъ, работающихъ на оборону, признали *мы* за благо учредить Верховнаго Министра Государственной Обороны, на обязанность коего возлагаемъ первѣйшимъ образомъ объединеніе всѣхъ мѣропріятій государственнаго значенія, дабы дѣятельность различныхъ органовъ управленія была направлена въ полной мѣрѣ къ служенію арміи для побѣды и изгнанія непріятеля изъ предѣловъ Россіи. Въ видахъ достиженія означенной цѣли сему Министру, по предметамъ его вѣдѣнія, *повелѣваемъ* подчинить всѣ, безъ исключенія, государственныя (военныя и гражданскія), городскія, земскія, сословныя и иныя общественныя установленія, организаціи и должностныхъ лицъ и распоряженія коего исполнять какъ *наши* повелѣнія. Ближайшимъ образомъ права и обязанности сего Верховнаго Министра опредѣляются особымъ положеніемъ.

Независимо отъ сего, въ ознаменованіе *нашего* искренняго и благожелательнаго довѣрія къ высокому патріотическому подъему, охватившему всѣхъ сыновъ Россіи, и желая забыть хотя бы и тяжкую вину тѣхъ изъ нихъ, кои, въ невѣрномъ пониманіи служенія ея благу или по легкомысленному увлеченію молодости, впали въ преступныя дѣянія государственныя или противъ порядка управленія, и тѣмъ предоставить имъ возможность принять участіе въ общей работѣ на защиту дорогого отечества, на одинаковыхъ съ остальными *нашими* подданными основаніяхъ, — *объявляемъ* прощеніе вины и полное помилованіе всѣмъ учинившимъ по сей день преступныя дѣянія государственныя или противъ порядка управленія.

Въ твердомъ упованіи на благость неисповѣдимаго Промысла Господня, обращаемся къ Всевышнему съ мольбою, да ниспошлетъ онъ *намъ* и любезному народу *нашему* силы покорно перенести ниспосланное испытаніе и да поможетъ *намъ* въ единеніи съ народомъ привести войну къ побѣдоносному концу".

Проектъ остался проектомъ, онъ даже не дошелъ, какъ дерзновенный, до царя. Съ нимъ ознакомились лишь ближайшіе царскіе клевреты. Нѣкоторые изъ нихъ съ негодованіемъ разорвали дерзкое покушеніе на ограниченіе царской власти, другіе, не читавъ, положили въ карманъ, а третьи — положили въ письменный столъ, въ числѣ другихъ бумагъ, которыя не нуждались въ немедленномъ исполненіи.

Но вотъ, въ ночь на 17 декабря, былъ убитъ Распутинъ. Отъ чьей руки палъ этотъ проходимецъ, загипнотизировавшій царя, околдовавшій царицу и царевенъ, до сихъ поръ еще неизвѣстно. Мы знаемъ только одно, что въ саду особняка князя Юсупова, гдѣ пьяный Распутинъ въ сопровожденіи б. великаго князя Дмитрія Павловича, князя Ф. Ф. Юсупова и депутата В. М. Пуришкевича, совершалъ прогулку послѣ ночного кутежа, внезапно раздались револьверные выстрѣлы, сразившіе эту гидру русской дѣйствительности.

Одинъ изъ столичныхъ журналистовъ по поводу этого убійства бесѣдовалъ съ княземъ Юсуповымъ, желая выяснить, при какихъ обстоятельствахъ произошло событіе, послужившее первымъ звеномъ въ цѣпи послѣдующихъ событій, завершившихся 27—28 февраля освобожденіемъ Россіи.

На вопросъ журналиста, кто именно, какъ и за что убилъ Распутина, князь Ф. Ф. Юсуповъ отвѣтилъ:

— „Не время теперь разбираться во всей этой грязи. Распутинъ убитъ, и не все ли равно, кѣмъ и какъ. Передъ Россіей теперь великая задача побѣдоносно окончить войну. Говорить теперь о Распутинѣ, это значитъ бередить незажившую еще рану и отвлекать вниманіе отъ болѣе важной задачи, которая поставлена передъ Россіей“.

Далѣе Юсуповъ остановился на указаніи причинъ вліянія Распутина. Эти причины, по его словамъ, кроются въ силѣ гипноза и въ податливости той среды, въ которой онъ оперировалъ.

— „Мнѣ непріятно говорить о бывшей царицѣ, — сказалъ Юсуповъ, — потому что мои слова могутъ быть истолкованы, какъ месть за тѣ преслѣдованія, которымъ она меня подвергала, — скажу лишь, что это человѣкъ — безусловно больной, она страдала религіознымъ умопомѣшательствомъ. Разнузданно-развратный, въ обыденной жизни, Григорій прикидывался святошей при дворѣ, создавъ изъ всей этой компаніи, съ царицей во главѣ, нѣчто вродѣ секты хлыстовъ“.

— „Царь находился въ состояніи двойного гипноза: онъ поддавался вліянію Распутина и непосредственно, и черезъ царицу. На меня тоже вліялъ гипнозъ Распутина, но во мнѣ, глубоко предубѣжденномъ противъ Григорія, выработалась сила сопротивленія. Часто встрѣчаться съ нимъ я не могъ, потому что для этого нужно было участвовать въ его недостойныхъ кутежахъ. Онъ почти всегда бывалъ пьянъ".

На вопросъ, предложенный Юсупову, какъ нужно понимать клятву Дмитрія Павловича, что его руки не обагрены кровью, Юсуповъ отвѣтилъ:

— „Не знаю, спросите его самого". И затѣмъ быстро перемѣнилъ тему разговора, перейдя къ характеристикѣ царя. Онъ сказалъ:

— „Николай—безхарактерный человѣкъ, палъ жертвой окружавшихъ его сановниковъ, особенно много зла причинилъ Протоповъ, который явился злымъ геніемъ для царя".

— „Попытки открыть глаза царю и царицѣ, — продолжалъ Юсуповъ, — дѣлались еще въ самомъ началѣ появленія Распутина на горизонтѣ. Моя мать еще лѣтъ 5 тому назадъ осмѣлилась предостеречь царицу отъ пагубнаго вліянія Распутина, и въ результатѣ послѣ этого ей пришлось прекратить посѣщеніе двора. Покончить съ Распутинымъ было не такъ легко. Его вліяніе было огромно и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ мнителенъ и остороженъ. Онъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, читалъ чужія мысли и показывалъ такіе фокусы, какъ отгадываніе того, что у васъ находится въ карманѣ".

Въ заключеніе Юсуповъ сказалъ:

— „Убійство Распутина было результатомъ не заговора дворцовой партіи, а рѣшенія нѣсколькихъ лицъ, самостоятельно взявшихъ на себя иниціативу устранить Распутина".

Убійство Распутина во дворцѣ произвело впечатлѣніе разорвавшейся бомбы, Всѣ растерялись, заработалъ телеграфъ. Царица искала поддержки и помощи у своего мужа. Она ждала отъ него мести за убійство человѣка, на которомъ, по ея мнѣнію, держались власть и тронъ.

Вотъ рядъ телеграммъ, которыя посылала царица своему мужу по поводу этого событія и которыя свидѣтельствуютъ о паникѣ въ царской семьѣ.

17 декабря, въ 4 ч. 37 м. дня, Александрой Федоровной была

отправлена срочная телеграмма въ ставку къ Николаю слѣдующаго содержанія:

„Можешь ли ты послать Воейкова сейчасъ же. Нуждаюсь въ его совѣтѣ относительно нашего друга, который пропалъ въ эту ночь. Мы продолжаемъ уповать на милость Божію. Феликсъ и Дмитрій замѣшаны. Аликсъ".

Въ 10 ч. 24 м. вечера ею посылается вторая срочная телеграмма:

„К. [Курловъ] дѣлаетъ возможное. Пока ничего не найдено, остановили Феликса, уѣзжавшаго въ Крымъ. Хотѣла бы, чтобы ты былъ здѣсь. Аликсъ".

18 декабря, въ 11 ч. 42 м. дня, въ ставку посылается новая телеграмма:

„Пока ничего неизвѣстно, несмотря на разспросы народа. Надо бояться худшаго. Устроено этими двумя мальчиками. Аликсъ".

Въ 3 ч. дня опять телеграмма:

„Дай приказъ Максимовичу отъ твоего имени запретить Дмитрію выѣзжать изъ дома до твоего пріѣзда. Дмитрій хотѣлъ видѣть меня сегодня, я отказалась. Мы спеціально замѣшаны. Тѣло не найдено. Аликсъ".

На слѣдующій день, 19 декабря, въ 1 ч. 50 м. дня, въ ставку была послана такая телеграмма:

„Благодарю за вчерашнюю телеграмму. Нашли въ водѣ. Аликсъ".

23 декабря, когда царь уже былъ въ Царскомъ, онъ посылаетъ матери своей въ Кіевъ телеграмму, въ отвѣтъ на ходатайство за Юсупова и Дмитрія Павловича:

„Благодарю за телеграмму. Дѣло будетъ прекращено теперь же. Цѣлую. Ники".

* * *

Вотъ первый актъ русской революціи. Съ этого момента власть окончательно начала уходить изъ рукъ безвольнаго царя. Въ странѣ стала чувствоваться полная разруха. Богатая продуктами Россія стала голодать; распоряженія властей производили впечатлѣніе умышленнаго разстройства жизни страны. Все дѣлалось какъ будто исключительно ради того, чтобы увеличить народное недовольство. Даже предметы, необходимые для обороны, изготовлялись замедленнымъ темпомъ. Уголь и металлы не под-

возились, на фабрикахъ и заводахъ начались увольненія рабочихъ, въ воздухѣ носились признаки полной разрухи. Протопоповъ метался изъ столицы въ Царское и обратно, проводя въ царской семьѣ цѣлые вечера.

Среди рабочихъ массъ начались волненія. Рабочіе ясно сознавали, что дальше такъ продолжаться не можетъ, они видѣли Россію на краю гибели.

Наконецъ, 23-го февраля, когда въ лавкахъ, вслѣдствіе распоряженія петроградскаго градоначальника Балка, исчезъ черный хлѣбъ, толпы народа двинулись по улицамъ столицы, требуя хлѣба. Народъ спокойно, не нарушая порядка, двигался стройными массами съ окраинъ къ центру, крича, чтобы ему дали хлѣба.

Никто не могъ понять, куда исчезъ хлѣбъ, но скоро все выяснилось. Оказывается, что, вслѣдствіе приказанія министра внутреннихъ дѣлъ, г-на Протопопова, градоначальникомъ было сдѣлано распоряженіе, сообщенное всѣмъ хлѣботорговцамъ, чтобы они отнюдь не выпекали хлѣба больше указанной имъ нормы, а норма эта никоимъ образомъ не могла удовлетворить самыхъ минимальныхъ потребностей населенія. Вслѣдствіе этого получилось, что въ лавкахъ была мука, а хлѣба не было.

24 февраля съ утра въ городѣ было спокойно. Но вотъ, около 11-ти часовъ утра, въ фабрично-заводскихъ районахъ стали собираться голодные рабочіе, требуя, чтобы лавочники отпускали имъ хлѣбъ.

Сначала все было спокойно, и лишь только въ нѣсколькихъ мѣстахъ были разбиты 2—3 лавки, изъ которыхъ торговцы отпускали съ задняго крыльца хлѣбъ своимъ постояннымъ покупателямъ. Полиція не вмѣшивалась, она держалась пассивно, получивъ отъ своего шефа соотвѣтствующее указаніе. Ей нужны были эксцессы народа, и тогда бы загрохотали приготовленные въ Адмиралтействѣ орудія, затрещали бы, разставленные по велѣнію Протопопова на крышахъ домовъ, пулеметы, и столица утонула бы въ крови. Вотъ чего добивался Протопоповъ, чтобы удержать за собою власть.

Для противодѣйствія населенію въ его законныхъ требованіяхъ были вызваны войска. Злой геній царя, Протопоповъ, думалъ, что появленіе казаковъ на улицахъ столицы озлобитъ гражданъ настолько, что они допустятъ какіе-нибудь эксцессы, а тогда уже программа его будетъ выполнена безъ заминки. Однако, народъ и войска прекрасно понимали программу царскаго мини-

стра и никакихъ не только эксцессовъ, но даже отдѣльныхъ шереховатостей, не наблюдалось. Войска привѣтствовались народомъ, казаки братались съ рабочими, и все было мирно и тихо. Полиція совершенно исчезла съ улицъ, ни городового, ни околодочнаго не было видно на обычныхъ постахъ.

Вечеромъ 24-го состоялось экстренное бутафорское засѣданіе совѣта министровъ яко бы по вопросу о мѣрахъ къ облегченію создавшагося затрудненія въ дѣлѣ снабженія продовольствіемъ, на самомъ дѣлѣ для самооправданія членовъ кабинета, дѣлавшихъ только видъ, что они озабочены вопросомъ объ облегченіи положенія народа.

Совѣщаніе происходило подъ предсѣдательствомъ премьера кн. Н. Д. Голицына, инсценировавшаго всю эту комедію, и при участіи предсѣдателя Гос. Совѣта И. Г. Щегловитова, министровъ: военнаго М. А. Бѣляева, земледѣлія А. А. Риттиха, торговли и промышленности, кн. В. Н. Шаховского, путей сообщенія Э. Б. Войновскаго-Кригеръ и морского, ген.-ад. И. К. Григоровича, тов. предсѣдателя Г. Совѣта В. Ф. Дейтриха, гос. секретаря С. Е. Крыжановскаго, и приглашенныхъ предсѣдателя Гос. Думы М. В. Родзянко, тов. предс. Г. Думы Н. В. Некрасова, секретаря Г. Думы И. И. Дмитрюкова, городского головы П. И. Лелянова и предсѣдателя петроградской губернской земской управы Е. И. Яковлева.

Совѣщаніе пришло къ заключенію о немедленной передачѣ завѣдыванія продовольственнымъ дѣломъ въ Петроградѣ петроградскому городскому общественному управленію, но было уже поздно.

Принимая во вниманіе, что, хотя въ распоряженіи петроградскаго городского самоуправленія и не имѣлось въ наличности соотвѣтствующей организаціи, тѣмъ не менѣе совѣщаніе высказало, что предполагается предоставить городскому управленію назначить своихъ представителей для участія въ распредѣленіи продовольственныхъ продуктовъ и для надзора за выпечкой хлѣба. Коль скоро петроградское общественное управленіе получитъ возможность создать соотвѣтствующую организацію при городской управѣ, то тогда въ ея завѣдываніе и можно будетъ передать все веденіе дѣла продовольствія столицы,

На совѣщаніи указывалось общественными представителями, что дѣйствующій законъ, а именно положеніе объ общественномъ управленіи гор. Петрограда, не предоставляетъ городской думѣ достаточныхъ полномочій для урегулированія продовольственнаго вопроса во всей его полнотѣ. На это представители власти ска-

зали, что можно допустить изъятіе изъ дѣйствующаго закона, и предоставить городскому общественному управленію право введенія карточной системы и примѣненія другихъ способовъ для разрѣшенія продовольственнаго вопроса, путемъ срочнаго изданія соотвѣтствующихъ обязательныхъ постановленій по продовольственному дѣлу.

Въ заключеніе, экстренное совѣщаніе министровъ пришло къ выводу, что въ порядкѣ думской иниціативы слѣдуетъ внести въ Гос. Думу законодательное предположеніе о расширеніи на время войны полномочій городскихъ общественныхъ управленій въ смыслѣ предоставленія имъ права урегулированія продовольственнаго дѣла. Это законодательное предположеніе желали лишь вносить, когда народъ голодалъ, когда нужно было дѣйствовать, а не составлять законодательныя предположенія!

Между тѣмъ, при обсужденіи вопроса о положеніи продовольственнаго дѣла въ Петроградѣ, выяснилось, что въ столицѣ имѣются вполнѣ достаточные запасы ржаной и пшеничной муки въ количествѣ свыше 460.000 пудовъ, и что столица въ данный моментъ достаточно обезпечена хлѣбомъ.

Было также отмѣчено, что подвозъ муки къ Петрограду протекаетъ въ нормальныхъ условіяхъ, почему проявляемыя столичнымъ населеніемъ опасенія возможности недостатка хлѣба совершенно неосновательны. А хлѣба все же не было и населеніе голодало.

Одновременно съ этимъ на улицахъ Петрограда было расклеено слѣдующее провокаторское объявленіе главнокомандующаго, генерала Хабалова:

„За послѣдніе дни отпускъ муки въ пекарни для выпечки хлѣба въ Петроградѣ производится въ томъ же количествѣ, какъ и прежде.

Недостатка хлѣба въ продажѣ не должно быть. Если же въ нѣкоторыхъ лавкахъ хлѣба инымъ не хватило, то потому, что многіе, опасаясь недостатка хлѣба, покупали его въ запасъ на сухари.

Ржаная мука имѣется въ Петроградѣ въ достаточномъ количествѣ. Подвозъ этой муки идетъ непрерывно“.

Смыслъ этого объявленія былъ ясенъ. Идите, молъ, громите лавки. Тамъ есть хлѣбъ и мука, а не даютъ вамъ только торговцы, громите ихъ, а мы съ вами раздѣлаемся по своему.

Но народъ понялъ, куда его заманиваютъ, и на удочку не по-

пался. Съ презрѣніемъ населеніе отнеслось къ выходкѣ Хабалова и погрома не устроило.

Тихо, спокойно закончился день. Люди голодные расходились по домамъ, увѣренные въ своихъ силахъ и въ сплоченности. Всѣ инстинктивно чувствовали, что армія не противъ народа, что солдаты не будутъ стрѣлять, что казаки не будутъ разгонять нагайками толпу голодныхъ гражданъ, просящихъ хлѣба.

25-го февраля съ утра также было все спокойно. У лавокъ стояли обычные хвосты, полиція совершенно исчезла, мѣстами лишь кучками стояли воинскіе патрули. Трамвай гудѣлъ и звенѣлъ, на первый взглядъ казалось, что жизнь столицы идетъ обычнымъ темпомъ. Но это только на первый взглядъ. Стоило глубже всмотрѣться, прислушаться къ пульсу жизни Петрограда, чтобы предугадать приближеніе кризиса.

Заводы и фабрики бастовали. Къ 12-ти часамъ трамвай ужъ прекратилъ курсировать по городу. Снова появились на улицахъ толпы рабочихъ, двигавшихся съ пѣніемъ и требованіемъ хлѣба. Мѣстами раздавались выстрѣлы, но по звуку ясно было, что это стрѣляютъ холостыми патронами...

Не будемъ дальше говорить о томъ, что мы слышали, не будемъ приводить слуховъ, циркулировавшихъ въ городѣ, уступимъ мѣсто участникамъ послѣдующаго переворота, пусть говорятъ волынцы, которые были первыми, пусть они намъ разскажутъ о тѣхъ трехъ дняхъ, которые дали намъ свободу. Вотъ разсказъ одного изъ доблестныхъ волынцевъ, имя которыхъ золотыми буквами будетъ занесено на скрижали исторіи освобожденія Россіи отъ ига царизма и произвола.

„Съ утра въ полку говорили, что голодные люди вышли на улицу требовать хлѣба. Былъ произведенъ „расчетъ" учебной команды, ее раздѣлили на двѣ роты и готовили повести на улицу.

Первой ротой командовалъ человѣкъ жестокій, язвительный, грубый, онъ умѣлъ оскорблять до слезъ даже старыхъ солдатъ. За золотые очки его звали очкастой змѣей, а также злой ехидной. Солдатскими командирами были: фельдфебель подпрапорщикъ Лукинъ, взводные унтеръ-офицеры Василій Козловъ, Федоръ Конониковъ, Михаилъ Марковъ, Михаилъ Бродниковъ, Карасевъ, Орловъ, Губаревъ, Ильинъ, Борисовъ, Валюкъ, Киринъ, Кирѣевъ и Кочергинъ, по прозвищу Малышъ.

Во второй ротѣ солдатскими командирами были: фельдфебель

Тимофей Ивановичъ Кирпичниковъ, унтеръ-офицеры: Миронъ Кирпичниковъ, братъ Тимофея, Зайцевъ, Плисъ и Сѣроглазовъ.

25-го февраля, въ 8 часовъ утра, вторая рота учебной команды получила приказъ идти на Знаменскую площадь и оставаться тамъ до 12 ч. ночи, не допуская стекаться на площадь народъ. Первая рота осталась въ казармахъ, съ тѣмъ, чтобы по первому вызову пойти къ площади на поддержку ушедшихъ.

Въ этотъ день вторая рота размѣстилась въ домахъ по Гончарной улицѣ: взводы сидѣли по дворницкимъ и въ какихъ то сараяхъ, гдѣ жили въ невылазной грязи китайцы-рабочіе. Взводы весь день сидѣли голодные. Только кипятокъ присылали изъ полка, — кипятку было сколько угодно.

Въ 11 часовъ дня офицеръ вызвалъ роту на улицу. Съ Невскаго къ Знаменской площади двигалась, медленно колыхаясь, темная поющая толпа, надъ ней развивались красные флаги.

Рота построилась противъ памятника Александра III. Толпа шла. Въ стонущемъ гулѣ голосовъ слышались и приказанія, и мольба: „Не стрѣляйте, неужели вы будете стрѣлять, братья“!

У многихъ солдатъ стояли слезы на глазахъ. Уже давно, съ прошлаго Рождества, говорили въ полку, что больше нѣтъ силъ, что никогда больше не поднимутъ винтовокъ противъ родного народа. Всѣ давно уже знали, какимъ измѣннически подлымъ гнѣздомъ было старое правительство, и давно уже многіе безповоротно рѣшили, если придется — стрѣлять вверхъ, въ воздухъ, но не туда, въ рокочущую, родную толпу.

Офицеръ скомандовалъ, солдаты машинально взяли на изготовку. Фельдфебель Кирпичниковъ обходилъ сзади роту и къ каждому наклонялся и каждаго товарищески предупреждалъ:

— Ребята, больше думайте. Главное, больше думайте... въ кого вы будете стрѣлять, вѣдь наши родные!

Толпа залила памятникъ, зачернѣла на красномъ блестящемъ гранитѣ, зазвучалъ чей-то звонкій голосъ, показалась голова оратора, и надъ ней развѣвался красный флагъ.

Прапорщикъ скомандовалъ первому взводу „на плечо“ и повелъ солдатъ къ оратору. Срывая красный флагъ съ памятника, прапорщикъ поскользнулся и упалъ. Толпа съ крикомъ бросилась на лежавшаго, и солдаты еле-еле оттѣснили ее.

Откуда-то прискакали казаки, повертѣлись, поцокали копытами лохматыхъ сибирокъ, посмѣивались, говоря: „Не стрѣляй, молъ, братцы“. И рота волынцевъ, окруженная толпой, съ винтов-

ками на изготовку, проситъ разойтись, почти умоляетъ толпу войти въ ихъ тяжелое солдатское положеніе.

Настала ночь, и въ темномъ туманѣ все кишѣла на площади толпа и звала, и молила.

Наконецъ, въ 12 часовъ ночи, роту повели обратно въ казармы.

А въ казармахъ еще въ 5 часовъ дня командиръ первой роты собралъ въ образной своихъ людей. Онъ уже зналъ, какъ вела себя вторая рота на Знаменской, грозилъ, язвилъ, приказывалъ стрѣлять „загладить пятно".

— Загладите, такъ? — бросалъ онъ въ солдатскіе ряды.

Молчали солдаты, молчали и офицеры.

Послѣ полуночи пришла съ улицы продрогшая и голодная вторая рота. Всѣ наперебой говорили о томъ, что было днемъ, всѣ чего-то ждали. Чувствовался какой-то подъемъ.

Около двухъ часовъ ночи, когда подъ старинными сводами полутемной казармы уже перекатывалось крѣпкое похрапываніе, къ койкѣ фельдфебеля Тимофея Кирпичникова сошлись взводные и фельдфебеля. Сошлись поговорить, подумать, но сидѣли тихо, поглядывая на робкій огонекъ иконной лампадки.

Завтра ихъ пошлютъ „заглаживать пятно". Завтра нужно будетъ стрѣлять... Всѣ молча думали одну тяжелую думу.

— Стрѣлять, а какъ стрѣлять? Какъ трудно стрѣлять въ своихъ братьевъ, кажется легче умереть. Какъ быть? Вѣдь стрѣлять и позорно, и нестерпимо жалко.

— Позорно и жалко. Такъ и рѣшили передъ тѣмъ, какъ разойтись по своимъ койкамъ.

26 февраля... Еще въ сизомъ дыму разсвѣта подняли барабанный бой обѣ роты учебной команды. Въ 8 час. утра съ боевыми патронами въ подсумкахъ онѣ уже выстроились на дворѣ казармы.

Офицеръ, котораго солдаты звали „злой ехидной", приказалъ Тимофею Кирпичникову быть все время подлѣ него на глазахъ, и поэтому во вторую роту фельдфебелемъ былъ назначенъ унтеръ-офицеръ Иванъ Зайцевъ.

Ротный командиръ прохаживался вдоль рядовъ и быстро говорилъ. Говорилъ, что солдаты—защитники царя, наказывалъ безпощадно стрѣлять и, если нужно, бить прикладомъ и колоть штыкомъ... Передъ ротами выкатили два пулемета... И снова пошли волынцы на Знаменскую площадь.

Первую роту провели въ подвалъ „Сѣверной гостиницы“, а вторая размѣстилась въ домахъ по Николаевской улицѣ. Одни дозорные остались на площади, и имъ настрого было приказано никого не пропускать на Невскій и всѣхъ разгонять, какъ только начнутъ собираться.

А народъ началъ собираться съ утра. И утромъ еще дозорный второго взвода, ефрейторъ Иванъ Ильинъ, прямо сказалъ, что онъ никого разгонять не станетъ, что это не солдатское дѣло. Командиръ первой роты вызвалъ къ себѣ Ильина въ номеръ. Ефрейтора привели.

— Какъ ты смѣешь не слушаться? Ты — бунтовщикъ. Я тебя въ тюрьмѣ сгною... Ты арестованъ, разжаловать, долой нашивки!

— Не трогать! — отстранилъ Ильинъ его руку, и самъ, неторопливо и гордо сорвалъ свои нашивки. Въ эту минуту онъ былъ даже доволенъ, что не нужно идти на улицу и снова стоять передъ взволнованнымъ лицомъ толпы и встрѣчать тысячи молящихъ, расширенныхъ глазъ.

Кирпичниковъ получилъ приказаніе отвести ефрейтора въ дворницкую. И пока они спускались по лѣстницѣ, Кирпичниковъ тихо пожалъ товарищу руку:

— Молодецъ ты, другъ. Ничего, не бойся, все хорошо.

Былъ уже полдень, когда на Гончарной улицѣ, вдалекѣ заколыхалась толпа демонстрантовъ. И казалось, эта толпа грознѣе тѣхъ толпъ, что были вчера. Гулъ голосовъ, нестройное пѣніе „Марсельезы“, страстные выкрики — сливались въ одинъ долгій неумолкаемый вопль. Толпа плыла и гудѣла, какъ темный кипящій потокъ.

Роту вызвали изъ подвала гостиницы. Она спѣшно построилась, развернулась цѣпью и пошла вдоль Гончарной съ винтовками на перевѣсъ. Хотѣлось зажмурить глаза, остановиться, но надвигалась толпа, и медленно къ ней навстрѣчу шли цѣпи.

Раздалась команда; не глядя на толпу, поднявъ только повыше винтовки, цѣпь дала первый залпъ вверхъ, въ воздухъ. Но вдругъ, надъ головами затрещали пулеметы. Всѣ недоумѣвали, откуда и кто стрѣляетъ. Стрѣлялъ ли это бѣшеный командиръ первой роты или стрѣляли полицейскіе — никто не понималъ.

Стрѣльба поднялась со всѣхъ сторонъ. Волынцы стрѣляли

только вверхъ. Изъ подъѣзда гостиницы выбѣжалъ въ растегнутой шинели командиръ первой роты.

— Какъ вы стрѣляете? Стрѣлять по одиночкѣ, чтобы я видѣлъ! Въ людей цѣлить, въ людей!

Онъ бѣгалъ, какъ сумасшедшій между солдатами, выхватывалъ изъ рукъ винтовки и стрѣлялъ самъ. Толпа разбѣгалась и катилась во всѣ стороны. Жались къ стѣнкамъ домовъ рѣдкія кучки людей, тискались къ запертымъ воротамъ, раненые падали въ снѣгъ, пытались приподняться, встать, бѣжать и снова падали.

Въ 3 часа было отдано распоряженіе прекратить огонь.

Въ это время вторая рота, которая утромъ размѣстилась на Николаевской улицѣ, была уже на Невскомъ. Командиръ первой роты побѣжалъ провѣдать вторую роту, но тамъ его обманули солдатской смекалкой.

Далеко въ полумракѣ показалась толпа. Ротный командиръ сразу приказалъ открыть огонь. Но взводный Марковъ и отдѣленный Орловъ, хорошо зная командирскую близорукость, замахали руками.

— Что вы, что вы, ваше благородіе, это не толпа, это кавалерія!

— А, кавалерія? Отставить!

Къ ночи растянулись цѣпью по Знаменской; было отдано распоряженіе не пропускать ни одного автомобиля, ни одного извозчика, ни одного пѣшехода. На тротуарахъ кое-гдѣ жались кучки людей, просили пустить домой. Какая-то маленькая старушка въ черной шляпкѣ плакала навзрыдъ и бормотала сквозь слезы, что не сможетъ простоять на улицѣ всю ночь, что не выдержатъ ночного мороза ея старыя кости. Кирпичниковъ выручалъ запоздалыхъ путниковъ. Онъ время отъ времени уговаривалъ офицеровъ зайти въ гостиницу погрѣться и пользовался этимъ временемъ, чтобы пропустить запоздалыхъ пѣшеходовъ.

Только въ часъ ночи было получено распоряженіе снять дозоры, построиться и идти въ казармы".

Въ этотъ день въ городѣ было расклеено объявленіе главнокомандующаго генерала Хабалова, гласяшее что для водворенія порядка войска прибѣгнутъ къ оружію. Наканунѣ онъ оповѣстилъ населеніе столицы, что, если со вторника 28-го февраля рабочіе не приступятъ на фабрикахъ и заводахъ къ работамъ, то всѣ но-

вобранцы досрочныхъ призывовъ 1917, 1918 и 1919 годовъ, пользующіеся отсрочками, будутъ призваны въ войска.

26-го февраля, около 5-ти часовъ вечера, напоенная водкой часть учебной команды NN полка, открыла въ центрѣ города огонь изъ пулемета, поставленнаго на грузовой автомобиль. Стрѣляли по рабочимъ, которые пріѣхали изъ Колпина въ городъ за хлѣбомъ. Тутъ только и пролилась братская кровь отъ руки опьяненныхъ начальствомъ солдатъ. Но товарищи быстро расправились съ пьяной ордой, осмѣлившейся стрѣлять въ народъ. Ни одинъ изъ этихъ разбойниковъ не вернулся живымъвъ казармы.

„Поздно ночью въ учебную команду Волынскаго полка пришелъ командиръ первой роты, походилъ между коекъ, оглядѣлся и вдругъ говоритъ:

— Сегодня нужно осмотрѣть всѣ винтовки и у всѣхъ отобрать на ночь патроны.

Онъ точно предугадывалъ, точно чувствовалъ въ глухихъ отвѣтахъ солдатъ и въ лихорадочномъ блескѣ ихъ глазъ, что-то невыразимо пугающее, что-то тревожное, какъ гулъ далекой грозы.

— „Отобрать патроны“! — этого никогда раньше не бывало въ полку, чтобы на ночь патроны отбиралъ самъ офицеръ. Кирпичниковъ, сдерживая себя, тихо напомнилъ командиру, что взводные, а не офицеры всегда отбирали патроны, и что теперь они уже отобраны.

— Ну, ладно, — сказалъ онъ. — На завтра я приказываю выступить въ 8 часовъ утра, а теперь — спать.

Настала вторая тревожная ночь у волынцевъ.

Поздно, за полночь, къ койкѣ Кирпичникова собрались взводные. Босые, въ одномъ бѣльѣ, накинувъ шинели на плечи, выходили они одинъ за другимъ изъ темноты, какъ безшумныя тѣни. Блѣдные, взволнованные, столпились они у койки Кирпичникова, который заговорилъ отчетливымъ и спокойнымъ голосомъ:

— Братья мои, дорогіе мои товарищи... Сколько крови было сегодня. Насъ заставляютъ бить своихъ, убивать заставляютъ нашихъ женъ, стариковъ-отцовъ, матерей, милыхъ братьевъ... И знаемъ мы всѣ, что ни за что, знаемъ мы, что это дѣлается для того только, чтобы темнѣе было да глуше на Руси темная ночка... Тутъ оборвался его голосъ. Еще тѣснѣе всѣ сгрудились и придвинулись къ койкѣ.

— Мы не пойдемъ завтра, — снова заговорилъ Кирпичниковъ. Никто изъ насъ завтра не будетъ стрѣлять въ свой народъ, никто, братцы.

Всѣ вздохнули, точно тяжкій камень свалился съ груди.

— Мы завтра подымемъ команды на часъ раньше, построимся съ оружіемъ и боевыми патронами, а теперь надо разойтись, намъ нужны силы, попробуемъ заснуть, забыться.

Всѣ разошлись. Только Кирпичниковъ да Марковъ продолжали разговоръ.

— Какъ бы все это сдѣлать, чтобы толкъ вышелъ. Вѣдь одни мы все начинаемъ.

— Да, одни. И пойдутъ ли еще за нами другіе... А вдругъ, какъ насъ разгромятъ.

— Ну, тоже, тогда насъ повѣсятъ съ тобой, Михаилъ. Безъ пощады повѣсятъ.

Эхъ, будь что будетъ... Смерть не страшна. Не первые мы умремъ за свой народъ... Да только не могу я повѣрить, чтобы насъ не поддержали. Чувствую я, что всѣ ждутъ общаго сигнала.

— А если не поддержатъ, волынцы будутъ драться одни. Мы — учебная команда. Насъ строго учили, какъ надо драться. У насъ есть пулеметы. Мы можемъ разбить тысячи, даже двѣ солдатъ. А потомъ умремъ, сдаваться не будемъ.

— Не будемъ. Нѣтъ... нѣтъ... Только чувствую я, что всѣ возстанутъ. Вѣдь общее, народное дѣло...

Сѣрый холодный дымъ разсвѣта уже льнулъ къ стекламъ оконъ. Оба товарища забылись на минуту сномъ. Вдругъ Кирпичникова разбудилъ встревоженный голосъ дежурнаго.

— Васъ вызываетъ къ телефону командиръ первой роты.

Марковъ и Кирпичниковъ вскакиваютъ и въ одномъ бѣльѣ спѣшатъ къ телефону въ канцелярію. Кирпичниковъ беретъ трубку, а Марковъ слуховой пріемникъ.

— Всѣ спятъ? — слышенъ въ трубкѣ голосъ командира.

— Всѣ лежатъ, — отвѣчаетъ Кирпичниковъ.

— А гдѣ каптенармусъ? Кажется, онъ шатается ночью по казармамъ.

— Нѣтъ, каптенармусъ тоже спитъ...

У Кирпичникова на минуту захолонуло сердце: каптенармусъ на самомъ дѣлѣ не спалъ. Онъ былъ въ это время въ 4-й ротѣ, чтобы переговорить съ товарищами о завтрашнемъ днѣ.

— Такъ помните: построиться безъ 10 мин. 8 час. — приказываетъ голосъ командира.

Въ казармахъ услышали уже о разговорѣ съ командиромъ. Многихъ разбудили, а многіе и такъ тихо лежали всю эту ночь напролетъ, съ открытыми глазами, всю эту трепетную, рѣшительную ночь на 27 февраля.

Въ 6 час. утра всѣ были на ногахъ.

Взводные собрали въ кружки свои взводы и объясняли имъ, на какое великое дѣло выйдутъ они сегодня. Всѣ соглашались, какъ одинъ.

Изъ полкового цейхгауза, подъ командой инструктора Ивана Дренчука, товарищи выносили патроны, ящикъ за ящикомъ. Патроны быстро всѣ разобрали по рукамъ. Набивали ими карманы шинелей, подсумки сыпали за пазуху. Всѣ рѣшились защищать до конца свою свободу и жизнь.

Переворотъ.

Въ 7 час. утра, т. е. за часъ до назначеннаго командиромъ срока, вся учебная команда, съ винтовками въ рукахъ, уже выстроилась въ полномъ порядкѣ, въ длинномъ коридорѣ въ „Образной".

Изъ рядовъ выступилъ Тимофей Кирпичниковъ. Оглядѣлъ онъ знакомыя, родныя лица товарищей, и темная тоска зажала ему на мигъ сердце. — „Что-то будетъ съ нами со всѣми". Оправился, задержалъ слезы, стиснувшія вдругъ горло.

— Милые мои друзья, товарищи, будете ли слушать команду

— Будемъ! — горячо и дружно прокатилось по рядамъ.

— Вы видѣли, что было вчера, чью кровь заставили насъ лить, кого бить прикладами, въ кого стрѣлять? Согласны ли вы не идти противъ народа?

— Согласны! — горячо вырвалось у всѣхъ.

— За прежнее грѣхъ намъ и стыдно, товарищи! Отнынѣ довольно. Еще часъ, еще день и навсегда лишимся мы, солдаты, любви народа.

Только успѣлъ сказать это Кирпичниковъ, какъ стали приходить офицеры.

Было условлено всѣхъ офицеровъ, кромѣ командира, встрѣчать, какъ всегда и отвѣчать на привѣтствіе. Первымъ пришелъ прапорщикъ Колоколовъ. Кирпичниковъ скомандовалъ — „смирно"! и на привѣтствіе „здорово, молодцы"! рота отвѣтила какъ всегда.

Въ 9 часовъ утра пришелъ командиръ первой роты. Прапорщикъ скомандовалъ „смирно"! Командиръ, не здороваясь съ солдатами, быстро подошелъ къ Кирпичникосу и оглядѣлъ его пытливымъ и жесткимъ взглядомъ.

— Ну, здравствуй, Кирпичниковъ! — сказалъ онъ. Въ этотъ мигъ могучее „ура" вырвалось изъ солдатскихъ грудей, зазвенѣли въ окнахъ стекла, командиръ растерялся.

— Мы больше не будемъ стрѣлять! — крикнулъ Марковъ въ промежутки между раскатами „ура".

Ротный командиръ подбѣжалъ къ нему, схватилъ за пуговицы шинели и заговорилъ:

— Что? что ты сказалъ?

Марковъ взялъ винтовку на изготовку. Ротный командиръ отбѣжалъ въ сторону и опустилъ правую руку въ карманъ, нащупывая тамъ револьверъ. Въ казармѣ была мертвая тишина. Командиръ немного оправился и вынулъ изъ кармана смятый листокъ бумаги, — это была телеграмма отъ царя, слѣдующаго содержанія:

„Немедленно всѣми средствами успокоить волненія. Николай".

Глухой гулъ прервалъ чтеніе. Никто не желалъ слушать. Вдругъ чей то прикладъ грозно ударилъ о каменныя плиты.

— Уходи отъ насъ, мы не хотимъ тебя видѣть.

Ударилъ еще прикладъ, еще и еще, и скоро вся казарма загрохотала, загудѣла, сотрясаясь отъ грозныхъ ударовъ о каменныя плиты.

Командиръ поблѣднѣлъ, какъ то весь съежился и быстро выбѣжалъ вонъ. Вся рота бросилась къ окнамъ, и солдаты видѣли, какъ на дворѣ, командиръ раскинувъ руки, съ размаха грохнулся лицомъ въ снѣжный сугробъ, — его сразила чья то мѣткая пуля.

Команду принялъ Кирпичниковъ. „Рота напра-во, шагомъ, маршъ!", — скомандовалъ Кирпичниковъ. Люди двинулись во дворъ.

На дворѣ гремѣла пальба, горнисты играли тревогу, въ воздухѣ раздавались раскаты громового „ура". Скоро весь дворъ

наполнился волынцами. Тимофей Кирпичниковъ вышелъ впередъ и скомандовалъ:

— Теперь, впередъ, товарищи. Шагомъ, маршъ!

Волынцы двинулись.

— Правое плечо впередъ, маршъ, къ литовцамъ, къ преображенцамъ! — скомандовалъ Кирпичниковъ".

У преображенцевъ въ это время роты готовились къ обычнымъ занятіямъ. Уже приступили къ работѣ, какъ вдругъ услышали шумъ, доносившійся изъ сосѣднихъ казармъ Волынскаго полка. Офицеры приказали увести солдатъ со двора въ казармы. Но трудно было отогнать солдатъ отъ оконъ, они инстинктивно чувствовали, что на улицѣ происходитъ что то важное, до нихъ донеслись слухи, что волынцы идутъ къ нимъ съ красными флагами.

Унтеръ-офицеръ 4-й роты Преображенскаго полка Федоръ Мануйловичъ Кругловъ, умный, чуткій, проницательный костромичъ, подошелъ къ окну и увидѣлъ, что волынцы, дѣйствительно, стройной массой двигаются къ преображенскимъ казармамъ. Во дворъ вошли уже нѣсколько человѣкъ и громко звали идти вмѣстѣ, грозя въ противномъ случаѣ стрѣлять.

Какая то стихійная сила потянула всѣхъ во дворъ. Вся 4-я рота, какъ одинъ человѣкъ, высыпала изъ казармы, открыла патронный складъ, разобрала винтовки и патроны и двинулась къ Кирочной улицѣ, гдѣ захватила третью роту и всѣ вмѣстѣ направились къ Литейному проспекту.

Тутъ было рѣшено направиться на Выборгскую сторону на соединеніе съ Московскимъ полкомъ. По пути присоединились части Литовскаго полка и 6-го запаснаго cапернаго батальона.

Перейдя Литейный мостъ, часть преображенцевъ свернула по набережной направо къ одиночной тюрьмѣ, чтобы освободить томящихся тамъ заключенныхъ. Четвертая же рота, подъ командой Круглова, направилась къ московскимъ казармамъ.

Народъ, не зная съ какой цѣлью идутъ солдаты, видимо боялся, — не стали бы стрѣлять. Но Кругловъ, помахавъ шапкой, вышелъ впередъ и крикнулъ: „Присоединяйтесь къ намъ. Мы идемъ бороться за вашу свободу!"

Услышавъ такой призывъ, рабочіе бросились навстрѣчу солдатамъ и вмѣстѣ съ ними направились по Лѣсному проспекту, къ московскимъ казармамъ.

Преображенцы не были увѣрены въ томъ, что Московскій

полкъ присоединится къ нимъ. Поэтому, подходя къ казармамъ, было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ вверхъ. Роты Московскаго полка быстро стали выходить во дворъ, но въ это время открылась безпорядочная стрѣльба. У преображенцевъ появились раненые. Потомъ передавали, что стрѣляли изъ офицерскаго собранія.

Съ присоединившимися ротами Московскаго полка преображенцы двинулись назадъ, но тутъ съ чердака какого то дома застрекоталъ пулеметъ. Пришлось свернуть въ переулокъ, гдѣ увидѣли военную тюрьму.

Федоръ Кругловъ сталъ уговаривать товарищей выпустить заключенныхъ на свободу. Подошли къ воротамъ тюрьмы, дали нѣсколько выстрѣловъ, и ворота, какъ по мановенію волшебнаго жезла, отворились, и одинъ за другимъ стали выбѣгать узники, охваченные восторгомъ свободы.

Выпустивъ заключенныхъ, солдаты зажгли канцелярскія бумаги и списки, а затѣмъ направились обратно черезъ Литейный мостъ въ городъ, гдѣ уже горѣлъ окружный судъ.

Куда идти, что дѣлать? — размышлялъ Кругловъ. Въ это время къ нему подошелъ унтеръ-офицеръ 6-го запаснаго саперснаго батальона и съ нимъ вмѣстѣ, взявъ нѣсколько надежныхъ товарищей, Кругловъ рѣшилъ направиться къ Таврическому дворцу.

Рѣшивъ занять Таврическій дворецъ, и организовать его оборону и охрану народныхъ избранниковъ, быстро дошли преображенцы до Таврическаго дворца. Кругловъ первый вошелъ со своей ротой въ полуциркульный залъ; онъ взялъ на себя обязанности караульнаго начальника, а товарищей своихъ поставилъ въ залѣ засѣданія и въ Екатерининскомъ залѣ для защиты дворца народной свободы, ставшаго съ того момента священной цитаделью русской революціи.

До прихода преображенцевъ у входа въ Таврическій дворецъ стояли только почетные часовые, выставленные А. Ф. Керенскимъ изъ числа солдатъ, явившихся къ нему, какъ первому защитнику трудящагося класса страны.

Но вернемся нѣсколько назадъ. Когда къ волынцамъ присоединились уже преображенцы, у Кирпичникова явилась твердая увѣренность, что дѣло его выиграно, и что весь гарнизонъ Петрограда безъ кровопролитія перейдетъ на его сторону.

И дѣйствительно, къ нему быстро присоединяются литовцы, высыпаютъ на улицу саперы. Всѣ вмѣстѣ двигаются они на Ли-

тейный проспектъ. Вся эта масса направилась къ дому предварительнаго заключенія, гдѣ сорвала окованныя желѣзомъ двери тюрьмы, выпустила на свободу узниковъ и подожгла факелами свободы сѣрыя стѣны мрачной предварилки.

За Литейнымъ мостомъ была устроена засада. Затрещалъ пулеметъ. Но солдаты засаду быстро смели, раскрыли двери арсенала и патроннаго склада, и народъ быстро былъ вооруженъ и снабженъ боевыми припасами. На Литейномъ проспектѣ около арсенала были выставлены орудія, которыя должны были встрѣтить царскія войска, если бы они попытались съ оружіемъ въ рукахъ вступить въ столицу. Въ это время уже носились смутные слухи, что генералъ Ивановъ съ георгіевскими кавалерами идетъ по повелѣнію царя на усмиреніе столицы и на защиту правительства.

Трусливое царское правительство бѣжало въ Адмиралтейство, гдѣ заперлось, защищаемое небольшой горстью обманутыхъ солдатъ съ двумя батареями.

Чтобы яснѣе представить себѣ всю растерянностъ царскаго правительства, мы приведемъ телеграмму и. д. начальника морского генеральнаго штаба графа Капниста, посланную имъ 28 февраля утромъ адмиралу Русину въ ставку:

„Положеніе къ вечеру таково: мятежныя войска овладѣли Выборгской стороной, всею частью города отъ Литейнаго до Смольнаго и оттуда по Суворовскому и Спасской. Сейчасъ сообщаютъ о стрѣльбѣ на Петроградской сторонѣ. Сеньоренъ-конвентъ Государственной Думы, по просьбѣ делегатовъ отъ мятежниковъ, избралъ Комитетъ водворенія порядка въ столицѣ и для сношенія съ учрежденіями и лицами. Сомнительно, однако, что бушующую толпу можно успокоить. Войска переходятъ легко на сторону мятежниковъ. На улицѣ офицеровъ обезоруживаютъ. Автомобили толпа отбираетъ. У насъ отобраны три автомобиля, въ томъ числѣ вашего высокопревосходительства, который вооруженные солдаты заставили выѣхать со двора моей квартиры, держатъ съ Хижнякомъ, котораго заставили править машиной. Командованіе принялъ Бѣляевъ, но судя по тому, что происходитъ — едва ли онъ справится. Въ городѣ отсутствіе охраны и хулиганы начали грабить. Семафоры порваны, поѣзда не ходятъ. Морской министръ боленъ инфлуенціей. Большая температура — 38. Лежитъ. Теперь ему лучше. Чувствуется полная анархія. Есть признаки, что у мятежниковъ плана нѣтъ, но замѣтна нѣкоторая

организація. Напримѣръ, кварталы отъ Литейнаго до Сергіевской и Таврической обставлены ихъ часовыми. Я живу въ штабѣ. Считаю, что выѣхать въ ставку до новаго вашего распоряженія не могу. Графъ Капнистъ".

О событіяхъ въ столицѣ въ ставкѣ знали и изъ другихъ источниковъ. Еще 26-го февраля изъ Таврическаго дворца М. В. Родзянко отправилъ царю телеграмму слѣдующаго содержанія:

„Положеніе серьезное. Въ столицѣ анархія. Правительство парализовано. Транспортъ продовольствія и топлива пришелъ въ полное разстройство. Растетъ общественное недовольство. На улицахъ происходитъ безпорядочная стрѣльба. Части войскъ стрѣляютъ другъ въ друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся довѣріемъ страны составить новое правительство. Медлить нельзя. Всякое промедленіе смерти подобно. Молю Бога, чтобы въ этотъ часъ отвѣтственность не пала на вѣнценосца".

27-го утромъ туда же была отправлена М. В. Родзянко другая телеграмма:

„Положеніе ухудшается. Надо принять немедленно мѣры, ибо завтра будетъ уже поздно. Насталъ послѣдній часъ, когда рѣшается судьба родины и династіи".

Какъ бы въ отвѣтъ на эти телеграммы былъ полученъ указъ о роспускѣ Государственной Думы, датированный 27-го февраля.

Дума не разошлась. Она не могла подчиниться такому указу и, ради спасенія страны, рѣшила дѣйствовать такъ, какъ повелѣвала ей совѣсть. Въ Таврическомъ дворцѣ происходили непрерывныя засѣданія.

27 февраля ровно въ полночь организовался Исполнительный Комитетъ Государственной Думы въ составѣ: М. В. Родзянко, А. Ф. Керенскій, Н. С. Чхеидзе, В. В. Шульгинъ, П. Н. Милюковъ, М. А. Карауловъ, А. И. Коноваловъ, И. И. Дмитрюковъ, В. А. Ржевскій, С. И. Шидловскій, Н. В. Некрасовъ и В. Н. Львовъ.

Немедленно же Исполнительнымъ Комитетомъ было опубликовано слѣдующее воззваніе:

„Временный Комитетъ членовъ Государственной Думы при тяжелыхъ условіяхъ внутренней разрухи, вызванной мѣрами стараго правительства, нашелъ себя вынужденнымъ взять въ свои руки возстановленіе государственнаго и общественнаго порядка. Сознавая всю отвѣтственность принятаго имъ рѣшенія, Комитетъ

выражаетъ увѣренность, что населеніе и арміи помогутъ ему въ трудной задачѣ созданія новаго правительства, могущаго пользоваться его довѣріемъ".

Старая власть разлагалась и представители ея мало-по-малу арестовывались народомъ и приводились въ Таврическій дворецъ. Около 11-ти часовъ вечера 27 февраля былъ доставленъ подъ конвоемъ первый арестантъ — б. предсѣдатель Государственнаго Совѣта И. Г. Щегловитовъ.

Четвертая рота Преображенскаго полка, во главѣ съ унтеръ-офицеромъ Федоромъ Кругловымъ, взяла на себя важную обязанность охраны членовъ низвергнутаго правительства. Кругловъ своей здравой смекалкой сейчасъ же выработалъ свой уставъ гарнизонной службы, свои правила, которыми онъ, а также и всѣ его часовые руководствовались при несеніи службы.

Какая злая иронія судьбы! И. Г. Щегловитовъ и другіе арестованные, которые мало-помалу стали прибывать въ Таврическій дворецъ, помѣщались въ министерскомъ павильонѣ, выстроенномъ Столыпинымъ для отдыха членовъ правительства.

Кругловъ самъ тщательно осматривалъ каждаго прибывающаго. Отбиралъ у нихъ всѣ предметы, ненужные содержащимся подъ стражей. Арестованные были посажены на тѣ кресла министерскаго павильона, на которыхъ они не разъ раньше сидѣли въ гордомъ сознаніи своего всемогущества. Теперь это были жалкіе трусы, трепетавшіе въ ожиданіи народнаго гнѣва. Но Кругловъ со своими солдатами пуще зеницы ока охранялъ этихъ столповъ стараго режима. Онъ зналъ, что ихъ показанія неоцѣнимы для исторіи.

Дрожащіе, съ отвисшими губами, съ помутившимися глазами сидѣли представители стараго строя. Имъ запрещено было между собой разговаривать. Они не смѣли даже ходить. Твердой волей Круглова они были прикованы къ своимъ кресламъ крѣпче всякихъ цѣпей.

Почти одновременно съ образованіемъ Исполнительнаго Комитета Государственной Думы, образовался Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ. Предсѣдателемъ совѣта былъ избранъ членъ Государственной Думы Н. С. Чхеидзе, а товарищами предсѣдателя: члены Государственной Думы А. Ф. Керенскій и М. И. Скобелевъ.

Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, сорганизовав-

шись въ Технологическомъ Институтѣ, перенесъ свою штабъ-квартиру и засѣдалъ въ Таврическомъ дворцѣ. Тутъ 27 февраля Совѣтомъ было выработано воззваніе къ населенію Россіи и Петрограда; воззваніе это немедленно было опубликовано; вотъ его текстъ.

„Старая власть довела страну до полнаго развала, а народъ до голоданія. Терпѣть дальше стало невозможно. Населеніе Петрограда вышло на улицы, чтобы заявить о своемъ недовольствѣ. Его встрѣтили залпами. Вмѣсто хлѣба царское правительство дало народу свинецъ.

Но солдаты не захотѣли идти противъ народа и возстали противъ правительства. Вмѣстѣ съ народомъ они захватили оружіе, военные склады и рядъ важныхъ правительственныхъ учрежденій.

Борьба еще продолжается; она должна быть доведена до конца. Старая власть должна быть низвергнута и уступить мѣсто народному правленію. Въ этомъ спасеніе Россіи.

Для успѣшнаго завершенія борьбы въ интересахъ демократіи народъ долженъ создать свою собственную, властную организацію.

27-го февраля въ столицѣ образовался Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ изъ выборныхъ представителей заводовъ и фабрикъ, возставшихъ воинскихъ частей, а также демократической и соціалистической партій и группъ.

Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, засѣдающій въ Государственной Думѣ, ставитъ своей задачей организацію народныхъ силъ и борьбу за окончательное упроченіе политической свободы и народнаго правленія въ Россіи.

Совѣтъ назначилъ районныхъ комиссаровъ для установленія народной власти въ районахъ Петрограда.

Приглашаемъ все населеніе столицы немедленно сплотиться вокругъ Совѣта, образовать мѣстные комитеты въ районахъ и взять въ свои руки управленіе всѣми мѣстными дѣлами.

Всѣ вмѣстѣ, общими силами будемъ боротся за полное устраненіе стараго правительства и созывъ Учредительнаго Собранія, избраннаго на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права“.

Объявивъ это воззваніе, Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ не только не пріостановилъ своей плодотворной дѣятельности, но продол-

жалъ засѣдать въ залахъ Таврическаго дворца почти безпрерывно день и ночь, поддерживая связь съ Исполнительнымъ Комитетомъ Государственной Думы.

Всю ночь съ 27 на 28-е февраля Таврическій дворецъ жилъ нервно. Ни на одну минуту члены Государственной Думы и Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ не покидали священныхъ стѣнъ цитадели русской революціи, къ которой продолжали стекаться несмѣтныя толпы народа и возставшія войска. Каждый несъ въ Таврическій дворецъ все, что было нужно для народа. Здѣсь складывались мѣшки муки, укрывавшіеся доселѣ по распоряженію градоначальника въ темныхъ подвалахъ; сюда свозились мясныя туши, сахаръ, чай, хлѣбъ, какія-то бумаги, динамитъ, пироксилинъ, оружіе, ручныя гранаты, платья обувь и т. д. Ясно было что народъ подготовляетъ эту цитадель къ упорной осадѣ. Да и немудренно. Носились вполнѣ опредѣленные слухи, что царь въ Могилевѣ, своей ставкѣ, забывъ о врагѣ внѣшнемъ стягиваетъ войска для похода противъ своего народа.

Контръ-революція.

Вотъ что въ это время происходило въ ставкѣ. Въ 10 часовъ, вечера 27-го февраля, послѣ обѣда, царь потребовалъ къ себѣ въ кабинетъ своего свитскаго генерала Н. І. Иванова и объявилъ ему, что онъ назначаетъ его главнокомандующимъ войсками петроградскаго военнаго округа, сказавъ при этомъ, что въ Петроградѣ начинается броженіе въ запасныхъ полкахъ и среди рабочихъ; поэтому для усиленія петроградскаго гарнизона онъ посылаетъ уда нѣкоторое количество пѣхоты и конницы изъ дѣйствующей арміи.

Генералъ Ивановъ доложилъ царю, что прежде всего надо позаботиться объ успокоеніи населенія, такъ какъ начавшееся уже давно, на его взглядъ, недовольство въ разныхъ кругахъ населенія, вызванное дѣятельностью министровъ, особенно усилилось съ середины прошлаго года, министры не пользуются ни уваженіемъ, ни довѣріемъ, и что нынѣшнее министерство стало „нетерпимымъ“.

— „Хотя я, — сказалъ генералъ Ивановъ, — совершенно не считаю себя лицомъ, сколько нибудь компетентнымъ въ дѣлахъ государственнаго управленія, но полагаю своимъ долгомъ доложить, что настоящій составъ министерства долженъ быть замѣненъ, такъ называемымъ, „министерствомъ довѣрія“.

Царь задумался и черезъ нѣсколько секундъ спросилъ Иванова:

— „Кому же поручить составленіе такого министерства довѣрія?“

— „Мое впечатлѣніе, — говорилъ потомъ уже арестованный Ивановъ, — было таково, что для царя этотъ вопросъ отнюдь не былъ новымъ, и что относится онъ къ нему благосклонно“.

Генералъ доложилъ, что почти совершенно не знаетъ тѣхъ круговъ и дѣятелей, изъ среды которыхъ надо выбирать министровъ, но что можно избрать достойныхъ лицъ изъ видныхъ государственныхъ или общественныхъ дѣятелей, при чемъ назвалъ М. В. Родзянко, Львова и еще нѣсколько именъ.

Царь на это ничего не отвѣтилъ.

Послѣ этого разговора генералъ Ивановъ отправился къ начальнику штаба верховнаго главнокомандующаго генералу Алексѣеву съ просьбой сообщить ему свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ столицѣ.

Генералъ Алексѣевъ сказалъ, что положеніе въ Петроградѣ становится весьма серьезнымъ.

Это заставило ген. Иванова задуматься по поводу тѣхъ затрудненій и обостреній, которыя могутъ возникнуть по подвозу въ столицу продовольствія и угля. Поэтому онъ рѣшилъ просить царя обезпечить ему надлежащее содѣйствіе тѣхъ министровъ, отъ которыхъ зависитъ это дѣло, очевидно не зная, что къ этому времени всѣ старые министры уже сами себя упразднили.

И вотъ, около двухъ часовъ ночи, отправляется генералъ Ивановъ въ царскій вагонъ, — царь готовился ѣхать въ Царское Село, — съ просьбой дать указанія министрамъ: земледѣлія, торговли и промышленности, путей сообщенія и внутреннихъ дѣлъ объ оказаніи ему, Иванову, содѣйствія, при чемъ просилъ подчинить ему и полицію.

На послѣднюю просьбу царь поморщился, но тѣмъ не менѣе приказалъ написать начальнику штаба для исполненія слѣдующую бумагу. Привожу эту историческую бумагу текстуально.

ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТЪ
ИВАНОВЪ.

—

28 февраля 1917 г.
№ 1.

Начальнику Штаба Верховнаго Главнокомандующаго.

При представленіи моемъ сего числа около 3 ч. утра Государю Императору, Его Императорскому Величеству было благоугодно повелѣть доложить Вамъ, для поставленія въ извѣстность председателя совѣта министровъ, слѣдующее повелѣніе Его Императорскаго Величества.

„Всѣ министры должны исполнять всѣ требованія главнокомандующаго петроградскимъ военнымъ округомъ генералъ-адъютанта Иванова безпрекословно“.

Генералъ-адъютантъ Ивановъ.

Передавая эту бумагу Алексѣеву Ивановъ просилъ провѣрить точность ея запросомъ по телеграфу царя. На что Алексѣевъ сказалъ, что это излишне; и разставаясь съ Ивановымъ сказалъ:

— „Мы свидимся съ вами завтра въ Царскомъ Селѣ“.

Вслѣдъ за этимъ генералъ Ивановъ вызвалъ по прямому проводу въ Петроградѣ генерала Хабалова къ 9 часамъ утра· Черезъ нѣсколько минутъ по тому же проводу происходитъ слѣдующій разговоръ.

— „У аппарата капитанъ Брагинъ (Петроградъ)“.

— „Здѣсь (Ставка) штабсъ-капитанъ баронъ Каульбарсъ“.

— „Сегодня ночью генералъ-адъютантъ Ивановъ телеграммой за № 9309 просилъ генерала Хабалова переговорить въ 9 ч. утра. Здѣсь неизвѣстно, гдѣ слѣдуетъ переговорить съ генераломъ Ивановымъ: въ Петроградѣ или по прямому проводу со Ставкой. Кромѣ того генералъ Хабаловъ находится въ зданіи Адмиралтейства и полагаетъ, что выходъ его оттуда неизбѣжно связанъ съ арестомъ его на улицѣ революціонерами. Если генералъ-адъютантъ Ивановъ въ Петроградѣ, прошу сообщить, гдѣ онъ находится“.

Затѣмъ по распоряженію Иванова было передано въ Петроградъ слѣдующее:

„Генералъ-адъютантъ Ивановъ будетъ у аппарата въ 9 ч. утра; если генералъ Хабаловъ не можетъ подойти самъ, пусть пришлетъ довѣренное лицо“.

Въ 9 ч. утра 28-го февраля происходитъ по прямому проводу разговоръ между генераломъ Ивановымъ и Хабаловымъ:

— „Здравствуйте, я генералъ Ивановъ".

— „Здравія желаю Ваше Высокопревосходительство, я Хабаловъ".

— Генералъ Ивановъ:

„1) Какія части въ порядкѣ и какія безобразятъ?

2) Какіе вокзалы охраняются?

3) Въ какихъ частяхъ города поддерживается порядокъ?

4) Какія власти правятъ этими частями города?

5) Всѣ ли министерства правильно функціонируютъ?

6) Какія полицейскія власти находятся въ данное время въ вашемъ распоряженіи?

7) Какія техническія и хозяйственныя учрежденія военнаго вѣдомства нынѣ въ вашемъ распоряженіи?

8) Какое количество продовольствія въ вашемъ распоряженіи?

9) Много ли оружія, артиллеріи и боевыхъ припасовъ попало въ руки бунтующихъ?

10) Какіе военныя власти и штабы въ вашемъ распоряженіи?

Я сейчасъ иду къ генералу Алексѣеву и приду черезъ полчаса".

— „Хорошо".

Генералъ Хабаловъ на предложенные вопросы отвѣтилъ слѣдующей телеграммой:

„1) Моемъ распоряженіи зданіи главнаго адмиралтейства четыре гвардейскихъ роты, пять эскадроновъ и сотенъ и двѣ батареи, прочія войска перешли на сторону революціонеровъ или остаются, по соглашенію съ ними, нейтральными. Отдѣльные солдаты и шайки бродятъ по городу, стрѣляя прохожихъ, обезоруживая офицеровъ. 2) Всѣ вокзалы во власти революціонеровъ, строго ими охраняются. 3) Весь городъ во власти революціонеровъ, телефонъ не дѣйствуетъ, связи съ частями города нѣтъ. 4) Отвѣтить не могу. 5) Министры арестованы революціонерами. 6) Не находятся вовсе. 7) Не имѣю. 8) Продовольствія въ моемъ распоряженіи нѣтъ, въ городѣ къ 25 февраля было 5.600.000 пудовъ запаса муки *). 9) Всѣ артиллерійскія заведенія во власти ре-

*) На совѣщаніи указывалось, что муки 460.000 пуд. (см. выше).

волюціонеровъ. 10) Моемъ распоряженіи лично начальникъ штаба округа; съ прочими окружными управленіями связи не имѣю".

Эту же телеграмму подтвердилъ генералъ Хабаловъ въ послѣдовавшемъ затѣмъ разговорѣ по прямому проводу съ генераломъ Ивановымъ.

Около 1 ч. дня 28-го февраля генералъ Ивановъ съ первымъ эшелономъ георгіевскаго баталіона, выѣхалъ изъ Могилева въ Царское Село, пославъ предварительно на имя коменданта Царскаго Села слѣдующую телеграмму, изъ которой видно, съ какими силами шелъ на усмиреніе Петрограда царскій посланецъ.

„Прошу васъ сдѣлать распоряженіе о подготовкѣ помѣщенія для расквартированія въ г. Царское Село и его окрестностяхъ 13 баталіоновъ, 16 эскадроновъ и 4 батарей".

Но только что уѣхалъ генералъ Ивановъ изъ Могилева, какъ вдогонку ему была послана копія телеграммы начальника штаба верховнаго главнокомандующаго, адресованная на имя начальника военно-походной канцеляріи, за № 1820.

„Всеподданнѣйше доношу: военный министръ сообщаетъ, что около 12 часовъ 28-го сего февраля остатки оставшихся еще вѣрными частей въ числѣ 4 ротъ, одной сотни, 2 батарей и пулеметной роты по требованію морского министра были выведены изъ адмиралтейства, чтобы не подвергнуть разгрому зданіе. Переводъ всѣхъ этихъ войскъ въ другое мѣсто не признанъ соотвѣтственнымъ, въ виду неполной ихъ надежности. Части разведены по казармамъ, причемъ, во избѣжаніе отнятія оружія, по пути слѣдованія ружья и пулеметы, а также замки орудій сданы морскому министерству".

Съ этого момента всѣ части петроградскаго гарнизона фактически уже присоединились къ народу.

Старая власть, между тѣмъ, продолжала еще формировать эшелоны для „водворенія порядка" въ столицѣ. Наилучшей иллюстраціей этого служитъ слѣдующая переписка:

„Шифрованная телеграмма генерала Данилова отъ 28 февраля 1917 г., за № 1166/Б, на имя генералъ-адъютанта Иванова (копія командиру 42 корпуса).

„Государь императоръ повелѣлъ главнокомандующимъ петроградскимъ военнымъ округомъ быть генералъ-адъютанту Иванову. Въ случаѣ требованія генералъ-адъютанта Иванова, назначить въ его распоряженіе одинъ наиболѣе прочный баталіонъ выборгской крѣпостной артиллеріи. Главкосѣвъ (главнокомандующій сѣвер-

наго фронта) приказалъ баталіонъ этотъ держать на готовѣ и обезпечить его быструю переброску пунктъ назначенія".

Затѣмъ, шифрованная телеграмма генерала Гулевича *), отъ 1-го марта 1917 г., за № 535, на имя генералъ-адъютанта Иванова (Копія начальнику штаба сѣвернаго фронта).

„По приказанію Главкосѣва назначенъ баталіонъ выборгской крѣпостной артиллеріи. Продвиженіе его по желѣзной дорогѣ возможно только до Бѣлоострова, такъ какъ ближайшій къ Петрограду участокъ Финляндской желѣзной дороги занятъ вооруженными мятежниками".

Далѣе, интересны копіи секретныхъ телеграммъ генералъ-адъютанта Иванова, отъ 28 февраля 1917 г. за № 2, на имя Главкосѣва:

„Части назначенныя въ мое распоряженіе двоеточіе 67 и 68 пѣхотные полки подъ начальствомъ генерала Листовскаго и 15 уланскій Татарскій и 3 уральскій казачій полки подъ начальствомъ генерала Мартынова и пулеметная команда Кольта съ цѣлью сосредоточенія должны высадиться на станціи Александровская вблизи Царскаго Села, гдѣ получатъ отъ меня дальнѣйшія указанія точка. Выѣзжаю изъ Могилева сегодня двадцать восьмого февраля 13 часовъ и предполагаю быть на станціи Царское Село около восьми часовъ перваго марта гдѣ и остановлюсь на вокзалѣ до выясненія обстановки точка. Объ отданныхъ по сему распоряженіяхъ прошу мнѣ телеграфировать на станцію Дно и Царское Село и приказать этимъ частямъ по прибытіи Царское Село установить со мною связь".

И на имя Главкозапа (Главнокомандующаго арміями западнаго фронта):

„Части назначенныя въ мое распоряженіе двоеточіе 34 и 36 пѣхотные полки подъ начальствомъ генерала Дошунова 2 гусарскій Павлоградскій и 2 донской казачій полки подъ начальствомъ генерала князя Трубецкого и пулеметная команда Кольта и двѣ батареи съ цѣлью сосредоточенія должны высадиться на станціи Царское Село гдѣ и получатъ отъ меня дальнѣйшія указанія точка. Выѣзжаю изъ Могилева сегодня 28 февраля въ 13 часовъ и предполагаю быть на станціи Царское Село около восьми часовъ перваго марта гдѣ и останавлюсь на вокзалѣ до выясненія обстановки точка. Объ отданныхъ по сему распоря-

---

*) Командиръ 42 корпуса.

женіяхъ прошу мнѣ телеграфировать на станцію Дно и Царское Село и приказать этимъ частямъ по прибытіи Царское Село установить со мною связь".

Затѣмъ слѣдуютъ телеграфныя распоряженія по организаціи контръ-революціонной арміи. Вотъ эти документы:

Копія телеграммы генерала Данилова, отъ 28 февраля 1917 г., № 1165/Б (секретно) на имя Начальника штаба армій 1 и 5 (копія начальнику сообщеній сѣвернаго фронта и генералъ-адъютанту Иванову).

„Благоволите передать генералу Мартынову и генералу Листовскому, а также командиру отдѣльной пулеметной команды Кольта, котораго надлежитъ подчинить генералу Листовскому, что ввѣреннымъ имъ частямъ надлежитъ высадиться съ цѣлью сосредоточенія на станціи Александровской, гдѣ получить дальнѣйшія указанія отъ генералъ-адъютанта Иванова, прибывающаго Царское Село около 8 часовъ 1 марта точка. Генералъ-адъютантъ Ивановъ по прибытіи Царское Село остановится вокзалѣ, съ которымъ должна быть установлена связь по высадкѣ частей на станціи Александровской точка. Распоряженія о снабженіи отрядовъ продовольствіемъ и питаніи огнестрѣльными припасами средствами фронта сдѣланы".

Копія телеграммы генерала Рузскаго, отъ 28 февраля 1917 г. № 1168/Б, на имя генералъ-адъютанта Иванова.

„2. Всѣ распоряженія сдѣланы, копія таковыхъ послана вамъ депешей Царское Село".

Копія телеграммы подполковника Кринскаго, за № 3, на имя генерала Тихменева.

„Генералъ-адъютантъ Ивановъ проситъ отдать распоряженіе, чтобы составы эшелоновъ, въ коихъ слѣдуетъ Георгіевскій баталіонъ, были бы оставлены на первые три дня по прибытіи къ мѣсту назначеніи въ распоряженіи баталіона".

Такъ готовилось контръ-революціонное движеніе со стороны старой власти. Такъ судорожно хватался за свою корону, скипетръ и державу Николай II.

Въ Таврическомъ Дворцѣ въ ночь на 28 февраля стали уже извѣстны эти распоряженія о готовящемся походѣ на Петроградъ.

Подробностей и состава отряда не знали, но какъ въ Исполнительномъ комитетѣ Государственной Думы, такъ и въ Совѣтѣ Рабочихъ Депутатовъ были получены свѣдѣнія, что какія-то войска подъ командой генерала Иванова идутъ къ Петрограду. Поэтому

28 февраля рано утромъ Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ выпускаетъ воззваніе къ солдатамъ:

„Солдаты! Народъ, вся Россія благодаритъ васъ, возставшихъ за правое дѣло свободы.

Вѣчная память погибшимъ борцамъ.

Солдаты! Нѣкоторые изъ васъ еще колеблются присоединиться къ возставшимъ вашимъ и нашимъ товарищамъ.

Солдаты! Помните все ваше тяжелое житье въ деревнѣ, на фабрикахъ, на заводахъ, гдѣ всегда душило и давило васъ правительство. Присоединяйтесь къ народу и народъ дастъ вамъ и вашимъ семьямъ новую свободную жизнь и счастье,

Солдаты! Если вы отбились отъ своихъ частей — идите въ Государственную Думу — тамъ найдете своихъ товарищей и съ ними будете дѣлить радость и горе.

Солдаты! Не стрѣляйте зря на улицахъ; цѣль рѣдко, да мѣтко.

На крышахъ домовъ и въ отдѣльныхъ квартирахъ засѣли остатки полиціи, черносотенцевъ и другихъ негодяевъ. Старайтесь вездѣ ихъ немедленно снимать мертвой пулей или правильной атакой.

Солдаты! Вездѣ поддерживайте порядокъ. Сами идите стройными командами или цѣпями, соблюдая все воинское дѣло въ битвѣ съ врагомъ.

Солдаты! Въ опасныхъ мѣстахъ не забывайте посылать развѣдчиковъ. Держите между постами и отрядами связь и охраненіе. Вспомните все, что вы знаете, какъ нужно воевать съ врагомъ.

Солдаты не позволяйте хулиганамъ обижать мирныхъ гражданъ. Не давайте разбивать магазины или грабить квартиры. Это не надо!

За всѣми свѣдѣніями, справками и приказаніями обращайтесь въ Государственную Думу, гдѣ все время находится военная комиссія всѣхъ полковъ города Петрограда.

Будьте тверды и непоколебимы въ своемъ рѣшеніи боротся за свободу до смерти.

Поклянемся лучше умереть, но не отдать врагу свободы.

Жертвы службы и чести вашей никогда не забудетъ Россія. Да здравствуетъ свобода!“

Это обращеніе возымѣло свое дѣйствіе и колеблющіеся стали на сторону возставшаго народа.

Всѣ и за всѣмъ шли, какъ указано въ воззваніи, въ Государственную Думу въ Таврическій Дворецъ — цитадель революціи.

Въ Таврическомъ Дворцѣ.

Всю ночь съ 27-го на 28-е февраля шли аресты бывшихъ сановниковъ. Съ утра ихъ стали доставлять подъ усиленнымъ конвоемъ въ Таврическій дворецъ. Прежде всѣхъ въ 8 час. утра былъ доставленъ бывшій предсѣдатель Совѣта министровъ Б. В. Штюрмеръ; за нимъ въ 10 час. утра знаменитый генералъ А. А. Курловъ, правая рука Протопопова, одновременно съ нимъ митрополитъ Питиримъ, затѣмъ въ 12 час. дня бывшій министръ здравоохраненія Г. Е. Рейнъ, градоначальникъ А. П. Балкъ, его помощники: О. И. Вендорфъ и В. В. Лысогорскій, жандармскій генералъ М. И. Казаковъ; въ 6 ч. вечера доставили предсѣдателя союза русскаго народа, погромщика и скандалиста доктора А. И. Дубровина и директора Морского училища, адмирала Карцева. Въ 8 час. вечера былъ доставленъ извѣстный взяточникъ бывшій послѣднее время министромъ юстиціи (!!) Н. А. Добровольскій; затѣмъ бывшіе министры внутреннихъ дѣлъ Макаровъ и Протопоповъ; въ 10 час. вечера привезли предсѣд. совѣта министровъ И. Л. Горемыкина, затѣмъ генерала А. П. Вернандера, члена Государственнаго Совѣта А. С. Стишинскаго и нач. отдѣла главнаго штаба генерала В. М. Баранова. Особенно жалокъ былъ А. Д. Протопоповъ. Куда дѣлся его величавый видъ. Гдѣ его слащавая, напускная обаятельность обращенія? Это какой-то трусливый, ощипанный цыпленокъ.

Митрополитъ Питиримъ былъ въ страшномъ волненіи. Подъ строгимъ конвоемъ, съ револьверами въ рукахъ, вели его къ министерскому павильону. Но силъ дойти у него не хватило. Въ полуциркульномъ залѣ ноги его подкосились, ему подставили стулъ, на который митрополитъ упалъ; его понесли на этомъ стулѣ въ общую комнату министерскаго павильона. Однако, въ дверяхъ стулъ застрялъ и пришлось оставить владыку въ передней. И тутъ, сидя у дверей, въ полубезсознательномъ состояніи, онъ благословлялъ всѣхъ своихъ знакомыхъ, которыхъ слѣдомъ

за нимъ подъ конвоемъ доставляли въ министерскій павильонъ. Тутъ сказался въ немъ ярый реакціонеръ. Рука его не поднималась для благословенія гражданъ Новой Россіи; онъ благословлялъ только старыхъ ея тирановъ, своихъ соратниковъ на поприщѣ деспотизма и безправія.

Вскорѣ къ Питириму были допущены двѣ какія-то духовныя особы, имѣвшія съ нимъ конфиденціальную бесѣду. Результатомъ этой бесѣды было отреченіе Питирима отъ митрополичьяго сана, послѣ чего, онъ былъ отпущенъ на покой въ Александро-Невскую лавру.

Вотъ привезли старую, дряхлую развалину — Горемыкина, бывшаго предсѣдателя совѣта министровъ. Старый бюрократъ сказался въ немъ и въ эту тяжелую для него минуту. Онъ пріѣхалъ въ Государственную Думу съ перомъ въ рукѣ; какъ застали его дома пишущимъ что-то за столомъ, такъ съ перомъ безъ шапки, въ солдатской шинели, пріѣхалъ онъ на грузовикѣ въ цитадель русской революціи. По мутному взору было видно, что этотъ государственный дѣятель давно утратилъ способность реагировать на все происходящее и соображать Онъ даже не волновался и относился ко всему тупо и безучастно.

Караульный унтеръ-офицеръ Федоръ Кругловъ, увидя эту дряхлую развалину, невольно воскликнулъ: „Чего ему было нужно! Чего ему хотѣлось!“

Въ это время во главѣ караула отъ 4 роты преображенцевъ, охранявшаго столповъ стараго режима, сталъ офицеръ, не свой офицеръ, а случайный, проникнутый жаждой работы на благо народа.

Рано утромъ, 28 февраля, пришелъ въ Таврическій дворецъ прапорщикъ перваго запаснаго пѣхотнаго полка Сергѣй Филимоновичъ Знаменскій, уже немолодой человѣкъ, долгое время бывшій передъ войной преподавателемъ въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, человѣкъ опредѣленныхъ стойкихъ убѣжденій, ярый поборникъ народной свободы. С. Ф. Знаменскій, спокойный, выдержанный, въ высшей степени деликатный и корректный офицеръ сразу поставилъ себя съ бывшими сановниками, такъ, что они, при одномъ его появленіи, трепетали и подобострастно смотрѣли ему въ глаза, а между тѣмъ, онъ ни разу ни на кого не возвысилъ голоса; онъ ихъ прямо загипнотизировалъ своей чистой, прекрасной душой. Онъ по собственной иниціативѣ всталъ во главѣ караула, быстро пріобрѣлъ полное довѣріе слав-

ныхъ преображенцевъ, сумѣлъ вселить въ нихъ безграничную къ себѣ любовь и преданность; вмѣстѣ съ ними онъ, ни на минуту не оставляя своего труднаго поста, несъ охрану министерскаго павильона, зорко слѣдя за арестованными сановниками. Немедленно въ караулѣ былъ имъ установленъ образцовый порядокъ. Каждаго вновь прибывающаго арестованнаго онъ самъ тщательно осматривалъ, опрашивалъ. Всѣ вещи и деньги отбиралъ, причемъ каждая мелочь записывалась въ книгу, деньги и цѣнныя вещи укладывались въ пакеты и отправлялись въ кассу Временнаго Комитета.

Утромъ же 28-го въ министерскій павильонъ прибыли добровольные помощники—студенты Анатолій Баронъ, Москвинъ и курсистки: Азанчевская, Бургина, Фитерманъ и Компанеецъ. Они исполняли всѣ порученія караула, относили пакеты, хлопотали о чаѣ и ѣдѣ для заключенныхъ и т. д. Но объ этомъ послѣ, а пока возвратимся къ арестованнымъ.

Осмотрѣвъ арестованнаго, отобравъ отъ него оружіе, если таковое имѣлось, преображенцы вели арестованнаго въ общую комнату министерскаго павильона, указывали тамъ ему мѣсто — и онъ садился. Кругомъ у стѣнъ стояли часовые, все время зорко слѣдившіе, чтобы арестованные не разговаривали между собой, ничего не передавали бы другъ другу; если кому-нибудь изъ нихъ нужно было идти въ уборную, онъ долженъ былъ знакомъ указать часовому и безъ его разрѣшенія не могъ встать.

Время отъ времени, арестованнымъ разрѣшалось размять свои закоченѣвшіе члены и пройтись. Но дѣлалось это все по командѣ. Всѣ должны были одновременно встать и ходить вокругъ комнаты одинъ за другимъ. И вотъ, бывшіе неограниченные властелины, гроза всего русскаго народа, какъ дрессированные, чинно шагали другъ за другомъ. Часовымъ строго-настрого было наказано при малѣйшемъ неповиновеніи принимать самыя рѣшительныя мѣры до употребленія въ дѣло оружія. Но столпы стараго строя и не думали сопротивляться или противодѣйствовать, они больше всего дрожали за свою жалкую жизнь.

Интересно было появленіе Протопопова въ Таврическомъ дворцѣ. Произошло это такъ. Въ 11 часовъ вечера къ одному изъ студентовъ, проходившему по двору Таврическаго дворца, подошелъ какой-то немолодой господинъ съ изможденнымъ лицомъ, въ дорогой шубѣ и обратился съ слѣдующимъ вопросомъ.

— Скажите, вы — студентъ?

— Студентъ, отвѣтилъ тотъ.

— Прошу васъ, проводите меня въ Исполнительный Комитетъ Государственной Думы. Я — бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ Протопоповъ. Я тоже желаю блага нашей родинѣ и потому я явился добровольно. Проводите же меня къ тѣмъ, къ кому нужно.

Протопоповъ едва стоялъ на ногахъ. Губы его дрожали. Студентъ взялъ его подъ руку и провелъ въ кабинетъ Исполнительнаго Комитета Государственной Думы. Народъ и солдаты узнали бывшаго министра и встрѣтили его бурей негодованія и возмущенія, готовые растерзать виновника всѣхъ бѣдъ послѣдняго времени.

Блѣдный, едва стоя на ногахъ, съ отвисшей губой предсталъ Протопоповъ передъ однимъ изъ членовъ Исполнительнаго Комитета.

Узнавъ Протопопова, членъ Исполнительнаго Комитета позвалъ конвой, который отвелъ его въ министерскій павильонъ. Вскорѣ туда явился А. Ф. Керенскій. При его входѣ, Протопоповъ всталъ, и подойдя къ нему, заплетающимся языкомъ произнесъ:

— Ваше превосходительство, отдаю себя въ ваше распоряженіе!

На это А. Ф. Керенскій твердымъ голосомъ, съ суровымъ лицомъ произнесъ, стукнувъ палкой о полъ.

— Бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ Протопоповъ, отъ имени Исполнительнаго Комитета арестовываю васъ.

Протопоповъ наклонился и сталъ что-то нашептывать Керенскому.

— Господинъ караульный начальникъ, — обратился Керенскій къ прапорщику Знаменскому, — бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ желаетъ сдѣлать мнѣ какое-то секретное сообщеніе. Проводите его въ отдѣльную комнату,

Послѣ краткой бесѣды Керенскій вышелъ изъ министерскаго павильона. Тутъ Протопоповъ потерялъ всякое присутствіе духа и показалъ всю низость своей души. Онъ умолялъ часовыхъ отпустить его, сулилъ караульному начальнику и часовымъ деньги, лишь бы его отпустили, давалъ честное слово, что онъ придетъ на другой день. Конечно, ничто не помогало.

Караульный унтеръ-офицеръ Кругловъ на всѣ его гнусныя предложенія гордо, съ достоинствомъ, отвѣчалъ:

— Мы не служимъ за деньги, какъ служили вы. Мы честные граждане, намъ не нужны деньги, а нужна правда!

Но и эти благородныя слова свободнаго гражданина не вразумили царскаго прислужника. Онъ сталъ уговаривать Круглова отпустить его, суля, какое угодно, вознагражденіе. Тогда Кругловъ взялъ въ руки револьверъ и негодующій, едва сдерживая себя, сурово сказалъ:

— Если ты у меня еще разъ заикнешься, то я тебя сейчасъ же положу на мѣстѣ!

Бывшій министръ поблѣднѣлъ и задрожалъ. Онъ понялъ что дѣло серьезно, что теперь шутить не время и сталъ креститься.

Унтеръ-офицеръ Кругловъ уложилъ Протопопова на диванъ, сказавъ ему:

— Лежи и ожидай, что тебѣ прикажутъ!

— Обидно было, — говорилъ потомъ Кругловъ, — что такая гадина деньги предлагаетъ намъ. А чьи деньги-то. Наши деньги, да намъ же хочетъ дать за освобожденіе его — главнаго виновника всей смуты и голода. Нѣтъ, прошли тѣ времена — не купишь насъ больше.

Между тѣмъ, въ Таврическомъ дворцѣ весь день кипѣла работа. Члены Госуд. Думы, члены Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ не переставали совѣщаться, не переставали обсуждать тѣ мѣры, которыя экстренно нужно принять для установленія порядка. Предсѣдатель Гос. Думы М. В. Родзянко послалъ на имя командующихъ флотомъ, главнокомандующихъ арміями и начальника штаба верховнаго главнокомандующаго телеграммы, о положеніи дѣлъ. Въ первой телеграммѣ сообщалось слѣдующее:

„Временный Комитетъ Членовъ Государственной Думы сообщаетъ вашему высокопревосходительству, что въ виду устраненія отъ управленія всего состава бывшаго совѣта министровъ, правительственная власть перешла въ настоящее время къ Временному Комитету Государственной Думы“.

Вторая телеграмма гласила:

„Временный Комитетъ Членовъ Государственной Думы, взявшій въ свои руки созданіе нормальныхъ условій жизни и управленія въ столицѣ, приглашаетъ дѣйствующую армію и флотъ

сохранить полное спокойствіе и питать полную увѣренность, что общее дѣло борьбы противъ внѣшняго врага ни на минуту не будетъ прекращено или ослаблено. Такъ же стойко и мужественно, какъ доселѣ, армія и флотъ должны продолжать защиту своей родины.

Временный Комитетъ при содѣйствіи столичныхъ войскъ и частей и при сочувствіи населенія въ ближайшее время водворитъ спокойствіе въ тылу и возстановитъ правильную дѣятельность правительственныхъ установленій.

Пусть и съ своей стороны каждый офицеръ, солдатъ и матросъ исполнитъ свой долгъ и твердо помнитъ, что дисциплина и порядокъ есть лучшій залогъ вѣрнаго и быстраго окончанія вызванной старымъ правительствомъ разрухи и созданія новой правительственной власти“.

Около 4-хъ часовъ дня палъ послѣдній оплотъ стараго правительства. Народными войсками было занято Адмиралтейство. Охрана Адмиралтейства еще около часу дня была отпущена и ушла къ своимъ частямъ. Скрывавшіеся тамъ министры разбѣжались, и народная армія вступила въ этотъ послѣдній оплотъ стараго режима.

Въ тотъ же день, по постановленію Временнаго Исполнительнаго Комитета Государственной Думы, засѣдавшаго въ Таврическомъ дворцѣ, для завѣдыванія отдѣльными частями назначены были особые комиссары изъ членовъ Государственной Думы.

Комиссарами назначены были слѣдующія лица: по министерству внутреннихъ дѣлъ — гр. Д. П. Капнистъ, А. М. Масленниковъ, И. Н. Ефремовъ, Н. И. Арефьевъ. Завѣдываніе почты было возложены на А. А. Барышникова и К. К. Черносвитова, телеграфомъ на П. П. Гронскаго и М. Д. Калугина. Военное министерство — Н. Е. Савичъ и А. Н. Савватѣевъ. Петроградское градоначальство — П. В. Герасимовъ и В. Н. Пепеляевъ. Министерство земледѣлія — И. К. Волковъ, И. П. Демидовъ, кн. Васильчиковъ, гр. Капнистъ I-й. Министерство юстиціи — В. А. Маклаковъ, М. С. Аджемовъ, В. И. Басаковъ. Въ министерство торговли и промышленности — С. Н. Родзянко, Н. А. Ростовцевъ. Въ министерство финансовъ В. А. Виноградовъ И. В. Титовъ. Въ сенатъ — И. В. Годневъ и комиссаромъ по завѣдыванію путями сообщенія — А. А. Бубликовъ.

Въ теченіе цѣлаго дня въ Таврическій дворецъ приходили солдаты, рабочіе. Улицы были настолько запружены народомъ, что съ трудомъ можно было протискаться. Всѣ залы Таврическаго дворца были биткомъ набиты. Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, видя насущную потребность въ организаціи продовольствія приходящихъ, рѣшилъ организовать тутъ же, на мѣстѣ въ Таврическомъ дворцѣ, продовольственные пункты.

Быстро организовалась продовольственная комиссія. Открылись буфеты. Студенты и курсистки предложили свои услуги по организаціи этого дѣла, и закипѣла работа. Одновременно въ нѣсколькихъ пунктахъ Таврическаго дворца открылись безплатныя столовыя, кормившія десятки тысячъ голодныхъ гражданъ.

Открылись также и врачебные пункты, оказывавшіе медицинскую помощь раненымъ и больнымъ, и закипѣла работа. Въ первый же день медицинскимъ персоналомъ была оказана помощь свыше, чѣмъ 300 лицамъ, среди которыхъ, главнымъ образомъ, были арестованные, пытавшіеся сопротивляться при ихъ задержаніи. Было среди раненыхъ немало и чиновъ полиціи, столь ненавистной народу. Сначала помощь раненымъ оказывала одна только сестра милосердія Е. Л. Турцевичъ, „маленькая женщина въ бѣлой косынкѣ", обладавшая въ тѣ дни величайшимъ спокойствіемъ, добротой и поразительной неутомимостью. Она первые дни работала, ни минуты не отдыхая, оказывая материнскую заботу каждому раненому. Приходилось поражаться, какъ только въ такой маленькой, хрупкой женщинѣ умѣщаются столь великія качества души.

Кто только въ этотъ день ни приходилъ въ Таврическій дворецъ! Тутъ были и рабочіе, и солдаты, и учащаяся молодежь, и интеллигенція, и дѣти, и взрослые; только почему-то не было духовенства, которое въ тяжкую минуту бросило паству и своимъ словомъ не поддержало народа, не благословило его на борьбу со старымъ режимомъ. Этимъ поступкомъ духовенство подорвало къ себѣ довѣріе народа, оно какъ-бы само себя упразднило. Народъ тогда не видѣлъ въ своихъ рядахъ, идущихъ на борьбу за свободу, своихъ пастырей, пастыри эти продолжали служить старому правительству, поминая на богослуженіи ненавистныя всѣмъ имена царя и царицы.

Въ этотъ день была переловлена бо́льшая часть полицейскихъ и жандармскихъ чиновъ, и подъ усиленнымъ конвоемъ

ихъ препровождали въ манежи, арестные дома, и вели въ Таврическій дворецъ. Въ большинствѣ случаевъ они не оказывали никакого сопротивленія, а сидѣли гдѣ-нибудь въ темныхъ подвалахъ, переодѣтые, думая, что имъ удастся укрыться отъ гнѣва народнаго. Были и такіе, которые дерзали показываться передѣтыми на улицахъ, но ихъ немедленно народъ узнавалъ, даже ряса священника, армякъ извозчика, каракулевый жакетъ модницы не могъ замаскировать типичной полицейской физіономіи.

Такъ, напримѣръ, одного переодѣтаго женщиною помощника пристава толпа узнала при выходѣ его изъ воротъ дома. Не присвоенный ему костюмъ немедленно былъ сорванъ съ него, и раздѣтымъ, въ автомобилѣ, онъ былъ доставленъ въ арестное помѣщеніе.

Въ большинствѣ случаевъ никакого сопротивленія никто не оказывалъ, были лишь исключительные случаи противодѣйствія новой власти. Такъ, между прочимъ, 28 февраля, начальникъ Сѣверо-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ, Валуевъ, пытался прекратить движеніе.

Получивъ телеграмму комиссара Гос. Думы А. А. Бубликова, гласящую: „По порученію Комитета Государственной Думы, я сего числа занялъ министерство путей сообщенія и объявляю слѣдующій приказъ предсѣдателя Государственной Думы: Желѣзнодорожники. Старая власть, создавшая разруху всѣхъ отраслей государственнаго управленія, оказалась безсильной. Государственная Дума взяла въ свои руки созданіе новой власти. Обращаюсь къ вамъ, отъ имени отечества, отъ васъ зависитъ теперь спасеніе родины — она ждетъ отъ васъ больше, чѣмъ исполненія долга, — она ждетъ подвига. Движеніе поѣздовъ должно производиться непрерывно съ удвоенной энергіей. Слабость и недостаточность техники на русской сѣти должна быть покрыта вашей беззавѣтной энергіей, любовью къ родинѣ и сознаніемъ важности транспорта для войны и благоустройства тыла. Предсѣдатель Государственной Думы Родзянко. — Членъ вашей семьи, я твердо вѣрю, что вы сумѣете отвѣтить на этотъ призывъ и оправдать надежды на васъ нашей родины. Всѣ служащіе должны остаться на своемъ посту“, — Валуевъ отправилъ по линіи телеграмму съ приказаніемъ немедленно прекратить всякое движеніе, самъ же сѣлъ въ санитарный поѣздъ и отправился изъ Петрограда по линіи. Но на 7-й верстѣ поѣздъ его былъ остановленъ революціонными войсками.

Валуевъ былъ арестованъ, возвращенъ въ Петроградъ и разстрѣлянъ на Измайловскомъ мосту.

* * *

Въ Таврическомъ дворцѣ всѣ сильно интересовались происходящимъ въ Царскомъ Селѣ, какъ тамъ реагируютъ на событія дня, поняли ли тамъ, что наступило время отказаться отъ всякихъ притязаній?

Было извѣстно, что царь выѣхалъ изъ Могилева и ѣдетъ въ Царское Село. Затѣмъ стали приходить слухи, что всѣ дѣти Николая II больны корью, и что вокругъ царскосельскаго дворца расположились стрѣлки, разставлены пулеметы и выстроены бронированные автомобили.

Утромъ, 28 февраля, царицѣ сообщили о возстаніи войскъ царскосельскаго гарнизона, и что возможно столкновеніе революціонныхъ войскъ съ защитниками дворца. Около полудня революціонныя войска подошли ко дворцу; караулы, охранявшіе его, быстро перешли на сторону возставшихъ. Войска вошли во дворецъ, а часть офицеровъ — въ императорскіе покои. Ихъ встрѣтила Александра Федоровна и обратилась съ просьбой не стрѣлять, добавивъ, что дѣти больны, а она при нихъ — сестра милосердія. Просьба была уважена. Ко дворцу были приставлены часовые революціонныхъ войскъ, которые должны были охранять царицу. Вопросъ объ отреченіи царя еще не былъ рѣшенъ, а потому Временный Комитетъ и не считалъ нужнымъ принять какія-нибудь рѣшительныя въ отношеніи царицы мѣры.

Итакъ, въ Таврическомъ дворцѣ 28 февраля кипѣла работа. Организовывались разныя учрежденія, налаживалась жизнь новаго строя. Нѣтъ возможности описать все, что происходило въ этотъ день въ историческихъ стѣнахъ Екатерининскаго дворца. Это былъ какой-то сплошной муравейникъ, который жужжалъ, гудѣлъ и творилъ колоссальную государственную работу. На ночь эта работа не затихла. Таврическій дворецъ горѣлъ тысячью электрическихъ лампочекъ подобно тому, какъ въ историческій вечеръ, когда делегаты союзныхъ намъ странъ посѣтили Государственную Думу, какъ въ пасхальную ночь. Не было ни одной лампочки, которая не горѣла бы въ эту великую незабвенную ночь. Это была ночь воскресенія русской жизни. Воскресеніе это было ознаменовано интенсивной работой. Никто

не думалъ о праздникѣ. Всѣ готовились къ чему-то очень важному, большому. Слухи о подступающихъ къ Петрограду правительственныхъ войскахъ становились все болѣе и болѣе опредѣленными. Населеніе шло въ Таврическій дворецъ за оружіемъ, тутъ раздавались винтовки, револьверы, патроны и снаряженіе. Таврическій дворецъ походилъ на крѣпость, приготовляющуюся къ оборонѣ. Кругомъ были разставлены пулеметы; у портала стояли орудія; чувствовалось, что всѣ надежды петроградцевъ — въ Думѣ, въ Таврическомъ дворцѣ.

Въ то время, какъ въ Таврическомъ дворцѣ кипѣла работа по возсозданію новой жизни, министерскій павильонъ продолжалъ пополняться — вновь прибывающими представителями рухнувшаго царскаго строя.

Такъ, 28 февраля былъ доставленъ подъ усиленнымъ конвоемъ бывшій военный министръ В. А. Сухомлиновъ, найденный у себя въ квартирѣ, какъ говорятъ, подъ периной.

Затѣмъ, добровольно явился бывшій начальникъ петроградскаго охраннаго отдѣленія, извѣстный генералъ-майоръ К. И. Глобачевъ. Потомъ, были доставлены бывшій статсъ-секретарь Финляндіи генералъ Марковъ, арестованный по распоряженію комиссаріата Петроградской стороны, бывшій штабъ-офицеръ при министрѣ внутреннихъ дѣлъ жандармъ Пирангъ, бывшій министръ путей сообщенія В. Ф. Треповъ, бывшій главнокомандующій войсками петроградскаго военнаго округа генералъ С. С. Хабаловъ, бывшій помощникъ начальника петроградскаго охраннаго отдѣленія Комиссаровъ и бывшій директоръ департамента полиціи Климовичъ.

Комнаты министерскаго павильона, не приспособленныя для жизни въ нихъ, были тѣсны. Арестантамъ приходилось ночью спать сидя на креслахъ, не было возможности ихъ размѣстить на диванахъ. Къ вечеру послѣдовало распоряженіе члена Временнаго Комитета А. Ф. Керенскаго, о переводѣ части заключенныхъ въ Петропавловскую крѣпость, чтобы такимъ путемъ, съ одной стороны, нѣсколько разгрузить министерскій павильонъ, а съ другой — наиболѣе важныхъ дѣятелей стараго режима изолировать и не дать имъ возможности путемъ сговора пытаться сокрыть слѣды своихъ преступленій.

Однако, немедленно осуществить это по нѣкоторымъ чисто техническимъ соображеніемъ не удалось, и всѣхъ арестованныхъ пришлось оставить до слѣдующаго дня.

Ночь прошла спокойно,

Еще вечеромъ были выпущены два воззванія, составленныя въ Таврическомъ дворцѣ Совѣтомъ Рабочихъ Депутатовъ. Первое — обращенное къ населенію съ предложеніемъ заводамъ и солдатамъ избрать своихъ представителей. Второе — къ гражданамъ съ просьбой кормить солдатъ, которые, голодные, несутъ на улицахъ свой гражданскій долгъ.

Населеніе весьма отзывчиво отнеслось къ этому призыву. Вездѣ образовались питательные пункты, вездѣ стали открываться безплатныя столовыя. Живѣйшее участіе въ этомъ дѣлѣ приняла, конечно, прежде всего, наша учащаяся молодежь, которая охотно сдѣлалась слугами народной арміи.

Въ то время, когда въ столицѣ такъ хорошо налаживалась работа, организовывалась новая жизнь, извнѣ готовилось нападеніе. Генералъ Ивановъ продолжалъ стягивать свои войска и шелъ громить Петроградъ. Приведемъ несомнѣнные документы, полученные въ Таврическомъ дворцѣ и указывающіе на продолженіе 1 марта похода на Петроградъ, когда уже всѣмъ было несомнѣнно, что старое, гнилое правительство рухнуло.

Вотъ копія телеграммы генерала Тихменева отъ 1 марта 1917 г. № 278, на имя генералъ-адъютанта Иванова.

„До двадцати часовъ двадцать восьмого февраля: первое отправлено изъ Двинска: шестьдесятъ седьмой и шестьдесятъ восьмой пѣхотные полки и грузится батарея, головной эшелонъ прошелъ Псковъ, второе: изъ Минска отправленъ одинъ эшелонъ второго Донского казачьяго полка, остальные эшелоны этого полка будутъ отправлены до утра перваго марта запятая павлоградскіе гусары будутъ отправлены изъ Минска завтра перваго марта, третье: тридцать четвертый и тридцать шестой пѣхотные полки изъ Синявки начнутъ погрузку сегодня ночью и предположено ихъ отправить въ теченіе сутокъ перваго марта, четвертое: завтра перваго марта начнетъ погрузку Креславкѣ кавалерія, пятое: гвардія изъ Луцка числѣ трехъ полковъ запятая пѣшей батареи и кавалерійской дивизіи начнутъ погрузку второго марта“.

Въ этотъ же день начальникъ кавалерійской дивизіи князь Трубецкой телеграфировалъ за № 154 генералъ-адъютанту Иванову слѣдующее:

„16 часовъ выбываю станціи Минскъ съ головными эшелонами“.

1-го марта Таврическій дворецъ и всѣ прилегающія къ нему улицы представляли собою военный станъ. Начиная отъ Литейнаго проспекта съ утра по Кирочной, Фурштадтской, Захарьевской, Шпалерной, Таврической и Суворовскому густыми колоннами шли къ Таврическому дворцу войска съ красными флагами, съ красными бантами на груди, съ красными кокардами на фуражкахъ; во главѣ колонъ шли офицеры. Все это направлялось ко дворцу выразить свое сочувствіе перевороту, свою преданность новому строю. Громадныя толпы народа заполняли тротуары и громкими криками привѣтствовали каждую вновь появляющуюся войсковую часть.

Въ собраніи арміи и флота, на углу Кирочной и Литейной, утромъ происходилъ многолюдный офицерскій митингъ. Всѣ офицеры петроградскаго гарнизона, не имѣющіе своихъ частей или по какому-либо случаю не находящіеся на службѣ, по призыву Исполнительнаго Комитета Государственной Думы, собрались, подъ предсѣдательствомъ полковника Защука, въ столовой собранія и единогласно вынесли знаменательную резолюцію, сообщенную немедленно въ Таврическій дворецъ авторомъ этихъ строкъ:

„Офицеры, находящіеся въ Петроградѣ, идя рука объ руку съ народомъ и собравшись по предложенію Исполнительнаго Комитета Государственной Думы, признавая, что для побѣдоноснаго окончанія войны необходима скорѣйшая организація народа и дружной работы въ тылу, единогласно постановили: Признать власть Исполнительнаго Комитета Государственной Думы впредь до созыва Учредительнаго Собранія“.

Резолюція эта въ Таврическомъ Дворцѣ вызвала взрывъ восторга.

Прибывшая изъ собранія арміи и флота делегація офицеровъ была встрѣчена шумными оваціями. Старшій лейтенантъ Филипповскій, помощникъ коменданта дворца, произнесъ, обращаясь къ собравшимся офицерамъ глубоко прочувствованную, полную высокаго подъема рѣчь, покрытую громовымъ „ура!“ многихъ сотенъ офицеровъ.

Всѣ помѣщенія Таврическаго дворца были въ этотъ день полны офицерами, непрерывно съ утра до поздняго вечера прибывавшими во дворецъ народной свободы, чтобы засвидѣтельствовать свою вѣрность новому строю Россіи и предложить свои услуги на благо народу. Въ Таврическомъ дворцѣ образо-

вались различныя военныя учрежденія. Была образована, подъ предсѣдательствомъ генералъ-майора А. С. Потапова, военная комиссія; въ составъ ея вошли: автомобильный отдѣлъ, радіотелеграфный отдѣлъ военно-технической помощи, военно-санитарный отдѣлъ, комендатура и т. д.

Лихорадочно закипѣла вездѣ работа. Каждый, кто только не былъ занятъ исполненіемъ своихъ служебныхъ обязанностей гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, спѣшилъ принести посильную помощь. Кто, не взирая на свой чинъ и положеніе, садился за исходящій журналъ, кто писалъ на машинѣ удостовѣренія, кто опрашивалъ прибывающихъ о событіяхъ въ городѣ и все, заслуживающее вниманія, заносилъ въ тетрадь, кто выдавалъ оружіе, кто принялъ на себя трудъ по снабженію голодныхъ и оборванныхъ солдатъ пищей, платьемъ и сапогами. Однимъ словомъ, работа кипѣла во всю. Когда одинъ изъ работниковъ послѣ утомленія сваливался съ ногъ и въ изнеможеніи падалъ куда-нибудь въ уголъ на диванъ или на стулъ, чтобы нѣсколько минутъ отдохнуть, — его немедленно смѣнялъ другой труженикъ. Никто не спрашивалъ, кто и откуда пришелъ работать. Это были безыменные трудженники, стремящіеся только къ одному — къ работѣ на благо родинѣ. Никто не ждалъ благодарности, онъ только хотѣлъ внести свою лепту въ общую сокровищницу народной работы.

Конечно, при этомъ не обходилось и безъ печальныхъ недоразумѣній. Такъ, напримѣръ, однимъ изъ дѣятельныхъ работниковъ, на котораго возлагались весьма серьезныя порученія, оказался нѣкто, именовавшій себя докторомъ Оверкомъ. Онъ присутствовалъ при арестахъ многихъ изъ видныхъ представителей стараго режима, имъ доставленъ былъ въ Гос. Думу И. Г. Щегловитовъ и потомъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней, этотъ Оверкъ работалъ при министерскомъ павильонѣ. Но въ одинъ прекрасный день, помощникъ коменданта, тов. Тимковскій, узналъ въ немъ извѣстнаго одесскаго афериста, работавшаго тамъ подъ именемъ графа д'Оверка. На самомъ же дѣлѣ онъ оказался бѣглымъ ротнымъ фельдшеромъ Аверковымъ. И кончилось тѣмъ, что пришлось этого самозванца арестовать. Подробнѣе объ этомъ скажу въ своемъ мѣстѣ.

Были и другіе случаи. Нѣсколько человѣкъ пришлось удалить изъ священнаго зданія цитадели русской революціи. Но это нисколько не омрачало общаго дѣла на благо народа. Въ

каждомъ общественномъ дѣлѣ всегда могутъ случайно появиться нежелательные элементы, и нисколько они не скомпрометируютъ дѣла, если своевременно будутъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отсѣчены, и ихъ не станутъ укрывать изъ-за ложнаго стыда. Такъ было и въ работѣ Таврическаго дворца. Лишь только появлялось какое либо сомнѣніе въ пригодности того или иного работника для святаго дѣла революціи, онъ немедленно безпощадно устранялся. Грязныя руки не должны были касаться дѣла свободы русскаго народа.

1-го марта рано утромъ комендантъ царскосельскаго дворца обратился по телефону къ предсѣдателю Исполнительнаго Комитета Гос. Думы съ просьбой принять мѣры къ водворенію порядка въ Царскомъ Селѣ и особенно въ районѣ дворца, гдѣ замѣчалось какое-то броженіе.

По распоряженію Исполнительнаго Комитета въ Царское Село были командированы два члена Гос. Думы П. П. Демидовъ и А. В. Степановъ, которымъ было поручено передать всѣмъ частямъ царскосельскаго гарнизона отъ лица Временнаго Комитета, — оставаться на своихъ мѣстахъ и поддерживать порядокъ.

Въ 9 час. утра въ Таврическій дворецъ явилась команда собственнаго его величества конвоя. Эту команду встрѣтилъ членъ Исполнительнаго Комитета эсаулъ М. А. Карауловъ, который обратился къ нимъ съ рѣчью, выяснилъ имъ общее положеніе вещей и призвалъ конвойцевъ примкнуть къ народу, возставшему для защиты своихъ интересовъ.

Конвойцы встрѣтили рѣчь Караулова громовымъ „ура". Затѣмъ М. А. Карауловъ предложилъ командѣ конвойцевъ немедленно отправиться въ казармы и арестовать офицеровъ, продолжавшихъ стоять за старую власть.

Днемъ былъ занятъ революціонными войсками Зимній дворецъ, и надъ нимъ вмѣсто императорскаго штандарта взвился красный флагъ свободы. Замѣчательно, что событіе это по времени совпало съ тѣмъ моментомъ, когда въ Зимній дворецъ тридцать шесть лѣтъ тому назадъ былъ привезенъ умирающій Александръ II и надъ дворцомъ взвился черный флагъ.

Въ 4 ч. 15 м. въ Таврическій дворецъ пріѣхалъ великій князь Кириллъ Владиміровичъ. Его сопровождали адмиралъ, командовавшій гвардейскимъ экипажемъ, и экскортъ чиновъ гвардейскаго экипажа.

Великій князь прошелъ въ Екатерининскій залъ, куда былъ

приглашенъ предсѣдатель Гос. Думы М. В. Родзянко. Обратившись къ послѣднему, Кириллъ Владиміровичъ отрапортовалъ:

— Имѣю честь явиться къ вашему высокопревосходительству. Я нахожусь въ вашемъ распоряженіи. Какъ и весь народъ, я желаю блага Россіи. Сегодня утромъ я обратился ко всѣмъ солдатамъ гвардейскаго экипажа, разъяснилъ имъ значеніе происходящихъ событій и теперь я могу заявить, что весь гвардейскій экипажъ въ полномъ распоряженіи Гос. Думы.

Эти слова покрыты были громкими криками „ура“.

М. В. Родзянко поблагодарилъ великаго князя и, обратившись къ окружавшимъ его солдатамъ, сказалъ:

— Я очень радъ, господа, словамъ великаго князя, я вѣрилъ, что гвардейскій экипажъ, какъ и всѣ остальныя войска, въ полномъ порядкѣ выполнятъ свой долгъ, помогутъ справиться съ собственнымъ врагомъ и выведутъ Россію на путь побѣды!

Затѣмъ М. В. Родзянко обратился къ великому князю и спросилъ:

— Угодно ли вамъ будетъ остаться въ Гос. Думѣ?

Великій князь отвѣтилъ, что къ Гос. Думѣ подходитъ гвардейскій экипажъ въ полномъ составѣ, и что онъ хочетъ представить его предсѣдателю Гос. Думы.

— Въ такомъ случаѣ, — сказалъ М. В. Родзянко, — когда я вамъ понадоблюсь, вы меня вызовите.

Послѣ этого, великій князь прошелъ въ комнату думскихъ журналистовъ, гдѣ за стаканомъ чая по-товарищески бесѣдовалъ съ представителями печати. Когда же пришелъ гвардейскій экипажъ, онъ вышелъ къ своимъ солдатамъ и вмѣстѣ съ ними засвидѣтельствовалъ свою преданность народу [1]).

Не безынтересно отмѣтить, что 1 марта къ зданію Государственной Думы съ красными флагами, подъ звуки „Марсельезы“, прибылъ среди прочихъ частей и петроградскій жандармскій

---

[1]) Еще до прибытія Кирилла Владимировича въ Таврическій дворецъ, въ комендатурѣ была получена его записка, посланная къ начальникамъ частей царскосельскаго гарнизона, въ которой онъ писалъ: „Я и ввѣренный мнѣ гвардейскій экипажъ вполнѣ присоединились къ новому Правительству. Увѣренъ, что вы и вся ввѣренная вамъ часть также присоединитесь къ намъ.

Командиръ гвардейскаго экипажа свиты его величества

Контръ-адмиралъ Кириллъ“.

дивизіонъ также засвидѣтельствовать свою вѣрность на службу народу.

Ночь на 2-е марта не внесла успокоенія въ стѣны Таврическаго Дворца. Не смыкая глазъ, работали тамъ добровольные труженики. Питательные пункты, врачебный кабинетъ ни на минуту не прекращали своей плодотворной дѣятельности. Медицинскій персоналъ валился съ ногъ, но тѣмъ не менѣе ни на минуту не пріостанавливалъ работы. Слишкомъ малъ былъ составъ для того, чтобы думать объ отдыхѣ. Первые три дня медицинскую помощь арестованнымъ оказывала только одна сестра милосердія Е. Л. Турцевичъ, о которой я уже упоминалъ. Въ другихъ пунктахъ, образовавшихся въ Таврическомъ дворцѣ, оказывалась также медицинская помощь всѣмъ, нуждающимся въ ней гражданамъ и солдатамъ.

Всю ночь на 2-е вели въ Таврическій дворецъ арестованныхъ, чуть ли не вся петроградская полиція была доставлена въ стѣны Екатерининскаго чертога. Помѣщеній свободныхъ и приспособленныхъ для арестантовъ — не было. Приходилось помѣщать ихъ на хорахъ, въ залѣ засѣданія, въ буфетныхъ и во всѣхъ свободныхъ комнатахъ дворца. При такихъ условіяхъ, конечно, не могло быть и рѣчи о какихъ-либо удобствахъ.

Это обстоятельство сильно озабачивало всѣхъ насъ. На арестованныхъ слугъ стараго режима установился взглядъ, что это все же люди, и въ отношеніи ихъ должно быть гуманное обращеніе, не похожее на жестокій тюремный режимъ свергнутаго правительства. Были приняты мѣры къ снабженію всѣхъ арестованныхъ хорошей питательной пищей, хлѣбомъ и чаемъ. Учащаяся молодежь добровольно приняла на себя заботу служить арестованнымъ. Приходилось наблюдать трогательныя картины, какъ курсистка подавала чашку съ супомъ озвѣрѣвшему полицейскому, который въ былые дни готовъ былъ нещадно стегать эту добрую душу нагайкой.

Нѣкоторыхъ чиновъ полиціи приводили вмѣстѣ съ ихъ женами и дѣтьми. Раздавался плачъ, и не рѣдки были истерики. И тутъ на помощь несчастнымъ шла та же русская добрая женщина; она утѣшала и осушала слезы тѣхъ, которые еще такъ недавно ея не щадили, издѣвались надъ ней, когда она просила хлѣба и свободы.

Притокъ арестованныхъ, доставляемыхъ въ Таврическій дворецъ, не уменьшался и 2-го числа. Въ этотъ день вдобавокъ

стали приходить жандармы и полиція добровольно. Многіе приходили и просили ихъ арестовать ради того только, чтобы найти убѣжище, спасеніе отъ народнаго гнѣва. Таврическій дворецъ принималъ всѣхъ, онъ каждому давалъ кровъ и кусокъ хлѣба, не считаясь, другъ онъ или врагъ новаго строя.

Но старое правительство не смирялось. Оно еще дѣлало потуги вернуть себѣ власть. Оно хваталось судорожными руками за падающую корону. Генералу Иванову, спѣшащему къ Петрограду съ цѣлью возстановить тамъ „порядокъ", посылались депеша за депешей. Такъ 2 марта ему была послана изъ ставки слѣдующая телеграмма:

„Частныя свѣдѣнія говорятъ, что Петроградѣ наступило полное спокойствіе; войска, примкнувшія къ Временному Правительству въ полномъ составѣ, приводятся въ порядокъ. Временное Правительство подъ предсѣдательствомъ Родзянко, засѣдая въ Государственной Думѣ, пригласило командировъ воинскихъ частей для полученія приказанія по поддержанію порядка. Воззваніе къ населенію, выпущенное Временнымъ Правительствомъ, говоритъ о незыблемости монархическаго начала Россіи, о необходимости новыхъ основаній для выбора и назначенія правительства. Ждутъ съ нетерпѣніемъ пріѣзда его величества, чтобы представить ему все изложенное и просьбу принять пожеланіе народа. Если эти свѣдѣнія вѣрны, то измѣнится и способъ вашихъ дѣйствій. Переговоры приведутъ къ умиротворенію, дабы избѣжать ненужной междоусобицы, столь желанной нашему врагу, дабы сохранить учрежденія, заводахъ пустить въ ходъ работы. Воззваніе новаго министра путей, опубликованное желѣзнодорожникамъ, мною получено кружнымъ путемъ, зоветъ къ усиленной работѣ всѣхъ, дабы наладить разстроенный транспортъ. Доложите его величеству это убѣжденіе, что дѣло можно привести мирно хорошему концу, который укрѣпитъ миссію".

Изъ этой телеграммы ясно, что царь и окружающіе его все еще не теряли надежды удержать въ своихъ рукахъ власть. Они не хотѣли считаться съ историческимъ ходомъ событій. А между тѣмъ былъ близокъ роковой исходъ.

Съ утра 2-го марта въ Таврическомъ дворцѣ стали носиться упорные слухи объ отреченіи Николая II отъ престола и объ отказѣ отъ короны Михаила.

Слухи эти шли, конечно, не отъ царя. Это было рѣшено въ Таврическомъ дворцѣ, и отсюда властно диктовалось царю.

что онъ долженъ предпринять въ этотъ важный историческій моментъ для спасенія родины и для избѣжанія излишнихъ кровопролитій.

Исполнительный Комитетъ Государственной Думы продолжалъ непрерывно засѣдать, ожидая возвращенія посланныхъ къ царю делегатовъ, — члена Временнаго Комитета Василія Витальевича Шульгина и Александра Ивановича Гучкова.

Днемъ изъ Пскова была получена въ Таврическомъ дворцѣ телеграмма, что манифестъ объ отреченіи отъ престола Николая II подписанъ въ 15 часовъ (3 часа дня), а ночью въ Таврическомъ дворцѣ была получена весьма интересная телеграмма, переданная по телефону исп. должн. начальника морского генеральнаго штаба капитаномъ I ранга графомъ Капнистомъ, очевидно, написанная раньше отреченія, слѣдующаго содержанія:

„Генералъ Алексѣевъ передаетъ: Его величество подписалъ указъ правительствующему сенату о бытіи предсѣдателемъ совѣта министровъ кн. Львова. Настоящую телеграмму прошу срочно передать во всѣ арміи и начальникамъ военныхъ округовъ. По полученіи по телеграфу манифеста, таковой долженъ быть переданъ во всѣ арміи и кромѣ того напечатанъ и разосланъ въ части войскъ. 3 марта № 1908. Генералъ адъютантъ Алексѣевъ, № 629 ч. Русинъ“.

Итакъ, въ послѣдній моментъ передъ отреченіемъ Николай еще пытается путемъ уступки спасти корону. Но было уже поздно!

Вѣсть объ отреченіи съ быстротой молніи разнеслася по Таврическому дворцу. Исполнительный Комитетъ сейчасъ же объявилъ составъ новаго Временнаго Правительства, установленнаго по соглашенію съ Исполнительнымъ Комитетомъ Совѣта Рабочихъ Депутатовъ. И немедленно было выпущено и расклеено въ Таврическомъ дворцѣ слѣдующее воззваніе:

„Граждане! Временный Комитетъ Членовъ Государственной Думы при содѣйствіи и сочувствіи столичныхъ войскъ и населенія, достигъ въ настоящее время такой степени успѣха надъ темными силами стараго режима, который дозволяетъ ему приступить къ болѣе прочному устройству исполнительной власти.

Для этой цѣли Временный Комитетъ Государственной Думы назначаетъ министрами перваго общественнаго кабинета лицъ, довѣріе къ которымъ страны обезпечено ихъ прошлой общественной и политической дѣятельностью“.

Организація новаго правительства была закончена около трехъ часовъ дня, ожидали лишь радіо-телеграммы изъ Пскова.

Какъ только была получена долгожданная вѣсть, новый министръ иностранныхъ дѣлъ, Павелъ Николаевичъ Милюковъ, обратился къ собравшимся въ Екатерининскомъ залѣ Таврическаго дворца морякамъ, солдатамъ и гражданамъ съ первой исторической рѣчью; нѣкоторыя выдержки изъ нея позволю себѣ напомнить читателю.

— „Мы, — сказалъ онъ, — присутствуемъ при великой исторической минутѣ. Еще три дня тому назадъ мы были скромной оппозиціей, а русское правительство казалось всесильнымъ. Теперь это правительство рухнуло въ грязь, съ которой сроднилось, а мы и наши друзья слѣва выдвинуты революціей, арміей и народомъ на почетное мѣсто членовъ новаго русскаго общественнаго кабинета (Шумные и продолжительные аплодисменты.). Какъ могло случиться это событіе, казавшееся еще такъ недавно невѣроятнымъ? Какъ произошло то, что русская революція, низвергнувшая навсегда старый режимъ, оказалась чуть-ли не самой короткой и самой безкровной изъ всѣхъ революцій, которыя знаетъ исторія?

Это произошло потому, что исторія не знаетъ и другого правительства, столь глупаго, столь безсовѣстнаго, столь трусливаго и измѣнническаго, какъ это, нынѣ низвергнутое, правительство, покрывшее себя позоромъ и лишившее себя всякихъ корней симпатій и уваженія, которые связываютъ всякое сколько-нибудь сильное правительство съ народомъ.

Правительство мы низвергли легко и скоро. Но это еще не все, что нужно сдѣлать. Остается еще половина дѣла — и самая большая. Остается держать въ рукахъ эту побѣду, которая намъ такъ легко досталась. Какъ сдѣлать это? Отвѣтъ простъ и ясенъ. Намъ нужно организовать побѣду, а для этого, прежде всего, надо сохранить то единство воли и мысли, которое привело насъ къ побѣдѣ. Между нами, членами теперешняго кабинета, было много старыхъ и важныхъ споровъ и разногласій. Быть можетъ, скоро эти разногласія станутъ важными и серьезными, но сегодня они блѣднѣютъ и стушевываются передъ той общей и главной задачей, которая еще не разрѣшена вполнѣ, задачей создать новую народную власть на мѣстѣ той старой, упавшей. Будьте же и вы едины въ достиженіи этой цѣли, какъ едины мы. Будьте едины въ устраненіи политическихъ споровъ, быть можетъ, и важныхъ,

но сегодня могущихъ еще вырвать изъ нашихъ рукъ плоды побѣды. Будьте едины и вы, солдаты и офицеры великой славной русской арміи, и помните, что армія сильна своимъ внутреннимъ единствомъ: потерявшая это единство и раздробленная она обращается въ безпорядочную толпу, и всякая горсть вооруженныхъ организованныхъ людей можетъ взять ее голыми руками. Сохраните же это единство для себя и для насъ и покажите, что послѣ того, какъ мы такъ легко свергнули безсильную старую власть, — первую общественную власть, выдвинутую народомъ, не такъ легко будетъ низвергнутъ (Шумные и продолжительные рукоплесканія.)".

Далѣе П. Н. Милюковъ называетъ членовъ новаго кабинета, останавливаясь на характеристикѣ каждаго новаго министра выбраннаго русской революціей, и высказываетъ сожалѣніе, что не можетъ прочесть программу новаго министерства, такъ какъ единственный экземпляръ программы, обсужденной наканунѣ въ длинномъ ночномъ совѣщаніи съ представителями Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, находится сейчасъ на ихъ окончательномъ разсмотрѣніи. „Въ нашей программѣ заключилъ свою рѣчь П. Н. Милюковъ, вы найдете пунктъ, согласно которому, какъ только пройдетъ опасность и водворится прочный порядокъ, мы приступимъ къ подготовкѣ созыва Учредительнаго Собранія, созваннаго на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія. Свободно избранное народное представительство рѣшитъ, что вѣрнѣе выразитъ общее мнѣніе Россіи... (рукоплесканія, шумъ, крики: „опубликуйте программу).

„Эти возгласы напоминаютъ мнѣ о важномъ вопросѣ, рѣшить который зависитъ отъ Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, въ рукахъ которыхъ находится распоряженіе типографскими рабочими. Свободная Россія не можетъ обойтись безъ самаго широкаго оглашенія и обсужденія свѣдѣній, въ настоящую минуту интересующихъ всю Россію. Я надѣюсь, что завтра же удастся возстановить правильный выходъ органовъ прессы, отнынѣ свободной... Голосъ мой охрипъ, мнѣ трудно говорить далѣе, позвольте на этихъ объясненіяхъ пока остановить мою рѣчь... (бурныя рукоплесканія)".

Тогда же въ Екатерининскомъ залѣ обратились къ солдатамъ и гражданамъ съ рѣчами министръ юстиціи А. Ф. Керенскій и депутатъ Н. С. Чхеидзе.

При появленіи А. Ф. Керенскаго, на трибунѣ огромный Екатерининскій залъ огласился бурными и продолжительными аплодисментами тысячной толпы.

— „Товарищи, солдаты и граждане, — началъ министръ юстиціи, — я, членъ Гос. Думы, А. Ф. Керенскій — министръ юстиціи, объявляю во всеуслышаніе, что новое временное правительство вступило въ исполненіе своихъ обязанностей по соглашенію съ Совѣтомъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

Соглашеніе, заключенное между Исполнительнымъ Комитетомъ Гос. Думы и Исполнительнымъ Комитетомъ Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, одобрено Совѣтомъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ большинствомъ нѣсколькихъ сотъ голосовъ противъ 15.

Первымъ актомъ новаго правительства является немедленное опубликованіе акта о полной амнистіи. Наши товарищи-депутаты 2-й и 4-й Гос. Думъ, незаконно сосланные въ тундры Сибири, будутъ немедленно освобождены и съ особымъ почетомъ привезены сюда.

Товарищи, въ моемъ распоряженіи находятся всѣ бывшіе предсѣдатели совѣта министровъ и всѣ министры стараго режима. Они отвѣтятъ, товарищи, за всѣ преступленія передъ народомъ, согласно закону (возгласы: „Безпощадно“.)

Товарищи, Свободная Россія не будетъ прибѣгать къ тѣмъ позорнымъ средствамъ борьбы, которыми пользовалась старая власть.

Безъ суда никто подвергнутъ наказанію не будетъ. Всѣхъ будетъ судить гласный народный судъ. Товарищи, солдаты и граждане, всѣ мѣры, которыя будутъ приняты новымъ правительствомъ, будутъ опубликованы.

Солдаты, прошу васъ оказать намъ содѣйствіе. Свободная Россія родилась и никому не удастся вырвать свободу изъ рукъ народа.

Не слушайтесь призывовъ, исходящихъ отъ агентовъ старой власти.

Слушайтесь вашихъ офицеровъ. Да здравствуетъ свободная Россія!“ (бурные аплодисменты и крики „браво“).

Депутатъ Чхеидзе въ горячей рѣчи привѣтствовалъ нарожденіе свободной, великой Россіи, созданной совмѣстными усиліями пролетаріата и революціонной арміи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ораторъ горячо протестовалъ противъ реакціонныхъ попытокъ еще не вполнѣ уничтоженнаго стараго строя, выразившихся, между прочимъ, въ разбрасываніи провокаціонныхъ листковъ, натравливающихъ солдатъ на офицеровъ — и подписанныхъ именемъ соціалъ-

демократической организацiи. Депутатъ призывалъ къ единенiю всѣхъ революцiонныхъ силъ, ибо только въ этомъ единенiи — залогъ успѣха революцiи. Рѣчь лидера соцiалъ-демократической партiи была встрѣчена взрывомъ восторженныхъ криковъ.

Между тѣмъ, въ совѣтѣ рабочихъ депутатовъ шли оживленные дебаты: обсуждался вопросъ объ организацiи Временнаго Правительства, а затѣмъ вопросъ о тренiяхъ, происходящихъ въ лейбъ-гвардiи петроградскомъ полку. Во время обсужденiя перваго вопроса выступилъ съ горячей рѣчью Керенскiй.

„Товарищи, — сказалъ онъ, — довѣряете ли вы мнѣ? Я говорю, товарищи, отъ всей глубины моего сердца, я готовъ умереть, если это будетъ нужно (въ залѣ общее волненiе, А. Ф. Керенскаго привѣтствуютъ продолжительными рукоплесканiями, превращающимися въ длительную овацiю). Товарищи! Въ виду организацiи новаго правительства, я долженъ былъ дать немедленно, не дожидаясь вашей формальной санкцiи, отвѣтъ на сдѣланное мнѣ предложенiе занять постъ министра юстицiи (бурные апплодисменты, общiй энтузiазмъ). Товарищи, въ моихъ рукахъ находились представители старой власти, и я не рѣшился выпустить ихъ изъ своихъ рукъ (бурные апплодисменты и возгласы: „правильно"). Я принялъ сдѣланное мнѣ предложенiе и вошелъ въ составъ новаго временнаго правительства, въ качествѣ министра юстицiи (общiе апплодисменты и крики „браво"). [Первымъ моимъ шагомъ было распоряженiе немедленно освободить всѣхъ политическихъ заключенныхъ, безъ всякихъ исключенiй, и съ особымъ почетомъ препроводить изъ Сибири сюда нашихъ товарищей-депутатовъ соцiалъ-демократической фракцiи (громовые аплодисменты, общiй энтузiазмъ). Въ виду того, что я взялъ на себя обязанность министра юстицiи раньше, чѣмъ я получилъ на это отъ васъ формальное полномочiе, я слагаю съ себя обязанность товарища предсѣдателя Совѣта Рабочихъ Депутатовъ. Но я готовъ вновь принять отъ васъ это званiе, если вы признаете это нужнымъ (бурные апплодисменты и общiе возгласы: „просимъ, просимъ"). Товарищи, войдя въ составъ новаго временнаго правительства, я остался тѣмъ же, чѣмъ и былъ, я остался республиканцемъ (шумные аплодисменты), я заявилъ временному правительству, что я являюсь представителемъ демократiи, и временное правительство должно смотрѣть на меня, какъ выразителя требованiй демократiи, и должно особенно считаться съ тѣми мнѣнiями, которыя я буду отстаивать, въ качествѣ представителя

демократіи, усиліями которой была свергнута старая власть. Товарищи! Время не ждетъ, дорога каждая минута, и я призываю васъ къ организаціи, къ дисциплинѣ, къ оказанію поддержки намъ, вашимъ представителямъ, готовымъ умереть для народа и отдавшимъ всю свою жизнь народу".

Слова А. Ф. Керенскаго, произнесенныя съ огромнымъ подъемомъ, были покрыты бурными аплодисментами. Трудно передать энтузіазмъ, охватившій залъ засѣданій. Единичные голоса, пытавшіеся протестовать противъ того, что А. Ф. Керенскій дѣйствовалъ безъ формальнаго согласія Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, были заглушены единодушными возгласами подавляющаго большинства Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, устроившаго А. Ф. Керенскому бурную овацію, каковой не видали, кажется, стѣны Таврическаго дворца со дня его основанія.

Затѣмъ, въ порядкѣ дня засѣданія совѣта стоялъ докладъ исполнительной комиссіи, который содержалъ изложеніе результатовъ переговоровъ его съ временнымъ комитетомъ Гос. Думы, объ образованіи Временнаго Правительства и объ отношеніи къ нему Исполнительнаго Комитета Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ. Исполнительный комитетъ, отказавшись отъ участія во временномъ правительствѣ, выставилъ ему слѣдующія требованія:

1) Полная и немедленная амнистія по всѣмъ дѣламъ политическимъ, религіознымъ, террористическимъ покушеніямъ, военнымъ возстаніямъ и т. п.

2) Политическая свобода во всѣхъ формахъ: свобода слова, печати, союзовъ, собраній и стачекъ. Свободы эти должны быть распространены и на военнослужащихъ, состоящихъ на дѣйствительной военной службѣ.

Оба эти требованія были приняты думскимъ комитетомъ. Не принято было предложеніе:

3) объ устроеніи арміи на началахъ самоуправленія, — такъ какъ думскій комитетъ считалъ невозможнымъ въ моментъ войны вводить въ войска порядокъ, не испробованный ни въ одной арміи міра. Въ результатѣ переговоровъ думскій комитетъ согласился на слѣдующую формулировку этого пункта: при сохраненіи строгой воинской дисциплины въ строю, устраненіе для солдатъ всѣхъ ограниченій въ пользованіи всѣми общественными правами, предоставленными всѣмъ остальнымъ гражданамъ Россіи.

4) Организація народной милиціи для несенія службы по

охранѣ порядка съ подчиненіемъ ея мѣстнымъ самоуправленіямъ, избраннымъ на основахъ всеобщаго, равнаго и тайнаго голосованія.

5) Отмѣна всѣхъ сословныхъ, національныхъ и религіозныхъ ограниченій.

6) Гарнизонъ Петрограда остается въ городѣ и не разоружается.

Всѣ эти требованія были приняты думскимъ комитетомъ единогласно.

Отвергнутъ былъ вопросъ о немедленномъ введеніи демократической республики, такъ какъ форма управленія Россійскимъ Государствомъ должна быть установлена Учредительнымъ Собраніемъ, созывъ котораго является ближайшей цѣлью учреждаемаго временнаго правительства.

На постъ министра юстиціи былъ предложенъ А. Ф. Керенскій, а на постъ министра труда Н. С. Чхеидзе, но исполнительный комитетъ не далъ своей санкціи на вступленіе ихъ въ министерство.

Исполнительный комитетъ предложилъ Совѣту Рабочихъ Депутатовъ, принявъ къ свѣдѣнію предполагаемый манифестъ вновь образуемаго правительства, обратиться къ населенію съ призывомъ къ организаціи силъ, къ отказу отъ безчинствъ и къ поддержкѣ временнаго правительства, постольку, поскольку оно идетъ по линіи осуществленія намѣченныхъ задачъ.

Послѣ доклада исполнительнаго комитета выступилъ А. Ф. Керенскій, въ сильной и горячей рѣчи призывая Совѣтъ санкціонировать его рѣшеніе принять на себя обязанности министра юстиціи во временномъ революціонномъ правительствѣ.

Выступленіе Керенскаго было встрѣчено бурными рукоплесканіями, переходящими въ длительныя оваціи.

Въ преніяхъ намѣтилось теченіе, отрицавшее всякую возможность контакта съ думскимъ комитетомъ и требовавшее созданія временнаго правительства Совѣтомъ Солдатскихъ и Рабочихъ Представителей.

Другое теченіе требовало наоборотъ, посылки представителя Совѣта Депутатовъ во временное правительство.

Выступали слѣдующіе ораторы:

Петровъ (сторонникъ перваго теченія), Молотовъ, Демьяновъ, Канторовичъ (сторонникъ второго теченія), Дюбуа, Павловичъ, Ивановичъ, Заславскій, Орловъ (представитель Волынскаго полка),

Борисовъ, Грибковъ, Смирновъ, Павленковъ, Петревицъ, Юреневъ, Воронковъ, Бѣленинъ, Анонъ, Іонасовъ — представитель литовскихъ организацій, Жуковъ, Ерманскій, Пометовъ и нѣкоторые другіе.

Послѣ оживленныхъ преній были приняты всѣ предложенія, изложенныя въ докладѣ Исполнительнаго Комитета со слѣдующими поправками.

1) Временное правительство оговариваетъ, что всѣ намѣченныя мѣропріятія будутъ проводиться несмотря на военное положеніе.

2) Манифестъ временнаго правительства долженъ быть одновременно за подписью М. Родзянко и временнаго правительства.

3) Включить въ программу временнаго правительства пунктъ о предоставленіи всѣмъ національностямъ правъ національнаго и культурнаго самоопредѣленія.

4) Образовать наблюдательный комитетъ за дѣйствіями временного правительства изъ состава совѣта солдатскихъ и рабочихъ представителей.

Министерства засѣдали въ Таврическомъ дворцѣ. Министры были въ непосредственной близости со своими избирателями и съ народомъ. Шла дружная, солидарная работа. А между тѣмъ, министерскій павильонъ Таврическаго дворца продолжалъ наполняться все новыми и новыми гостями. Особенно много ихъ прибыло въ этотъ день. Вотъ ихъ списокъ:

Жандармскій полковникъ Плетневъ, бывшій начальникомъ жандармскаго отдѣленія на Николаевскомъ вокзалѣ; затѣмъ бывшій начальникъ главнаго управленія удѣловъ кн. В. С. Кочубей; бывшій товарищъ предсѣдателя Гос. Совѣта В. Ф. Дейтрихъ; бывшій вице-директоръ департамента полиціи Кафафовъ, пресловутый И. Ф. Манусевичъ-Мануйловъ, тяжело раненый генералъ Барановъ. Въ 7 ч. вечера былъ доставленъ бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ Н. А. Маклаковъ, раненый въ голову, бывшій товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ С. П. Бѣлецкій, командиръ гвардейскаго корпуса генералъ Безобразовъ, освобожденный въ 9 часовъ вечера того же дня; извѣстный вѣшатель, начальникъ крѣпостной жандармской команды Петропавловской крѣпости, полковникъ Собѣщанскій; бывшій товарищъ оберъ-прокурора св. синода кн. Жеваховъ, который много говорилъ про свою плодотворную (!!) дѣятельность, какъ онъ построилъ три церкви, и жаловался на какихъ то іерарховъ, которые мѣшали ему честно ра-

ботать. Затѣмъ, были доставлени бывшій министръ торговли и промышленности кн. В. Н. Шаховской, бывшій министръ финансовъ П. Л. Баркъ, сенаторъ Г. Г. Чаплинскій, бывшій оберъ-прокуроръ С. Я. Утинъ, бывшій гатчинскій полицеймейстеръ Н. А. Кавтарадзе, бывшій помощникъ штаба петроградскаго военнаго округа О. С. Сирелiусъ, чиновникъ особыхъ порученій при министрѣ внутреннихъ дѣлъ Руткевичъ, бывшій вице-директоръ департамента полиціи П. К. Лерхе и наконецъ бывшій членъ нашумѣвшей комиссіи генерала Батюшина, прапорщикъ Логвинскій.

Чтобы представить себѣ жизнь министерскаго павильона, мы приведемъ слова посторонняго наблюдателя, журналиста Ласкаго, которому 2 марта удалось получить разрѣшеніе пройти въ павильонъ вмѣстѣ съ комендантомъ дворца. Онъ такъ описываетъ свое посѣщеніе мѣста заключенія столповъ стараго правительства.

„Съ нѣкоторымъ волненіемъ готовлюсь я быть свидѣтелемъ историческаго зрѣлища вчерашнихъ владыкъ и всесильныхъ господъ великаго народа и великой страны — подъ арестомъ.

Все помѣщеніе министерскаго павильона состоитъ изъ трехъ (въ дѣйствительности, изъ 4-хъ) комнатъ, небольшой передней и еще меньшей людской для прислуги. Въ первой комнатѣ, направо отъ передней, помѣщается не менѣе 15—20 узниковъ, по преимуществу военныхъ, за весьма малыми отступленіями. Такъ, напримѣръ, здѣсь можно видѣть князя Жевахова, бывшаго товарища оберъ-прокурора св. синода; здѣсь же заключенъ и сенаторъ Чаплинскій.

При появленіи коменданта дворца всѣ заключенные встаютъ.

Видъ заключенныхъ и помѣщенія вначалѣ производитъ впечатлѣніе торжественнаго засѣданія блестящаго генералитета. Ослѣпительные генеральскіе погоны, знаки отличія и значительное количество лысинъ. Генералъ Марковъ-финляндскій мало интересуется приходомъ постороннихъ, вскидываетъ высоко свою тощую голову, устремляетъ взоръ на вошедшихъ и сейчасъ же, какъ бы дорожа каждой минутой, продолжаетъ исписывать карандашемъ листки бумаги, лежащіе передъ нимъ. Тѣмъ же заняты и остальные заключенные.

На большомъ канцелярскомъ столѣ, покрытомъ бѣлой скатертью, лежатъ груды книгъ, взятыхъ, повидимому, изъ помѣщающейся въ той же комнатѣ обширной библіотеки. Тутъ же,

на столѣ — пустые стаканы и остатки ужина заключенныхъ. Въ комнатѣ гробовая тишина, такъ какъ узникамъ строжайше запрещено переговариваться между собою.

Комендантъ дворца, впервые принимающій заключенныхъ, спрашиваетъ, не пожелаютъ ли они сдѣлать какія-либо заявленія.

Первымъ нарушаетъ молчаніе бывшій петроградскій градоначальникъ Балкъ, высказывающій, очевидно, общее пожеланіе всѣхъ товарищей по камерѣ о разрѣшеніи имъ бесѣдовать между собою, оговариваясь при этомъ, что бесѣду будутъ вести вслухъ, въ присутствіи находящихся тутъ же, въ комнатѣ, караульныхъ преображенцевъ, при чемъ вопросовъ политики арестованные совершенно не будутъ касаться.

Однако, желаніе арестованныхъ встрѣчаетъ рѣзкое возраженіе со стороны представителя Преображенскаго полка, заявляющаго, что его товарищи по полку считаютъ ограниченіе арестованныхъ въ собесѣдованіяхъ весьма важнымъ средствомъ для борьбы съ возможнымъ сговоромъ арестантовъ.

Балкъ покорно садится. Вслѣдъ за нимъ, одинъ за другимъ, поднимаются: кн. Жеваховъ, Чаплинскій, адм. Карцевъ, генералъ Григорьевъ, ген. Макаренко, ген. Тяжельниковъ и другіе, пытаясь добиться нѣкоторыхъ, менѣе существенныхъ уступокъ. Жеваховъ наиболѣе настойчивъ: то онъ таинственнымъ полушопотомъ пытается доказать полную свою невинность и безосновательность своего ареста, то онъ суетъ караульному начальнику въ руки какую-то записку съ просьбой передать по назначенію и проситъ, проситъ, проситъ. Потерявъ терпѣніе дождаться очереди, съ лѣваго фланга ему заходитъ грузная фигура адм. Карцева, слезливо просящаго у коменданта дворца разрѣшенія обмѣняться на сегодняшнюю ночь своимъ неудобнымъ диваномъ съ широкимъ спальнымъ кресломъ какого-то другого товарища по заключенію. Разрѣшеніе дано, ибо временному правительству безразлично, на какомъ диванѣ будетъ спать арестованный Карцевъ, лишь бы этотъ диванъ находился въ стѣнахъ Таврическаго дворца и подъ зоркимъ наблюденіемъ караульныхъ преображенцевъ. Остальные заключенные просятъ объ одномъ: получить изъ дома подушку, кое-что изъ платья, и сообщить ихъ близкимъ о томъ, что они живы и здоровы.

Я покидаю наиболѣе обширное помѣщеніе министерскаго павильона и перехожу къ осмотру маленькой комнатки, предоставленной въ пользованіе, исключительно, привиллегированныхъ

арестантовъ — бывшихъ министровъ. Здѣсь содержатся: кн. Шаховской, П. Л. Баркъ, сен. Бѣлецкій, Крашенинниковъ, кн. Голицынъ, Горемыкинъ и др. Желанія названной категоріи заключенныхъ сводятся къ новому требованію — имъ очень жарко! Караульный начальникъ разъясняетъ, что за отсутствіемъ комнаты съ достаточной вентиляціей и форточками, онъ лично провѣтривалъ помѣщеніе, открывая на свѣжій воздухъ отдаленную дверь. Однако, тогда высокопоставленнымъ узникамъ „дуло“. Это очень энергично, хотя и застѣнчиво, подтверждалъ „самъ“ сен. Бѣлецкій. И въ этой комнатѣ, какъ и въ предыдущей, царило гробовое молчаніе. Заключенные сидѣли тѣсной группой вокругъ небольшого круглаго стола, также заваленнаго бутербродами съ сыромъ, пустыми стаканами съ чаемъ, книгами и письменными принадлежностями. Лишь присутствіе караульнаго преображенца на самомъ видномъ мѣстѣ, не сводящаго глазъ съ заключенныхъ, нѣсколько нарушаетъ иллюзію мирнаго собранія старыхъ друзей.

Третья комната министерскаго павильона отведена администраціей дворца, выражаясь тюремнымъ арго, подъ „шпанку“, здѣсь относительная мелкота: гатчинскій полицеймейстеръ полк. Кавтарадзе, жалобно доказывающій свою невиновность, бывшій полицеймейстеръ одного изъ отдѣленій Петрограда полк. Спиридоновъ, жандармскій полковникъ Плетневъ, фигура котораго вызываетъ невольныя улыбки даже у суровыхъ караульныхъ. Дѣйствительно, онъ въ штатскомъ костюмѣ, повидимому, своего младшаго сына. Отъ жилета до брюкъ широкимъ бѣлымъ кушакомъ ярко вырисовывается нижняя рубаха, узкія, короткія, едва не до колѣнъ, брюки обнаруживаютъ крѣпкую мускулатуру икръ полк. Плетнева, а пиджакъ чуть-чуть подлиннѣе жилета. Короткіе рукава пиджака лишаютъ жандармскаго полковника возможности свести руки. На шеѣ высокій стоячій воротничекъ съ одиноко торчащей запонкой, не прикрытой отсутствующимъ галстухомъ. У полковника разъяренной толпой разгромлена квартира, и онъ былъ вынужденъ отправиться подъ арестъ въ своемъ настоящемъ нарядѣ. Въ самой глубинѣ комнаты притаился въ углу дивана еще одинъ заключенный. Пытливые близорукіе глаза, изъ которыхъ одинъ прищуренъ, выдаютъ его съ головой. Это недавній знакомецъ по громкому, сенсаціонному шантажному процессу — И. Ф. Манасевичъ-Мануйловъ. Нужно отдать справедливость его такту: онъ слишкомъ долго мозолилъ глаза петроградцамъ своимъ именемъ и своей физіономіей, и теперь скромно забился въ уго-

локъ, уступая очередь другимъ, не менѣе достойнымъ, выброшеннымъ на поверхность гнѣвной волной народнаго возстанія".

Подъ вечеръ явилась возможность перевести первую партію арестованныхъ, содержащихся въ министерскомъ павильонѣ, въ Петропавловскую крѣпость.

Около 10 часовъ вечера въ министерскій павильонъ пришелъ вступившій въ должность министръ юстиціи А. Ф. Керенскій и приказалъ нарядить конвой для сопровожденія арестованныхъ въ Петропавловскую крѣпость. Были приглашены два прапорщика Михайловскаго артиллерійскаго училища и сильный конвой отъ 4-ой роты Преображенскаго полка, съ унтеръ-офицеромъ Кругловымъ во главѣ. Къ подъѣзду павильона безшумно подкатили 4 автомобиля. Арестованные не ожидали, что ихъ куда-нибудь повезутъ, и когда министръ объявилъ, что они должны одѣваться, то видно было, какія минуты переживали эти бывшіе величавые сановники. Въ первую очередь были предназначены къ отправкѣ 11 человѣкъ. А именно — Щегловитовъ, Штюрмеръ, Добровольскій, Макаровъ, Горемыкинъ, Сухомлиновъ, Хабаловъ, Комиссаровъ, Бѣлецкій, Курловъ и Протопоповъ.

Преображенцы въ каждый автомобиль посадили по три арестованныхъ, потребовали, чтобы арестованные не смотрѣли по сторонамъ и не шевелились. Ходили слухи, что у Троицкаго моста устроена засада, но слухи, къ счастью, оказались неосновательными, и арестованные были благополучно доставлены въ Петропавловскую крѣпость.

Унтеръ-офицеръ Кругловъ, сопровождавшій арестованныхъ, такъ передавалъ о прибытіи ихъ въ Петропавловку:

„У Троицкаго моста автомобили наши были остановлены. Два члена Государственной Думы, сопровождавшіе бывшихъ министровъ, показали пропускъ, и мы безпрепятственно доѣхали до воротъ крѣпости. Тутъ опять караульные остановили насъ. Но когда они узнали, что везутъ старое правительство, то съ шумнымъ восторгомъ отворили ворота, пропустили насъ и кричали вдогонку: „Слава Богу, измѣнники попались, туда имъ и дорога. Давно ихъ надо было посадить".

„Наши автомобили остановились у большихъ массивныхъ воротъ, — продолжаетъ Кругловъ, — всѣмъ арестованнымъ приказано было выйти. Я построилъ ихъ въ одну шеренгу и приказалъ имъ двигаться впередъ. Самъ же шелъ сбоку, наблюдая за ними. Торжественное шествіе направилось къ

Трубецкому бастіону. Нѣкоторые отъ дряхлости и въ виду преклонныхъ лѣтъ не могли поспѣвать и отставали. Я тогда останавливалъ на нѣсколько секундъ всю шеренгу, пока они не подтягивались. Только подведя къ желѣзной оградѣ бастіона, я вложилъ свой револьверъ въ кобуръ и до казематовъ сопровождалъ арестованныхъ. Затѣмъ вошелъ въ казематъ, пощупалъ койку, на которой должны будутъ лежать арестованные, и осмотрѣлся. Казематъ небольшой, приблизительно аршинъ 9 длиной и аршинъ 5 шириной, высотой около 2-хъ саженъ. Окошко выходитъ прямо на Неву. Посреди каземата желѣзный столикъ, а рядомъ съ нимъ койка, на манеръ солдатской. На койкѣ матрацъ, набитый соломой, и подушка такая же. Всѣ арестованные были посажены въ отдѣльные казематы..."

Въ то время, когда происходило все описанное въ Таврическомъ дворцѣ, въ Царскомъ Селѣ продолжали накапливаться войска генерала Иванова, предназначенныя для водворенія „порядка" въ столицѣ, о чемъ доносилось по телефону въ комендатуру Таврической цитадели.

Въ ночь на 2-е марта въ Царское Село къ генералу Иванову прибылъ командированный начальникомъ генеральнаго штаба, генералъ-майоромъ Занкевичемъ, полковникъ Доманевскій, назначенный на должность начальника штаба. Онъ доложилъ генералу Иванову обстановку въ столицѣ, рисуя слѣдующую картину:

„Всѣ запасныя части, квартирующія въ столицѣ постепенно перешли на сторону Временнаго Правительства, составленнаго изъ членовъ Государственной Думы. Съ 12 ч. дня 28 февраля въ распоряженіи законныхъ военныхъ властей не осталось ни одной части. Съ этой минуты прекратилась борьба возставшей части населенія. Офицеры частей, отказавшихся отъ повиновенія, съ цѣлью вновь забрать части въ свои руки, отправились въ Думу. Туда же явились и нижніе чины. Временное Правительство поставило офицеровъ вновь на свои мѣста, и въ частяхъ началъ водворяться порядокъ, но запасные батальоны поддерживали порядокъ лишь въ исполненіи начертаній временнаго, а не постояннаго правительства. Разсчитывать на эти части для борьбы съ революціей нельзя. Полиція частью была снята, частью попряталась. Часть министровъ арестована. Министерства, въ томъ числѣ и военное, могли продолжать работу, заручившись согласіемъ Временнаго Правительства, т. е. какъ бы его при-

навъ. То же самое разыгралось въ пригородныхъ гарнизонахъ. Разсчитывать на водвореніе порядка силой, на вооруженную борьбу съ возставшими и Временнымъ Правительствомъ — трудно. Для этого потребовалось бы много войскъ, при чемъ войска, вновь прибывающія, попадали бы въ тяжелыя условія расквартированія и продовольствія.

Всѣ окрестности Петрограда и даже весь петроградскій округъ забитъ запасными и бѣженцами. Подвозъ необходимъ изъ глубины Россіи. Правильный же подвозъ необезпеченъ безъ вѣдома Временнаго Правительства. При такихъ условіяхъ порядокъ подавленія возстанія съ тѣмъ, чтобы онъ возможно лучше отразился на ходѣ войны, казался достижимымъ не путемъ вооруженной борьбы, а соглашеніемъ съ Временнымъ Правительствомъ, узаконеніемъ наиболѣе умѣренной его части. Этотъ выходъ напрашивался еще и по другой причинѣ. Изъ разбрасываемыхъ среди населенія листковъ было видно, что въ средѣ самихъ возставшихъ обозначилось два совершенно опредѣленныхъ теченій: 1) одни примкнули къ думскому выборному Временному Правительству, 2) другіе поддерживали Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ. Первые, оставаясь вѣрными монархическому принципу, желали лишь нѣкоторыхъ реформъ, стремились къ скорѣйшей ликвидаціи безпорядковъ съ тѣмъ, чтобы продолжать войну; вторые — искали крайнихъ результатовъ и конца войны. До перваго марта престижъ думскаго правительства стоялъ высоко и фактически оно являлось хозяиномъ положенія, по крайней мѣрѣ, въ столицѣ. Но было ясно; что съ каждымъ днемъ положеніе думскаго правительства, не поддержаннаго закономъ, становилось труднѣе, и власть все больше могла перейти къ крайнимъ лѣвымъ.

Все это приводитъ къ заключенію, что въ настоящую минуту вооруженная борьба только осложнитъ, ухудшитъ положеніе, что каждый часъ дорогъ, и что порядокъ и нормальный ходъ можно возстановить легче всего соглашеніемъ съ Временнымъ Правительствомъ".

„Такіе указанія, — писалъ полковникъ Доманевскій, — мною получены отъ начальника генеральнаго штаба".

Полковникъ Доманевскій встрѣтился съ генераломъ Ивановымъ въ Вырицѣ. Вмѣстѣ съ полковникомъ Доманевскимъ къ генералу Иванову пріѣхалъ подполковникъ Тилли.

Кромѣ вышеприведеннаго письменнаго доклада, они сообщили генералу Иванову, что весь гарнизонъ Царскаго Села, за исклю-

ченіемъ дворцовой охраны — „вышелъ изъ повиновенія". Дворцовая же охрана, т. е. сводный полкъ, конвой, гвардейскій экипажъ и дворцовая полиція уже послали своихъ депутатовъ въ Государственную Думу и готовы присоединиться къ „бунтовщикамъ".

Генералъ Ивановъ передавалъ, что вслѣдъ за этимъ онъ узналъ, что роты гвардейскаго экипажа увели съ собой въ Петроградъ пулеметную команду Тарутинскаго полка, которая, однако, черезъ нѣсколько часовъ вернулась къ своему полку.

Въ Вырицѣ генералъ Ивановъ получилъ изъ Пскова отъ царя слѣдующую телеграмму:

„Надѣюсь благополучно доѣхали. Прошу до моего пріѣзда никакихъ рѣшеній не принимать".

Въ отвѣтъ на эту телеграмму генералъ Ивановъ послалъ на имя царя телеграмму отъ 2 марта за № 7:

„Получилъ телеграмму вашего императорскаго величества. Жду дальнѣйшихъ указаній".

Вслѣдъ за этой телеграммой генералъ Ивановъ получилъ отъ генерала Алексѣева телеграмму, въ которой сообщалось о наступившемъ въ Петроградѣ сравнительномъ успокоеніи и о возможности умиротворенія путемъ соглашенія народныхъ представителей съ государемъ.

Дальнѣйшія событія генералъ Ивановъ описалъ мнѣ, находясь уже подъ стражей, такъ:

— „Не желая допустить какихъ либо столкновеній между мѣстнымъ гарнизономъ и пришедшимъ Георгіевскимъ батальономъ, я, между 2 и 3-мя часами 2-го марта, отправился въ Сусанино. За 10—15 минутъ до отхода поѣзда, изъ Царскаго Села мнѣ было доложено, что командиръ перваго запаснаго стрѣлкового батальона передалъ по телефону помощнику начальника станціи, что весь его батальонъ и тяжелые артиллерійскіе дивизіоны идутъ на станцію".

— „Хотя при такихъ условіяхъ уходить было весьма щекотливо передъ солдатами, такъ какъ это походило на отступленіе, но сознаніе необходимости предупредить столкновеніе и дальнѣйшія еще худшія послѣдствія для дѣла умиротворенія, побудили меня все таки отойти изъ Сусанино на станцію Вырица, гдѣ я рѣшилъ стоять до тѣхъ поръ, пока выяснится обстановка въ Петроградѣ. Однако, я при этомъ имѣлъ въ виду побывать на другой день въ Царскомъ Селѣ, чтобы выяснить непосредственно съ командирами частей положеніе послѣднихъ".

— „Переговоривъ утромъ 2-го марта со старшимъ изъ нихъ, полковникомъ Вейсомъ, командиромъ 4-го запаснаго батальона, о своемъ желаніи побывать въ Царскомъ Селѣ и узнавъ отъ него, что это можетъ вызвать для гарнизона опасныя послѣдствія, я отказался отъ поѣздки въ Царское Село, но, желая все таки видѣть командировъ частей гарнизона и Тарутинскій полкъ, высадившійся на станціи Александровская, а также повидаться съ членомъ Государственнаго Совѣта Александромъ Ивановичемъ Гучковымъ, приглашавшимъ меня на свиданіе, при возвращеніи его изъ Пскова, я рѣшилъ отправиться по соединительной вѣткѣ черезъ станцію Владимірская, на Варшавскую дорогу, но дойдя до станціи Сусанино, я вынужденъ былъ отказаться отъ этого, такъ какъ получилъ телеграмму комиссара Государственной Думы А. Бубликова, слѣдующаго содержанія:

„Мнѣ стало извѣстно, что вы арестовываете и терроризируете служащихъ желѣзныхъ дорогъ, находящихся въ моемъ вѣдѣніи. По порученію Временнаго Комитета Государственной Думы предупреждаю васъ, что навлекаете на себя этимъ тяжелую отвѣтственность. Совѣтую вамъ не двигаться изъ Вырицы, ибо по имѣющимся у меня свѣдѣніямъ, народными войсками вашъ полкъ будетъ обстрѣлянъ артиллерійскимъ огнемъ".

Вслѣдъ за этой была получена вторая телеграмма отъ А. Бубликова:

„Ваше настойчивое желаніе ѣхать дальше ставитъ непреодолимое препятствіе для выполненія желанія Его Величества немедленно слѣдовать въ Царское Село. Прошу остаться въ Сусанино или вернуться въ Вырицу".

Дальше генералъ Ивановъ сообщилъ: „Со времени полученія около полуночи съ 1-го на 2-ое телеграммы генерала Алексѣева и до утра 3-го марта я никакихъ иныхъ сообщеній ни изъ ставки, ни отъ властей Петрограда, за исключеніемъ приведенныхъ телеграммъ, не получалъ. Послѣ полудня я отправилъ на паровозѣ въ Царское Село подполковника Тилли для передачи депешъ въ ставку по прямому проводу, предполагая, что такой дѣйствуетъ. Но Тилли не вернулся, доложивъ мнѣ по телефону, что онъ задержанъ въ Царскомъ Селѣ".

Въ то время, какъ происходили изложенныя выше важныя государственныя событія, въ Таврическомъ дворцѣ шла работа интенсивная, тяжелая, но не такая видная. Тутъ начинала входить въ колею будничная жизнь. Комендатура Таврическаго

дворца осаждалась просителями всякаго рода. Съ чѣмъ только въ эти дни не шли къ коменданту! Одному нуженъ пропускъ въ Таврическій дворецъ, другому нужно получить свидѣтельство на право жительства въ городѣ, третій проситъ дать ему охрану къ какой-то цѣнной коллекціи, четвертый жалуется, что разбили его винный погребъ, у того пропала лошадь, у другого отняли оружіе, какая то мать, вся въ слезахъ, разыскиваетъ пропавшихъ дѣтей, дѣти розыскиваютъ своихъ отцовъ, разутые и раздѣтые просятъ ихъ одѣть и накормить и т. д. до безконечности.

А въ то же самое время арестованныхъ чиновъ полиціи и корпуса жандармовъ вели непрерывной цѣпью. Многіе изъ нихъ являлись сами и просили арестовать ихъ. Всю эту массу нужно было размѣстить въ совершенно неприспособленныхъ для этой цѣли помѣщеніяхъ Таврическаго дворца. Всѣхъ нужно было накормить, выставить часовыхъ, каждому отвѣтить, каждаго успокоить и дать точное указаніе, куда онъ долженъ обратиться за разрѣшеніемъ интересующаго его вопроса.

Большую услугу въ дѣлѣ налаживанія порядка въ Таврическомъ дворцѣ оказывали студенты горнаго института, которые приняли на себя нелегкую задачу проводниковъ и по плану указывали, гдѣ что находится.

Много помогали намъ въ работѣ юные развѣдчики, милые бойскоуты, съ поразительной аккуратностью выполнявшіе всякое порученіе, какое бы имъ мы ни давали. Иногда появлялись и юныя развѣдчицы въ своихъ оригинальныхъ костюмахъ, поддерживавшія наравнѣ съ товарищами развѣдчиками связь съ различными учрежденіями Таврическаго Дворца. Одинъ развѣдчикъ пишетъ бланки пропусковъ, другой помогаетъ у чайника, третій стрѣлою летитъ съ пакетомъ въ какую нибудь комиссію и т. д. Все это дѣлалось съ величайшей серьезностью, съ полнымъ сознаніемъ важности дѣла; ни шалости, ни смѣха, ни возни, ни дѣтскихъ шутокъ не было и въ поминѣ. Дѣти стали сразу взрослыми дѣятелями государственнаго переворота, вносившими въ него самый чистый, самый искренній, самый благородный порывъ своей еще не испорченной жизнью души.

Молодые офицеры и студенты наперебой предлагали свои услуги для исполненія обязанностей комендантскихъ адъютантовъ. Каждый изъ нихъ горѣлъ желаніемъ помочь дѣлу налаживанія порядка.

Работа осложнялась еще тѣмъ, что неоднократно приходили

тревожныя свѣдѣнія. То сообщали по телефону о какихъ то осложненіяхъ на окраинахъ города, то появлялся какой то автомобиль, разстрѣливающій публику, то стали говорить о какихъ то адскихъ машинахъ, спрятанныхъ въ подвалахъ Таврическаго дворца. Пришлось спѣшно, при участіи представителя отъ Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, осмотрѣть всѣ подвалы дворца; къ счастью, тамъ ничего не оказалось, слухи не подтвердились. Всѣ же взрывчатыя вещества, которыя въ предыдущіе дни доставлялись въ Таврическій дворецъ изъ разныхъ частей города, были при содѣйствіи чиновъ химическаго комитета артиллерійскаго вѣдомства удалены изъ зданія Таврическаго дворца, пироксилинъ же, опасный въ холодное время для перевозки, утопили въ колодцахъ.

Такимъ образомъ, все, что могло грозить Таврическому дворцу, было удалено. Охрана народной арміи зорко слѣдила за всѣмъ происходящимъ. О каждомъ подозрительномъ посѣтителѣ, о каждомъ фактѣ, заслуживающемъ внимательнаго отношенія, немедленно доводили до свѣдѣнія коменданта.

Такая работа шла непрерывно съ ранняго утра и до ранняго утра. Офицеры комендантскаго управленія ни на минуту не отлучались изъ комнаты № 41. Солдаты, не разгибая спины, сидѣли за машинками и за бумагами. Въ такомъ напряженномъ состояніи, въ ожиданіи какихъ либо контръ-революціонныхъ эксцессовъ, шла работа въ теченіе первыхъ дней. За 3—4 дня съ начала революціи въ Таврическомъ дворцѣ перебывалъ весь Петроградъ. Тутъ приходилось встрѣчаться съ людьми, которыхъ не видалъ десятки лѣтъ. Все тянулось на поклоненіе цитадели русской революціи.

До 3-го числа манифестъ объ отреченіи Николая II не былъ оглашенъ. Мы знали о немъ, но населеніе столицы еще только догадывалось. Нельзя было опубликовать манифеста до того момента, пока не станетъ извѣстно, какъ отнесется къ оставленному наслѣдію братъ бывшаго царя, бывшій великій князь Михаилъ Александровичъ, котораго, отрекаясь отъ престола, Николай благословилъ на вступленіе въ управленіе государствомъ россійскимъ, и которому 3-го марта была послана имъ телеграмма исключительнаго историческаго значенія — это единственный документъ адресованный Михаилу, какъ императору.

„Изъ Сиротино. Его Императорскому Величеству Михаилу. Петроградъ. Событія послѣднихъ дней вынудили меня рѣшиться

безповоротно на этотъ крайній шагъ. Прости меня, если огорчилъ тебя и что не успѣлъ предупредить. Останусь навсегда вѣрнымъ и преданнымъ братомъ. Возвращаюсь въ ставку и оттуда черезъ нѣсколько дней надѣюсь пріѣхать въ Царское Село.

Горячо молю Бога помочь тебѣ и твоей родинѣ. Ника".

Но вотъ, днемъ 3-го марта, волной прокатилась по заламъ Таврическаго дворца вѣсть объ отреченіи отъ правъ на престолъ великаго Князя Михаила Александровича. Своды Таврическаго дворца огласились могучими криками восторга, криками: „да здравствуетъ демократическая республика". Тутъ уже стало ясно, что возвратъ къ старому невозможенъ, что произошелъ коренной переворотъ въ исторіи русскаго народа. Оковы, наложенныя монархической властью на русскій народъ, спали. И подобно старому Фаусту, русскій забитый народъ, изнывавшій долгіе годы подъ царскимъ игомъ, преобразился въ молодой, мощный, энергичный, здоровый, свободный народъ.

Описать восторгъ присутствовавшихъ во дворцѣ въ минуту полученія этой вѣсти, не въ силахъ перо человѣческое — это было сплошное ликованіе тысячной толпы...

Къ Таврическому дворцу потянулись чуть ли не всѣ войсковыя части петроградскаго гарнизона, съ тѣмъ чтобы засвидѣтельствовать свою вѣрность новому правительству. Въ числѣ первыхъ частей, пришедшихъ въ Таврическій дворецъ — было Михайловское артиллерійское училище. Къ юнкерамъ вышелъ М. В. Родзянко.

— Я васъ привѣтствую, господа офицеры и юнкера, я привѣтствую васъ, пришедшихъ сюда и тѣмъ доказавшихъ ваше желаніе помочь усиліямъ Государственной Думы водворить порядокъ въ томъ разбушевавшемся морѣ безпорядковъ, къ которому насъ привело несовершенство управленія.

„Я привѣтствую васъ еще и потому, что вы, молодежь — основа и будущее счастье великой Россіи. Я твердо вѣрю, что, если вамъ угодно такимъ образомъ поддержать усилія Государственной Думы, то мы достигнемъ той цѣли, которая дастъ счастье нашей родинѣ.

Да здравствуетъ наша дорогая родина!

Я твердо вѣрю, что въ вашихъ сердцахъ горитъ горячая любовь къ родинѣ, и что въ вашей дальнѣйшей дѣятельности, вы поведете на ратное поле наши славныя войска, и что побѣда наша будетъ обезпечена. Да здравствуетъ Михайловское артиллерійское училище! Не будемъ тратить время для долгихъ разгово-

ровъ, сейчасъ надо найти другъ друга, найти своихъ офицеровъ и ждать приказаній — это единственный способъ объединиться. Если мы не сдѣлаемъ этого сегодня, то завтра, можетъ быть, будетъ уже поздно. Это полное единеніе арміи, народа и Государственной Думы обезпечитъ нашу мощь и нашу силу", — закончилъ Родзянко.

Затѣмъ къ юнкерамъ обратился А. Ф. Керенскій.

— „Товарищи солдаты, офицеры и граждане!

То, что мы всѣ собрались въ этомъ залѣ въ великій знаменательный день, даетъ мнѣ вѣру въ то, что старый варварскій строй погибъ безвозвратно.

Я думаю, что то, что мы дѣлаемъ здѣсь, есть дѣло не только петроградское — это дѣло всей великой страны, дѣло, за которое уже погибъ въ безплодной борьбѣ рядъ поколѣній.

Товарищи! Въ жизни каждаго государства, какъ и въ жизни отдѣльнаго человѣка, бываютъ моменты, когда вопросъ идетъ уже не о томъ, какъ лучше жить, а о томъ, будетъ ли оно вообще жить. Мы переживаемъ такой моментъ, когда мы должны спросить себя: будетъ ли Россія жить, если старый порядокъ будетъ существовать?

Чувствуете ли вы это? Мы собрались сюда дать клятвенное завѣреніе, что Россія будетъ свободна".

Раздались возгласы „клянемся". И всѣ подняли руки вверхъ.

Товарищи, — продолжалъ Керенскій, — первѣйшей нашей задачей сейчасъ является организація. Мы должны въ три дня создать полное спокойствіе въ городѣ, полный порядокъ въ вашихъ рядахъ. Я призываю васъ, солдаты и офицеры, къ полному единенію и довѣрію другъ къ другу. Пусть офицеръ будетъ старшимъ товарищемъ солдата.

Весь народъ сейчасъ заключилъ одинъ прочный союзъ противъ самаго страшнаго нашего врага — болѣе страшнаго, чѣмъ врагъ внѣшній, — противъ стараго режима. И этотъ союзъ долженъ сохраниться до тѣхъ поръ, пока мы не достигнемъ своей цѣли. Да здравствуетъ свободный гражданинъ свободной Россіи".

Громовое „ура" было отвѣтомъ на эту произнесенную съ необычайнымъ подъемомъ рѣчь.

Затѣмъ приходили лейбъ-гренадеры, преображенцы, 9-й запасный кавалерійскій полкъ и другія части гарнизона.

Ко всѣмъ выходили члены Временнаго Правительства, говорили привѣтственное слово и призывали ихъ къ общей дружной работѣ на благо родины.

Министерскій павильонъ 3-го марта продолжалъ принимать своихъ знатныхъ посѣтителей.

Сюда былъ доставленъ арестованный въ залахъ Таврическаго дворца пресловутый генералъ Ренненкампфъ, герой пораженія въ Восточной Пруссіи. Затѣмъ, былъ доставленъ бывшій товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, членъ Государственнаго Совѣта Куколь-Яснопольскій. Привезли генерала Невражина, состоявшаго для порученій при Протопоповѣ. Далѣе, арестованнаго по ордеру министра юстиціи жандармскаго офицера, коменданта Бѣлоострова, Тюфяева; жандармскаго полковника Горленко (мужа извѣстной пѣвицы Долиной); бывшаго министра народнаго просвѣщенія Н. Н. Кульчицкаго, бывшаго директора департамента полиціи А. Васильева, члена Государственнаго Совѣта М. Трусевича и еще нѣсколько менѣе значительныхъ дѣльцовъ стараго режима.

Почти всѣ главные дѣятели стараго режима прошли въ эти дни черезъ министерскій павильонъ. Всѣхъ ихъ видѣли доблестные преображенцы, несмѣнно несущіе тяжелую караульную службу по охранѣ столповъ царизма.

Режимъ въ министерскомъ павильонѣ 3-го марта былъ уже значительно облегченъ. Арестованнымъ разрѣшили читать „Извѣстія Совѣта Рабочихъ Депутатовъ“, разговаривать, между собою, однако подъ условіемъ не касаться вопросовъ политики, ходить по одиночкѣ, а не гуськомъ, вокругъ стола. Кормили ихъ хорошо. Утромъ давали чай и хлѣбъ съ масломъ. Днемъ полагался обѣдъ изъ двухъ блюдъ. На первое давали щи, уху или мясной супъ, на второе — какую-нибудь кашу съ масломъ. Послѣ обѣда опять чай, вечеромъ чай съ бутербродами; давали консервы. Однимъ словомъ, продовольственная организація Совѣта Рабочихъ Депутатовъ дѣлала всѣ усилія, чтобы жизнь арестованныхъ была сносной, чтобы они поняли, что народъ и въ нихъ видитъ людей и съ ними обращается гуманно, не такъ, какъ они въ свое время обращались съ „государственными преступниками“ — борцами за свободу.

Молодежь, посвятившая себя безкорыстно служенію заключеннымъ, старалась скрасить дни ихъ содержанія подъ стражей. До слезъ умилительно было видѣть, какъ юныя курсистки подавали стаканы чая, закуску и тарелки съ супомъ тѣмъ, которые, стоя у власти, ихъ презирали, всячески тѣснили и гнали. Среди этихъ курсистокъ были еврейки, испытывавшія въ свое время на

себѣ всю несправедливость, всю тяжесть стараго режима, и онѣ добровольно служили своимъ палачамъ, когда тѣ очутились въ несчастьи.

3-го марта окончательно ликвидированъ былъ старый строй и Временное Правительство, засѣдавшее въ Таврическомъ дворцѣ, приняло самыя рѣшительныя мѣры, чтобы предупредить всякія попытки бороться съ новымъ режимомъ. Вмѣсто генерала Иванова, назначеннаго старымъ правительствомъ, главнокомандующимъ войсками петроградскаго военнаго округа былъ назначенъ извѣстный боевой генералъ Корниловъ, о чемъ предсѣдатель Государственной Думы Родзянко, телеграммой за № 185, поставилъ въ извѣстность генерала Иванова, давъ ему соотвѣтствующія директивы.

Вотъ текстъ этой телеграммы:

„Генералъ-адъютантъ Алексѣевъ телеграммой отъ сего числа № 1892 увѣдомляетъ назначенiи Главнокомандующимъ войсками петроградскаго округа генералъ-лейтенанта Корнилова. Проситъ передать вашему высокопревосходительству приказанiе о возвращенiи вашемъ въ Могилевъ“.

Получивъ эту телеграмму генералъ Ивановъ телеграфировалъ Алексѣеву:

„Отъ Родзянки получилъ телеграмму о возвращенiи въ Могилевъ. Прошу подтвердить, куда направить Георгiевскiй батальонъ“.

Генералъ Алексѣевъ подтвердилъ распоряженiе Временнаго Правительства, и походъ на Петроградъ былъ ликвидированъ.

Изъ Могилева генералъ Ивановъ отправился въ Кiевъ, гдѣ и былъ, по постановленiю мѣстнаго Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, арестованъ и препровожденъ въ Петроградъ въ Таврическiй дворецъ. Тамъ онъ былъ взятъ на поруки самимъ министромъ юстицiи Керенскимъ, признававшимъ за генераломъ большiя боевыя заслуги въ Галицiи, вслѣдствiе чего и не считалъ необходимымъ держать его въ заточенiи вмѣстѣ съ такими господами, какъ Штюрмеръ, Голицынъ, Протопоповъ и т. д.

Въ ночь съ 3-го на 4-е марта въ министерскомъ павильонѣ произошелъ печальный случай, подчеркнувшiй еще болѣе доблесть 4-й роты Преображенскаго полка.

Въ числѣ другихъ заключенныхъ въ министерскомъ павильонѣ находился директоръ морского училища адмиралъ Карцевъ.

Еще задолго до ареста у него замѣчали въ поступкахъ нѣкоторыя странности.

Какъ директоръ учебнаго заведенія онъ былъ совершенно не на мѣстѣ. Человѣкъ безъ высшаго образованія, неуравновѣшенный, довольно ограниченный и злой, онъ попалъ на отвѣтственный постъ директора единственнаго учебнаго заведенія, комплектующаго русскій военный флотъ, только потому, что женатъ на дочери бывшаго морскаго министра адмирала Григоровича.

Среди воспитанниковъ училища онъ не пользовался ни любовью, ни популярностью, а своими странными выходками возбуждалъ сомнѣнія въ нормальности своихъ умственныхъ способностей. Во время содержанія въ павильонѣ онъ обратилъ на себя вниманіе всего караула нѣкоторыми странностями поведенія. Напримѣръ, онъ очень много и оживленно говорилъ, пилъ стаканъ за стаканомъ кипятокъ, утверждая, что ему даютъ холодную воду, и т. д. Объ этихъ ненормальностяхъ было доложено мнѣ, какъ коменданту Таврическаго дворца; я вечеромъ долго бесѣдовалъ съ адмираломъ, успокаивая его, говоря, что никакая опѣсность жизни и здоровью адмирала не угрожаетъ, что дѣло о немъ въ скоромъ времени будетъ разобрано и, если адмиралъ ни въ чемъ не виновенъ, то, несомнѣнно, онъ будетъ освобожденъ, а если за нимъ имѣется какая либо вина, то, во всякомъ случаѣ, никакой мести со стороны новаго правительства быть не можетъ. Адмиралъ увѣрялъ меня, что онъ нисколько не волнуется, что чувствуетъ себя очень хорошо, а пьетъ кипятокъ, потому что къ этому привыкъ уже давно.

Однако, несмотря на все это, караулу было предуказано установить особо бдительный надзоръ за образомъ дѣйствій адмирала.

Дѣло было ночью. Всѣ арестованные спали. Въ той комнатѣ, гдѣ находился адмиралъ Карцевъ стояли часовые Леонтій Савченко и Терентій Свинолупъ. Караульный унтеръ-офицеръ Кругловъ находился въ полуциркульномъ залѣ.

Вдругъ около 3 час. ночи раздались два выстрѣла въ павильонѣ. Затѣмъ, послышался шумъ и крики. Кругловъ, позвавъ нѣсколько человѣкъ солдатъ, бросился въ министерскій павильонъ. Когда онъ вошелъ, то засталъ такую сцену: адмиралъ Карцевъ раздѣтый стоялъ посреди комнаты, глаза его налились кровью, нѣсколько человѣкъ солдатъ съ трудомъ сдерживали его. Имъ стоило большихъ усилій удержать Карцева на мѣстѣ. Онъ

все бросался къ часовому и хотѣлъ вырвать у него винтовку. По шеѣ адмирала сочилась кровь.

Оказалось, что въ то время, когда всѣ спали, адмиралъ внезапно соскочилъ съ дивана, на которомъ лежалъ, бросился къ часовому и хотѣлъ вырвать у него винтовку. Часовой Савченко, крѣпко вцѣпившись въ винтовку, старался оттолкнуть нападавшаго адмирала, а Свинолупъ произвелъ выстрѣлъ въ противоположную сторону; но борьба не прекращалась, тогда онъ вторично выстрѣлилъ и задѣлъ пулей Карцева, причинивъ ему легкую рану на затылкѣ.

Прибѣжавшіе на шумъ солдаты быстро справились съ адмираломъ, уложили его, ему была сдѣлана медицинскимъ персоналомъ Таврическаго дворца перевязка и въ скоромъ времени онъ былъ въ безсознательномъ состояніи отправленъ въ Еленинскій институтъ, гдѣ обнаружилъ признаки остраго умопомѣшательства.

Если бы не бдительность часовыхъ, не распорядительность караульнаго унтеръ-офицера, то случай этотъ могъ бы повлечь за собой цѣлый рядъ нежелательнымъ послѣдствій. Но внимательное отношеніе къ своимъ служебныхъ обязанностямъ часового, стоявшаго на посту и ни на минуту не выпускавшаго изъ рукъ винтовки, находчивость унтеръ-офицера Круглова, предупредили катастрофу, и внезапно помѣшавшійся адмиралъ не могъ ничего сдѣлать дурного.

4-го марта новая партія арестованныхъ пополнила министерескій павильонъ. Былъ доставленъ бывшій предсѣдатель совѣта министровъ кн. Голицынъ, бывшій финляндскій генералъ-губернаторъ генералъ Зейнъ, бывшій архангельскій губернаторъ Шидловскій, сенаторъ Боровитиновъ и два жандармскихъ офицера, добровольно явившіеся.

Но это касается лишь обитателей министерскаго павильопа. Во второмъ этажѣ Таврическаго дворца въ комнатахъ подъ №№ 35, 35 а и 36 число арестованныхъ офицеровъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ и полиціи все возростало и достигло цифры 83-хъ.

Рядомъ въ комнатѣ съ арестованными помѣстилась думская слѣдственная комисія, гдѣ день и ночь непрерывно работали члены Гос. Думы Л. Г. Люцъ, Унковскій, Марковъ 3-й, Черешкинъ, Аносовъ и друг.

Комиссія эта съ первыхъ же дней установленія новаго строя энергично работала по разслѣдованію правильности задержанія арестованныхъ. И много невинныхъ, благодаря неустаннымъ

трудамъ комиссіи, немедленно же по арестованіи получили свободу.

А были, дѣйствительно, случаи курьезныхъ арестовъ. Напримѣръ, изъ провинціи привозили всю городскую администрацію и заявляли, что никакихъ обвиненій мѣстные граждане къ бывшимъ администраторамъ не предъявляютъ, но препровождаютъ ихъ въ Государственную Думу для зависящихъ распоряженій. Конечно, такія лица немедленно же освобождались.

Бывали случаи, что приводили душевно-больныхъ, выпущенныхъ во время переворота изъ лѣчебницъ. Такихъ, опросивъ, комиссія, освобождала изъ-подъ стражи и препровождала въ соотвѣтствующія лѣчебныя заведенія.

Точно также комиссія прилагала всѣ усилія къ тому, чтобы облегчить арестованнымъ ихъ участь. Несмотря на то, что помѣщеніе было тѣсное, комиссія всемѣрно старалась размѣстить задержанныхъ возможно комфортабельнѣе. Изъ лазаретовъ общественныхъ организацій были доставлены складныя койки. Разрѣшено было получать изъ дому постельныя принадлежности, допущены свиданія, вслѣдствіе чего моральное состояніе задержанныхъ не было угнетеннымъ, и они открыто заявляли, что такого внимательнаго къ себѣ отношенія со стороны новаго правительства, могущаго считать ихъ своими врагами, они не ожидали.

Что это было дѣйствительно такъ, свидѣтельствуетъ письмо, написанное арестованными, которое они просили опубликовать во всеобщее свѣдѣніе.

Вотъ текстъ этого письма:

„Г. Коменданту Таврическаго Дворца. Группа офицерскихъ, жандармскихъ и полицейскихъ чиновъ, задержанныхъ и находящихся въ Таврическомъ дворцѣ, считаетъ своимъ нравственнымъ долгомъ засвидѣтельствовать о томъ вниманіи и попеченіи, которымъ пользуются они со стороны администраціи Таврическаго дворца и лицъ, уполномоченныхъ на сношенія и завѣдываніе названной группой.

По уполномочію группы генералъ-маіоръ Петровъ. 5 марта 1917 года“.

Это письмо, написанное тюремщиками стараго режима, ясно свидѣтельствуетъ о той громадной разницѣ, какая произошла въ режимѣ мѣстъ заключенія. Раньше заключенные служили объектомъ издѣвательства, теперь на нихъ стали смотрѣть, какъ на

несчастныхъ, впавшихъ въ преступленіе людей, нуждающихся въ самомъ заботливомъ обращеніи.

Что сдѣлать съ арестованними чинами полиціи и жандармеріи? Вотъ вопросъ, который озабачивалъ правительство. Объ этомъ же говорили въ Таврическомъ дворцѣ и крестьяне-депутаты. Послѣ продолжительныхъ дебатовъ, послѣдніе пришли къ заключенію, что необходимо просить Временное Правительство всѣхъ полицейскихъ чиновъ, чиновъ конной стражи и корпуса жандармовъ, по возрасту своему подлежащихъ поступленію въ войска, немедленно призвать на службу. Ходатайство это было подписано 23 депутатами. Правительство пошло навстрѣчу желаніямъ крестьянъ, и вопросъ объ обращеніи чиновъ полиціи въ войска былъ предрѣшенъ.

4-го марта изъ министерскаго павильона былъ отправленъ новый транспортъ арестованныхъ въ Петропавловскую крѣпость. Съ этимъ транспортомъ, по распоряженію министра юстиціи, были отправлены: членъ Гос. Совѣта Дейтрихъ, Кафафовъ, сенаторъ Крашенинниковъ, пресловутый Манасевичъ-Мануйловъ, генералъ Ренненкампфъ, Куколь-Яснопольскій, Кульчицкій, Васильевъ, Трусевичъ, Зейнъ и Боровитиновъ.

Въ общемъ, день этотъ прошелъ сравнительно покойно.

Никакихъ особенныхъ происшествій не было. Екатерининскій залъ принималъ одну депутацію за другой, члены Временнаго Правительства выступали съ рѣчами, привѣтствовали депутаціи, которыя смѣнялись, какъ въ калейдоскопѣ.

Но не обошлось безъ курьезовъ. Въ комендантское управленіе явился какой то господинъ, заявивъ, что ему нужно переговорить съ комендантомъ по очень важному дѣлу. Когда его спросилй, въ чемъ заключается его важное дѣло, онъ таинственно заявилъ, что ему необходимо немедленно развестись съ женой, но такъ какъ въ настоящее время, по его мнѣнію, всѣ старые законы рухнули, то единственный путь къ разводу съ его женой— это разрѣшеніе коменданта Таврическаго дворца. Просителю было разъяснено, что это внѣ компетенціи коменданта.

Затѣмъ приходила цѣлая серія лицъ, дѣлавшихъ самыя разнообразныя предложенія новому правительству. Кто предлагалъ свои труды, кто свою квартиру, кто фабрику, автомобиль, лошадь и т. д.

Деньги жертвовались въ изобиліи. Никто даже не спрашивалъ, что на его пожертвованныя деньги сдѣлано. Большинство

приходило и спрашивало: „Гдѣ принимаютъ пожертвованія на революцію?“ Немедленно образовались пункты для сбора пожертвованій на революцію, были изысканы различные способы. Такъ, напримѣръ, первыя газеты, вышедшія 5-го марта, послѣ недѣльнаго перерыва, разыгрывались, и такая своеобразная лотерея дала, напримѣръ, за одинъ № газеты 11.000 рублей.

Но и тутъ не обходилось безъ темныхъ личностей; такъ, нѣкій Чаадаевъ, человѣкъ не принятый въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ по этическимъ причинамъ, сталъ собирать деньги для помощи политическимъ ссыльнымъ: поставивъ во дворцѣ столъ, онъ развилъ широко сборъ денегъ; безъ контроля и безъ всякой отчетности онъ получалъ и расходовалъ сотни тысячъ рублей. Только вмѣшательство А. Ф. Керенскаго пріостановило дѣятельность этой самозванной, никому невѣдомой организаціи, конкуррирующей съ давнишнимъ и всѣмъ хорошо извѣстнымъ обществомъ помощи политическимъ, въ которомъ душой дѣла была обаятельная В. Н. Фигнеръ и другія высоко безупречныя женщины...

Извѣстная графиня М. Клейнмихель, сначала арестованная при Таврическомъ дворцѣ, а потомъ находящаяся подъ домашнимъ арестомъ, между прочимъ, жаловалась на то, что ей слишкомъ дорого обходится эта революція. Очевидно, она боялась, что ея черносотенные милліоны послужатъ на благо народной свободы.

Характерно слѣдующее ея прошеніе коменданту Таврическаго дворца.

„Обращаюсь къ вамъ съ покорнѣйшей просьбой войти въ мое положеніе. По распоряженію министра юстиціи я нахожусь подъ домашнимъ арестомъ съ 11 марта с. г. У меня поставленъ караулъ въ числѣ 15 человѣкъ изъ Гвардейскаго Экипажа, находящихся на моемъ содержаніи. До момента моего ареста въ моей квартирѣ находилась домовая охрана изъ 8 человѣкъ, которая здѣсь и посейчасъ. Офицеры, арестовавшіе меня, нашли, что домовая охрана совершенно лишняя, и хотѣли распорядиться о снятіи означенной охраны. Я хлопочу объ этомъ не для послабленія надзора, но потому что содержаніе такого большого караула является для меня громаднымъ и непосильнымъ налогомъ. Съ момента установленія домовой охраны, я имъ отпускала 1 руб. въ день на человѣка. Караулъ Гвардейскаго Экипажа потребовалъ 2 руб. въ день на человѣка. Естественно, что волынцы желаютъ быть уравновѣшены съ караульными Гвардей-

скаго экипажа и также получать по 2 рубля. Такимъ образомъ, ежедневно расходъ на караулъ составитъ 46 рублей.

Легально ли это? Смѣю просить васъ передать начальнику караула по тел. 14-11, что мое письмо къ вамъ дошло.

Примите увѣреніе моего къ вамъ совершеннаго уваженія

Гр. Клейнмихель".

Изъ писемъ, которыя направлялись коменданту Таврическаго дворца отъ содержащихся подъ стражей, представляетъ извѣстный интересъ также письмо жены бывшаго военнаго министра Екатерины Викторовны Сухомлиновой, арестованной и помѣщенной въ министерскій павильонъ 11 марта.

Письмо это было адресовано Сухомлиновой своей матери, но, въ виду важности заключающагося въ немъ матеріала, не могло быть препровождено адресату, о чемъ Екатерина Сухомлинова и была поставлена въ извѣстность.

Въ этомъ письмѣ женщина, сдѣлавшая такъ много зла Россіи, женщина, изъ за которой на поляхъ сраженія лилась народная кровь, взываетъ къ Богу, говоря, что онъ знаетъ правду!

Вотъ, что она пишетъ: „Милая и дорогая мамочка, поздравляю тебя съ днемъ твоего ангела. Богъ дастъ скоро будемъ вмѣстѣ, я тебя тогда поцѣлую за сегодняшній день. Обо мнѣ не безпокойся, тяжелый крестъ свой я несу спокойно, вѣря, что правда должна же быть услышана, Богъ поможетъ. Но во всякомъ случаѣ надо теперь же позаботиться о повѣренномъ. Пусть Вѣра поговоритъ съ нимъ, она же знаетъ, кто можетъ разбить клевету, есть же люди порядочные и не боящіеся сказать правду, у него моя довѣренность уже есть. Если онъ „убоится" дѣла, то не возьметъ ли онъ одну лишь мою защиту. Пусть беретъ въ организацію защиты кого хочетъ, я ему вполнѣ поручаю, всѣхъ тѣхъ, кого онъ называлъ, я согласна. Ив. Ив. Торховскій тоже пусть не будетъ забытъ, хотя бы для совѣтовъ. Всѣ бумаги по дѣлу, тетрадь, въ которой я дѣлала замѣтки, просматривая дѣло (въ сѣромъ портфельчикѣ), всѣ замѣтки чтобы не были затеряны. Часть бумагъ а также копіи, выданныя мнѣ, у него находятся. Вотъ не помню, гдѣ послѣдняя, выданная мнѣ сенаторомъ копія, она была у тебя. Надо передать и ее повѣренному, но когда мнѣ разрѣшатъ получить эти всѣ бумаги — пришлите мнѣ. Бракоразводное дѣло лежитъ въ ящикѣ въ шкафу. Тамъ всѣ нужныя для дѣла бумаги. Сохраните вмѣстѣ. Письма мужа, нужныя для дѣла, лежали на столѣ въ моей спальнѣ, гдѣ

лежали всѣ бумаги дѣловыя, а ненужныя въ шкафу въ лѣвомъ, гдѣ шляпы, ихъ тоже сохраните на всякій случай, только не перепутайте, а вложите въ отдѣльные конверты и надпишите. На отдѣльныхъ листкахъ блокнота я сдѣлала замѣтки по дѣлу. Надо, чтобы Вѣра позаботилась. Пусть Вѣра сходитъ къ Леону Александровичу, попросить одолжить деньги для повѣреннаго. Пусть скажетъ, что я очень прошу не отказать одолжить мнѣ. Записку о финансахъ передать сейчасъ повѣренному. А главное, чтобы переписали ее на машинѣ, вставивъ свидѣтельницъ: Марію Францевну и Вѣру и печатный этотъ экземпляръ переслать, когда разрѣшатъ Влад. А—чу вмѣстѣ съ его замѣтками по дѣлу въ тетрадкахъ и переписанныхъ на машинкѣ и другихъ. Часть у повѣреннаго, и ихъ надо тогда взять, если нѣтъ дубликатовъ, такъ какъ одна мѣра пресѣченія уклоненія отъ слѣдствія — залогъ была выполнена, а теперь еще арестъ, то надо, чтобы повѣренный, у него уже есть моя довѣренность, потребовалъ вернуть ему залогъ, квитанція у тебя. Объ этомъ надо поговорить съ Носовичемъ, а также надо, чтобы Влад. А—чъ написалъ еще въ учетный банкъ перевести всѣ бумаги во взаимный кредитъ, такъ какъ я не успѣла этого сдѣлать. Объ этомъ желаніи Вл. А—ча въ виду завѣщанія его надо упомянуть Носовичу, а то онъ не пойметъ для чего. И въ одномъ, и въ другомъ банкѣ я объ этомъ предупреждала. Перебирайтесь, конечно, въ верхнюю квартиру. Анюту обязательно оставить и Агаѳью. Вѣру очень прошу ужъ не оставлять тебя. Живите теперь вмѣстѣ втроемъ. Лишнихъ людей и Лизу, какъ ни жаль, отпустите, давъ возможность найти мѣсто и дайте мѣсячное жалованье. Съ автомобилемъ выясните, и ты отъ моего имени подай заявленіе въ министерство юстиціи, кажется, тамъ комиссія по вознагражденію убытковъ, узнайте, чтобы вернули, и его надо продать. Пообѣщай шофферу за это (за продажу 1000 руб.). Гдѣ шины? Моя несчастная спальня пусть стоитъ у Щербинскаго, заплати за нее остальное, Ив. Ив. знаетъ, ее можно будетъ потомъ выгодно продать. Мягкая мебель у него же, „уплачено". Пусть пока стоитъ, а два кресла у Мельцера взять, Анюта о нихъ знаетъ, „уплачено". Сашѣ надо заплатить за работу и спрятать, конечно, занавѣски. Сейчасъ барышня мнѣ сообщила, что вы по телефону передали о какихъ то правилахъ совѣта присяжныхъ. Думаю что это ошибка, это старыя правила обязательнаго назначенія казеннаго защитника. Во всякомъ случаѣ, поговорите по

этому поводу съ повѣреннымъ еще разъ. Попросите Ив. Ив. разобраться въ этомъ, и пусть мама мнѣ напишетъ. Настаиваю на тѣхъ именахъ, которыя предлагалъ повѣренный. Сумму полностью за организацію защиты я назвала Маріи Францевнѣ, постарайтесь дать впередъ хоть половину. Если можно было бы сразу продать всю мебель, было бы очень хорошо, вотъ сразу и были бы деньги, но, вѣроятно, по частямъ придется продавать. Оставьте пока 3 спальни, т. е. мою (которая у Щербинскаго), Влад. Александ. и красную старинную, составную; а впрочемъ, какъ ни тяжело, продайте все, оцѣните сами приблизительно, оставьте, что необходимо для верхней квартиры. Книги же В. А. пока забейте въ ящики. Очень тяжело продавать вещи, но что дѣлать. Знаменитую люстру надо продать, взявъ форменную расписку съ описаніемъ ея. За подарки президента Французской республики (часы) и за группу мародеры тыла тоже дадутъ. Не забудьте, чтобы Михайловъ, а потомъ Мертенсъ оцѣнили мѣхъ: большое боа, муфта изъ лисицъ (съ матеріей) и 2 полоски маминаго боа, при чемъ надо сказать, что вѣдь это покупалось 12—15 лѣтъ назадъ, въ 1901 г. приблизительно, т. е. когда носили рукава пузырями. Евгенія Марковна должна помнить дату покупки ихъ, пусть мужъ ея спроситъ. Затѣмъ у Линденблита возьмите расписку, что онъ продалъ мнѣ горностай по 1 р. 50 к. штуку и шеншеля, кажется по 18 р., если я не ошибаюсь, и затѣмъ, пусть напишетъ стоимость ихъ, по его мнѣнію, магазинной цѣны. Это обязательно. Я думаю, что это онъ съ удовольствіемъ сдѣлаетъ, ибо это реклама даже для него. — Мои платья уложить въ сундукъ; мнѣ понадобится, потомъ конечно, черное манто весеннее, синій костюмъ отъ м-мъ Бертъ (прошлогодній) и рубашечки. Вѣроятно, придется заказать мнѣ еще двѣ три рубашечки. Матерія бѣлая, кажется, есть у меня, не помню. Вѣрѣ дайте черное платье тафты, которое я одинъ разъ надѣла (Анюта знаетъ). Не могу вспомнить, что ей надо и что у меня есть отдать. Давай ей деньги карманныя, очень прошу. Теперь изъ вещей, нужныхъ мнѣ въ крѣпости, слѣдующія: 1) юбку нижнюю синюю трико, 2) блузки, 3) одну изъ англійскихъ золотыхъ булавочекъ, что я тебѣ дала, 4) капотъ-халатъ бѣлый, 5) одеколонъ цвѣтной фіалка (Віолетъ), 6) щетку головную простую, 7) бриліантинъ, 8) шампунь, 9) матинэ два чистыхъ совершенно, 10) лизоформъ запечатанный, 11) лизоформъ разведенный, 12) бѣлье прислать старое: денныхъ рубашекъ, панталонъ, кашъ-

корсе, чулки, наволочки безъ оборокъ, 13) снять и прислать розовыя наволочки, эти лѣзутъ, 14) вещи обязательно продушить моими духами (Анюта знаетъ), а то я со своимъ носомъ страдаю, 15) гребень, 16) коричневый вязанный жакетъ съ поясомъ, 17) бумаги, карандашей, конвертовъ, чернильницу герметическую и перья (куплены новыя въ правомъ ящикѣ стола В. А.), пропускную бумагу и какой-либо бюваръ, 18) филодерминъ для рукъ, 19) маникюръ, 20) отсылаемую резиновую штуку вымыть въ соли и новый наконечникъ и прислать, 21) большую резиновую ванну, 22) наперстокъ и кнопокъ, 23) книжку изъ бѣлаго шкапа: уставъ уголовнаго судопроизводства и 24) вещи въ плоскомъ желтомъ сундучкѣ привезти. Пусть Марья Францевна пойдетъ къ Карабчевскому, какъ предсѣдателю совѣта присяжныхъ, и отъ моего имени попроситъ посовѣтовать объ организаціи защиты. Имена желательныхъ защитниковъ у повѣреннаго можно узнать. Если же изъ этого ничего не выйдетъ, то поговорите съ Тарховскимъ и Алексѣевымъ. Для себя я очень хотѣла бы сохранить прежняго, если онъ за все дѣло полностью не берется. Желателенъ и тотъ съ двойной фамиліей, съ этимъ надо торопиться, ибо надо же ознакомиться имъ съ дѣломъ. Пусть Вѣра или ты сама, если сможешь, пойдешь съ Маріей Франц. и къ Казаринову, и къ Карабчевскому. Вопросъ объ организаціи защиты меня болѣе всего безпокоитъ, такъ какъ некому позаботиться о насъ, ни одного мужчины. По телефону сообщили, что Вѣра дома. Вызови ее къ себѣ телеграммой, пусть она все время съ тобою будетъ. Я буду за тебя спокойнѣе. Продайте мебель, оставьте необходимое пока для 4 комнатъ: 3 спальни и 1 столовую-гостиную, что будетъ выгоднѣе, то и продайте. Красное дерево продайте, за него могутъ заплатить хорошо. Нельзя ли такъ: обѣ столовыя продать, кабинетъ продать, красную мебель для гостиной продать, а столовую нельзя ли составить изъ передней мебели. Хотя сообразите, какъ выгоднѣе. Продавайте все, что найдете нужнымъ, кромѣ бѣлья и необходимыхъ вещей. Я боюсь, что вы безъ денегъ. Выхлопочи право писать мнѣ, подай прошеніе, вѣдь намъ нужно же хозяйственныя распоряженія передать, вѣдь домъ остался такъ. Цѣлую крѣпко тебя, дорогая мамочка, Вѣру, Марью Францевну, Анюту и Агашу и прочихъ. Сообщи какъ здоровье, какъ легкое, сердце“.

Въ числѣ манифестацій, приходившихъ въ Таврическій дворецъ 4 марта, обращала на себя вниманіе манифестація рабочихъ

Невскаго района, прибывшая въ количествѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ человѣкъ. Вся Шпалерная и прилегающія къ ней улицы были запружены. Впереди манифестанты несли большія красныя знамена съ надписями: „Да здравствуетъ демократическая республика“, „Земля и воля“, „Земля и трудъ“.

Къ манифестантамъ выходили и говорили рѣчи депутаты Государственной Думы Янушкевичъ, Шидловскій, Аджемовъ и Афанасьевъ.

Манифестанты приходили въ Таврическій дворецъ ежедневно съ утра до поздняго вечера. Особенно много приходило войсковыхъ частей. Состоящій при Таврическомъ дворцѣ инженеръ Піотровскій неоднократно высказывалъ опасенія за прочность пола какъ въ Екатерининскомъ, такъ и въ Кругломъ залахъ.

При перестройкѣ Таврическаго дворца эти залы не были разсчитаны на большую нагрузку. Такъ, залъ засѣданій, считая и мѣста на хорахъ, былъ разсчитанъ не болѣе, какъ на полторы тысячи человѣкъ, между тѣмъ, теперь сплошь и рядомъ залъ вмѣщалъ въ себѣ до 2.500 человѣкъ и на хорахъ размѣщалось до 1.000 человѣкъ (считая и содержащихся тамъ арестованныхъ). Приходилось только удивляться, какъ выдерживаютъ такую нагрузку полы и своды.

Объ этомъ комендантъ неоднократно доводилъ до свѣдѣнія Исполнительнаго Комитета Совѣта Рабочихъ Депутатовъ и хозяйственнаго комитета Государственной Думы, но они были безсильны остановить притокъ паломниковъ въ цитадель русской революціи. Несмотря ни на какія предупрежденія, рабочіе и солдаты тысячами заполняли залы Таврическаго дворца. И, къ счастью, все обходилось благополучно. Правда, во многихъ мѣстахъ стала замѣчаться осадка половъ, распатываніе ихъ, но все же толстыя деревянныя балки, на которыхъ покоились полы, выдерживали невѣроятную нагрузку. Такъ, напримѣръ, Екатерининскій залъ въ нѣкоторые дни вмѣщалъ въ себѣ до 15.000 человѣкъ.

Люди стояли вплотную, прижавшись другъ къ другу, двигаться не было ни малѣйшей возможности — и ни одного несчастнаго случая, ни одной царапины штыкомъ, ни одного травматическаго поврежденія.

5-е марта омрачилось самоубійствомъ въ стѣнахъ Таврическаго дворца. Въ 10 ч. утра въ приставской части раздался выстрѣлъ, всѣ бросились туда, и увидѣли сидящаго на стулѣ съ опущен-

ными руками, истекающаго кровью неизвѣстнаго штабъ-ротмистра. Съ обоихъ висковъ текла кровь. Оказывается, штабъ-ротмистръ выстрѣлилъ въ правый високъ и раздробилъ себѣ черепъ. Онъ еще подавалъ признаки жизни, а потому послѣ перевязки былъ отправленъ въ лазаретъ по Таврической ул. № 45, гдѣ черезъ полчаса, не приходя въ сознаніе, скончался. У него нашлись письма, изъ которыхъ было видно, что онъ рѣшилъ покончить жизнь самоубійствомъ, не будучи въ состояніи пережить такого переворота и не видя впереди возможности перехода къ лучшему. Его страшно волновали тѣ отношенія, которыя установились между солдатами и офицерами. Между прочимъ, въ числѣ оставленныхъ писемъ было одно, адресованное министру юстиціи А. Ф. Керенскому. Какъ выяснилось, самоубійца былъ штабъ-ротмистромъ 9 запаснаго кавалерійскаго полка, Ф. Левингъ.

Въ этотъ день изъ министерскаго павильона былъ освобожденъ Лысогорскій, бывшій помощникъ петроградскаго градоначальника, князь Жеваховъ, бывшій товарищъ оберъ-прокурора св. синода, кн. Шаховской, Баркъ, бывшій министръ финансовъ, Логвинскій, бывшій членъ комиссіи генерала Батюшина, Симановскій, и Шидловскій; а бывшій предсѣдатель совѣта министровъ кн. Голицынъ — переведенъ въ Петропавловскую крѣпость.

Днемъ въ Таврическомъ дворцѣ шла обычная сутолока. Одна депутація смѣняла другую. Просители осаждали комендатуру, нескончаемой вереницей приводили арестованныхъ. Между прочимъ, были приведены три курсистки и два студента, какъ выяснилось, служившіе въ охранномъ отдѣленіи. Фамиліи ихъ значились въ спискахъ охранки, озаглавленныхъ „Освѣщеніе высшихъ учебныхъ заведеній“. Противъ каждой фамиліи въ спискѣ точно указывалось получаемое содержаніе, не превышавшее 60 р. въ мѣсяцъ, а также и тѣ услуги, которыя этими лицами были оказаны дѣлу политическаго сыска. Къ этимъ арестованнымъ и стража, и молодежь, работающая въ продовольственной комиссіи, относилась съ гадливымъ презрѣніемъ. Я не видѣлъ такого отношенія даже къ Протопопову. Въ немъ все-таки, видно было, признавали человѣка, въ этихъ же провокаторахъ, никто не хотѣлъ признавать чего-либо человѣческаго.

Чтобы закончить съ провокаторами, нужно отмѣтить, что въ эти смутные дни, когда шла полная переоцѣнка цѣнностей, были поразительныя неожиданности. Такъ, между прочимъ, обнаружилось, что въ спискахъ охраннаго отдѣленія значится нѣкто

Витка, имя котораго пользовалось громадной популярностью въ нашихъ революціонныхъ кругахъ, онъ считался виднымъ дѣятелемъ партіи соціалъ-революціонеровъ. И вдругъ — охранникъ!!

Почти одновременно съ Виткой былъ арестованъ другой провокаторъ, Азефъ соціалъ-демократіи, извѣстный Иванъ Доброскокъ, слывшій подъ кличкой „Николай золотые очки". Доброскокъ — племянникъ извѣстнаго на югѣ общественнаго дѣятеля соціалъ-демократа; въ 1904 г. онъ проникъ въ организацію, гдѣ своей выдержкой и умѣньемъ молчать добился извѣстнаго довѣрія, пользуясь которымъ онъ проваливалъ всѣхъ, кого могъ провалить безъ риска для себя.

Небольшого роста, съ выдающимися скулами, блондинъ въ золотыхъ очкахъ, Доброскокъ ничѣмъ не привлекалъ вниманія, а своимъ скромнымъ молчаніемъ и отсутствіемъ любопытства, производилъ впечатлѣніе вполнѣ законспирированнаго работника. Когда онъ работалъ въ Харьковѣ, была арестована масса партійныхъ дѣятелей. Всѣ, кто-бы ни пріѣзжалъ въ Харьковъ, быстро подвергались аресту. Особенно много шуму надѣлалъ арестъ бѣжавшаго съ десятью другими заключенными изъ Кіевской тюрьмы соціалъ-демократа Б..., тщательно законспирированнаго. Послѣ этого случая въ организаціи стало ясно, что имѣется опасный провокаторъ, но обнаружить его никто не могъ.

Чины харьковской жандармской полиціи открыто заявляли, что имъ извѣстенъ каждый шагъ партіи, что, къ сожалѣнію, было правдой.

Въ маѣ 1905 года Доброскокъ оказался въ Петербургѣ, гдѣ провалилъ группу меньшевиковъ, съѣхавшихся въ столицу послѣ женевской конференціи. Тутъ Доброскокъ былъ обнаруженъ, его стали ловить, хотѣли убить, но онъ скрылся. Впослѣдствіи ему удалось втереться въ партію соціалъ-революціонеровъ, а затѣмъ онъ послѣдовательно служилъ помощникомъ начальника одного изъ охранныхъ отдѣленій и ораніенбаумскимъ полиціймейстеромъ.

Когда газеты стали писать о предателѣ соціалъ-демократѣ „Николай золотые очки" — Доброскокъ написалъ въ „Новое Время" письмо, которое и было тамъ напечатано, гдѣ, между, прочимъ, говорилось: „Никогда не былъ я соціалъ-демократомъ, а прикинулся таковымъ только, чтобы втереться въ ненавистную мнѣ партію и уничтожить ее".

Владиміръ Львовичъ Бурцевъ очень заинтересовался поиме-

нованными провокаторами и посвятилъ не мало времени собесѣдованію съ этими отбросами человѣчества. Нужно замѣтить, что В. Л. Бурцевъ, несмотря на свое слабое здоровье, всѣ эти дни неустанно работалъ. Онъ не хотѣлъ на зарѣ русской свободы окончательно потерять вѣру въ человѣка. Онъ готовъ былъ вѣрить своей чистой душой, что провокаторы явились жертвой злой клеветы. Онъ изыскивалъ всѣ способы для освѣщенія этихъ мрачныхъ страницъ русскаго освободительнаго движенія. Но тщетно. Его чистая душа была омрачена полнымъ разочарованіемъ. Провокаторы, имѣя полную возможность реабилитировать себя, не были въ состояніи ничего сдѣлать. Слишкомъ очевидны были ихъ дѣйствія.

Во всякое время дня и даже поздно вечеромъ можно было встрѣтить въ залахъ Таврическаго дворца Вл. Л. Бурцева. Худощавый, нѣсколько сгорбленный, сѣдой, но замѣчательно подвижной и живой съ грустными и вдумчивыми глазами Вл. Л. производилъ впечатлѣніе человѣка, постоянно куда-то спѣшащаго, чѣмъ-то озабоченнаго; онъ то шелъ своей быстрой, суетливой, нѣсколько неувѣренной походкой наверхъ, на хоры поговорить съ кѣмъ-нибудь изъ арестованныхъ провокаторовъ, то спѣшилъ на засѣданіе, то хлопоталъ о пропускѣ къ арестованнымъ. Ни на минуту не оставался онъ спокойнымъ, даже позируя фотографу, онъ что-нибудь читалъ или дѣлалъ какія-нибудь отмѣтки въ своей записной книжкѣ.

Мягкій въ обращеніи, со слабымъ голосомъ, онъ скорѣе походилъ на кабинетнаго ученаго, чѣмъ на грознаго обличителя провокаторовъ, голосъ котораго въ печати былъ стали подобенъ. Съ какой осторожностью, съ какой деликатностью онъ подходилъ къ каждому заклейменному позорнымъ именемъ „провокаторъ". Но, когда у Вл. Л. въ рукахъ сосредотачивалось достаточно вѣскихъ данныхъ, онъ становился неузнаваемъ, и голосъ его звучалъ поразительной увѣренностью, твердостью и неуклонной волей обличить провокатора.

6 марта въ Таврическомъ дворцѣ, подъ предсѣдательствомъ М. В. Родзянко, происходило частное совѣщаніе членовъ Государственной Думы.

Встрѣченный общими дружными аплодисментами М. В. Родзянко обратился къ депутатамъ съ краткой рѣчью, въ которой указалъ, что аплодисменты эти должны быть направлены по адресу всей Государственной Думы, такъ какъ онъ явился лишь

выразителемъ настроенія и желаній Государственной Думы, которыя онъ сумѣлъ угадать и почувствовать.

М. В. Родзянко сообщилъ членамъ Государственной Думы, что общее положеніе въ странѣ спокойное. Во всей Россіи нѣтъ и признака волненій и событій, которыя возбуждали бы опасенія. Было получено извѣстіе о броженіи въ Гельсингфорсѣ, но онъ послалъ туда телеграмму съ призывомъ къ спокойствію и получилъ восторженную телеграмму, въ которой Балтійскій флотъ изъявляетъ свою полную готовность поддержать Временное Правительство и дѣло освобожденія Россіи.

Затѣмъ совѣщаніе обсуждало вопросъ о поѣздкахъ депутатовъ на фронтъ и на мѣста для разъясненія арміи и населенію смысла совершающихся событій. Совѣщаніе постановило также поддержать правительство во всѣхъ его начинаніяхъ, клонящихся къ установленію порядка, возстановленію нормальной жизни въ странѣ и доведенію войны до побѣднаго конца.

6 марта изъ зданія Таврическаго дворца были переведены въ городской арестный домъ офицерскіе и классные жандармскіе и полицейскіе чины, а низшіе полицейскіе служащіе во временное арестное помѣщеніе — на Каменоостровскій проспектъ.

При переводѣ арестованныхъ городовыхъ и околодочныхъ одинъ изъ конвойныхъ солдатъ обратился къ распоряжавшемуся отправкой Ю. С. Гессену, показывая на арестантовъ, и сказалъ:

— Какіе они уничтоженные.

Интересуясь узнать, что солдатъ подразумѣваетъ подъ словомъ „уничтоженные", Ю. С. Гессенъ задалъ ему соотвѣтственный вопросъ, на который тотъ отвѣтилъ такъ:

— „Они чувствуютъ, что мы хоть и бѣдные, но честные, и что, если бы они насъ конвоировали, многіе изъ нихъ за 5 или 10 рублей согласились бы дать нѣкоторымъ удрать, мы не дадимъ удрать никому и значитъ, они сознаютъ, что всѣ полностью будутъ доставлены въ тюрьму. Слѣдовательно, положеніе ихъ безвыходное. Вотъ поэтому они и уничтоженные".

Въ этотъ день, между прочимъ, былъ произведенъ обыскъ въ квартирѣ арестованнаго Протопопова, причемъ былъ найденъ цѣлый складъ разныхъ съѣстныхъ припасовъ: болѣе 30 окороковъ, гастрономія, консервы, крупчатка и т. д., а также большое количество различныхъ винъ. Все это было доставлено въ Таврическій дворецъ и передано въ продовольственную комиссію, а вина въ комендантское управленіе, гдѣ и были опечатаны.

7 марта въ министерскій павильонъ былъ подъ конвоемъ доставленъ арестованный герцогъ Мекленбургъ-Стрелицкій. Гордо шелъ подъ конвоемъ старый герцогъ. Онъ никакъ не ожидалъ, что его арестуютъ, ухо его рѣзало обращеніе къ нему безъ титулованія, а прямо „генералъ". Онъ, какъ затравленный звѣрь, ходилъ по комнатамъ министерскаго павильона и ни съ кѣмъ не разговаривалъ.

Днемъ былъ произведенъ обыскъ въ помѣщеніи штаба корпуса жандармовъ. Во время обыска одинъ изъ офицеровъ штаба, подполковникъ Ожгеръ, сжегъ какую-то бумагу съ подписью Протопопова. Какъ потомъ выяснилось, въ этой бумагѣ бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ подробно излагалъ свои соображенія, какъ чины корпуса жандармовъ должны бороться съ народнымъ волненіемъ, которое ожидалось 14 февраля. Тамъ говорилось и о пулеметахъ, и о заводахъ и проч. И вотъ, безумный жандармъ, думая скрыть слѣды преступленія своего бывшаго шефа сжигаетъ этотъ документъ, не сообразивъ, очевидно, что копія этой бумаги своевременно была разослана начальникомъ штаба корпуса во всѣ провинціальныя управленія.

Этимъ дикимъ поступкомъ жандармъ Ожгеръ добился только того, что всѣ чины штаба корпуса были арестованы сначала домашнимъ арестомъ, а потомъ ночью, по распоряженію министра юстиціи, подъ усиленнымъ конвоемъ были препровождены въ Таврическій дворецъ. Въ домѣ на Фурштадской, гдѣ помѣщался штабъ корпуса, проживали 6 офицеровъ и до 40 нижнихъ чиновъ. Всѣ они были арестованы. Нижніе чины были оставлены подъ охраной часовыхъ тамъ же, въ помѣщеніи штаба корпуса, а начальникъ штаба, генералъ Никольскій, препровожденъ въ министерскій павильонъ.

8 марта утромъ изъ Москвы министромъ юстиціи Керенскимъ былъ доставленъ знаменитый генералъ-отъ-кавалеріи дворцовый комендантъ Воейковъ. Съ важностью, свойственной только пустымъ людямъ, вошелъ онъ въ комендатское управленіе Таврическаго дворца. На немъ былъ шикарный полушубокъ, свитскіе погоны съ вензелями бывшаго царя, нафабренные усы, презрительная улыбка на лицѣ.

Принявъ отъ сопровождавшихъ конвойныхъ генерала Воейкова, я, подъ конвоемъ юнкеровъ, повелъ его въ министерскій павильонъ. Нужно было пройти черезъ всѣ залы Таврическаго двора, гдѣ находилась масса солдатъ. Воейковъ шелъ медленно,

нагло озираясь по сторонамъ. Видно было, что онъ хочетъ вызвать какой-нибудь скандалъ. Очевидно, ему мало было того негодованія толпы, готовой разорвать его въ клочья, которое онъ видѣлъ на Николаевскомъ вокзалѣ, при выходѣ изъ вагона. Я счелъ необходимымъ предложить бывшему дворцовому коменданту вести себя скромнѣе и поскорѣе пройти черезъ залъ, такъ какъ солдаты прекрасно знаютъ его въ лицо, и онъ можетъ подвергнуться съ ихъ стороны нежелательнымъ эксцессамъ. Онъ волей-неволей подчинился этому требованію, съежился и быстро проскользнулъ черезъ Екатерининскій залъ.

Въ министерскомъ павильонѣ бравые преображенцы, вмѣстѣ съ унтеръ-офицеромъ Климовымъ, доблестнымъ помощникомъ Ф. М. Курлова, тщательно обыскали Воейкова, отобрали отъ него все лишнее и съ негодованіемъ смотрѣли на царскіе вензеля его погонъ. Видя это, я предложилъ ему спороть вензеля. На это Воейковъ сказалъ, что онъ ничего не имѣетъ, если ему спорютъ вензеля, но такъ какъ слугъ у него здѣсь не было, а благоразуміе подсказывало необходимость подчиниться этому совѣту, то онъ самъ занялся непривычнымъ ему портняжнымъ ремесломъ и маленькимъ перочиннымъ ножомъ спороль вензеля. На полушубкѣ же, онъ не хотѣлъ портить погонъ, и сказалъ, что онъ былъ „вѣренъ своему государю и останется таковымъ до конца". Поэтому онъ предпочитаетъ снять погоны и носить полушубокъ безъ погонъ, чѣмъ показаться на улицѣ въ погонахъ безъ вензелей.

Воейкову разрѣшено было снять съ полушубка погоны, и когда на другой день его препроводили въ Петропавловскую крѣпость, онъ ѣхалъ уже безъ погонъ.

Днемъ, между прочимъ, въ комендантское управленіе пришелъ второй гражданинъ съ просьбой о разводѣ съ женой. Затѣмъ приходилъ извозчикъ, прося оказать ему содѣйствіе въ розыскѣ угнанной у него лошади. Пришла вся въ слезахъ какая-то женщина и просила разъяснить ей, какъ она должна поступить съ похоронами мужа, который умеръ отъ воспаленія легкихъ. Еще пришелъ какой-то лакей по порученію своего титулованнаго хозяина, съ просьбой дать разрѣшеніе гулять ему съ барскими собаками въ саду Таврическаго дворца.

На всѣ эти вопросы приходилось давать гражданамъ исчерпывающіе отвѣты. Нужно было успокоить вдову, потерявшую мужа, извозчика, лишившагося своей лошади, мужа ищущаго освобожденія отъ сварливой жены, собачнику разъяснить всю

безтактность обращенія его въ дни великой революціи въ Таврическій дворецъ съ такимъ ходатайствомъ!

Между прочимъ въ этотъ день произошло слѣдующее. Монтеръ Таврическаго дворца, устанавливая телефонную линію, однажды совершенно случайно обнаружилъ проводъ ему неизвѣстный, скрывающійся гдѣ-то по направленію квартиры помощника начальника охраны дворца Г. П. Бертгольдта. Разыскивая конецъ этого провода, монтеръ зашелъ въ бывшую квартиру Бертгольда и тамъ подъ письменнымъ столомъ оказался отрѣзанный проводъ; при провѣркѣ выяснилось, что проводъ этотъ прямой съ Зимнимъ дворцомъ, гдѣ и былъ включенъ въ центральную дворцовую станцію. Немедленно объ этомъ открытіи монтеръ сообщилъ мнѣ, но было уже поздно, такъ какъ въ первые же дни революціи Бертгольдъ неизвѣстно куда уѣхалъ, и никакихъ объясненій этому мы не получили.

Въ этотъ же день поздно вечеромъ въ министерскій павильонъ была доставлена статсъ-дама Елена Нарышкина, урожденная Толь, которая съ трудомъ говорила по русски. Какой ея родной языкъ — нѣмецкій или шведскій — неизвѣстно, но, во всякомъ случаѣ, она чужда всего русскаго.

9-го марта въ видѣ первой весенней ласточки появился въ министерскомъ повильонѣ арестованный въ Гомелѣ бывшій министръ двора, графъ Фредериксъ. Худой, высокаго роста, съ отвисшей нижней губой, съ безумнымъ блуждающимъ взоромъ, графъ въ сопровожденіи своего адъютанта прапорщика Петрова и камердинера былъ доставленъ въ Таврическій дворецъ около полудня. Опираясь на палку, онъ все время ходилъ изъ угла въ уголъ, сначала въ помѣщеніи комендантскаго управленія, а потомъ по министерскому павильону.

Этотъ человѣкъ производилъ впечатлѣніе совершенно выжившаго изъ ума. Когда его доставили въ министерскій павильонъ и обыскали тамъ, онъ снялъ съ себя китель защитнаго цвѣта и остался въ вязаной шерстяной кацавейкѣ свѣтло-коричневаго цвѣта. Прапорщикъ Петровъ неотлучно находился съ нимъ. Онъ просилъ разрѣшенія остаться въ одной съ графомъ комнатѣ, такъ какъ послѣдній впадаетъ въ полное безпамятство. Я спросилъ у Петрова, давно ли графъ такъ боленъ. На это прапорщикъ Петровъ сказалъ, что это болѣзнь старая, и съ 1913 года съ графомъ часто случаются припадки помутнѣнія сознанія.

Когда графу Фредериксу отвели назначенную для него

комнату, онъ обратился къ одной изъ курсистокъ, работающихъ въ министерскомъ павильонѣ отъ продовольственной комиссіи, съ вопросомъ:

— А когда тутъ у васъ даютъ вино?

И былъ очень удивленъ, когда ему сказали, что вина здѣсь не полагается:

— Какъ же я буду, когда я прывыкъ къ вину?

Затѣмъ онъ попросилъ, чтобы къ нему заѣхалъ министръ юстиціи. Просьба его была передана по телефону въ министерство, и А. Ф. Керенскій любезно исполнилъ желаніе бывшаго министра. Но, къ сожалѣнію, въ то время, когда пріѣхалъ Керенскій, графъ былъ въ состояніи невмѣняемости и лепеталъ какія-то несвязныя слова.

И это — министръ двора, опекавшій бывшаго царя отъ всякаго посторонняго вліянія! Страшно становится вчужѣ за ту атмосферу, которая царила при дворѣ!

Вечеромъ Фредериксъ захотѣлъ сигаръ и просилъ разрѣшенія послать кого-нибудь въ магазинъ за сигарами. Когда ему караульный начальникъ разъяснилъ, что всѣ магазины заперты, да и вообще сигаръ около Таврическаго дворца не достать, то онъ былъ очень удивленъ и спросилъ, указывая на остальныхъ:

— А что же они курятъ?

Въ этотъ же день въ министерскій павильонъ подъ конвоемъ былъ доставленъ протопресвитеръ военнаго и морского духовенства от. Георгій Шавельскій, къ которому были допущены нѣкоторые священники, члены Государственной Думы; съ ними онъ имѣлъ продолжительную бесѣду, результатомъ которой было освобожденіе его на другой день изъ-подъ ареста.

Въ эти дни въ зданіи Таврическаго дворца, между прочимъ, былъ арестованъ помощникомъ коменданта И. К. Тимковскимъ молодой человѣкъ, выдававшій себя за врача, окончившаго заграничный университетъ, оказавшагося на самомъ дѣлѣ извѣстнымъ аферистомъ „графомъ Д'Оверкомъ".

Бывшій начальникъ петроградской сыскной полиціи Кирпичниковъ, находящійся подъ арестомъ въ зданіи Таврическаго дворца, которому былъ предъявленъ Оверкъ, объяснилъ, что онъ знаетъ его лично. Онъ сынъ петроградскаго швейцара, крестьянинъ Ковенской губерніи Аверковъ и разыскивался многими судебными слѣдователями и судами.

Самъ Оверкъ или правильнѣе Аверковъ далъ при опросѣ слѣдующее объясненіе:

— Я врачъ, окончилъ заграничный университетъ. Въ маѣ 1916 года два раза покушался на отравленіе Григорія Распутина, за что былъ преданъ своей сообщницей Екатериной Берманъ, оказавшейся любовницей Распутина. Она обвиняла меня въ разбоѣ и въ нападеніи на нее. Послѣ этого я бѣжалъ изъ Петрограда во Владивостокъ, гдѣ былъ арестованъ и препровожденъ въ домъ предварительнаго заключенія, при петроградскомъ окружномъ судѣ, а оттуда былъ освобожденъ 27 февраля революціонными войсками и народомъ. Въ тотъ же день я явился въ зданіе Таврическаго дворца для работы и работалъ до самаго ареста.

Подъ усиленнымъ конвоемъ Аверковъ былъ направленъ изъ Таврическаго дворца въ Выборскую одиночную тюрьму.

Уже нѣсколько дней насились по городу смутные слухи о какихъ-то черныхъ автомобиляхъ, разстрѣливающихъ мирныхъ гражданъ.

9-го марта были получены въ комендантскомъ управленіи Таврическаго дворца вполнѣ опредѣленныя указанія на примѣты автомобилей, ихъ номера и мѣста появленій. Были приняты экстренныя мѣры къ поимкѣ автомобилей, результатомъ чего явилась поимка автомобиля, принадлежащаго извѣстному черносотенцу Д. А. Казицыну, бывшему члену городской управы.

9-го же марта къ коменданту Таврическаго дворца по телефону обратился врачъ инвалиднаго дома, назвавшій себя Добровольскимъ, который сообщилъ слѣдующее:

— Прочитавъ въ газетѣ воззваніе, я съ женой рѣшили отдать себя цѣликомъ родинѣ и прошу сообщить, куда мнѣ обратиться съ заявленіемъ, чтобы у меня взяли мою обстановку, собранныя крохи и дали бы безвозмездно, только за столъ и квартиру, какую угодно работу.

Этому врачу было предложено обратиться въ военную комиссію съ предложеніемъ своихъ услугъ.

Когда вечеромъ были получены точныя свѣдѣнія о мѣстахъ появленія черныхъ автомобилей, я немедленно сѣлъ въ свой автомобиль и объѣхалъ всѣ тѣ районы, въ которыхъ, по свѣдѣніямъ, видѣли таинственный автомобиль.

Почти на каждомъ углу повѣрялъ я, знаютъ ли милиціонеры номера черныхъ машинъ. На всѣхъ постахъ номера эти

были извѣстны и, хотя на память сообщить нѣкоторые милиціонеры этихъ номеровъ не могли, но имѣли при себѣ записки съ точнымъ указаніемъ примѣтъ и номеровъ черныхъ автомобилей. Слѣды тинственныхъ бандитовъ скрывались на Елагиномъ островѣ. Тамъ, въ темныхъ аллеяхъ старинныхъ парковъ, пропадали всѣ нити, по которымъ можно было бы прослѣдить, куда скрылись хулиганы.

Съ 10-го числа въ Таврическомъ дворцѣ стало спокойнѣе. Количество манифестантовъ уменьшилось; приходили, главнымъ образомъ, депутаціи отъ разныхъ учрежденій, приносившія вѣнки жертвамъ революціи. Съ каждымъ днемъ такихъ депутацій становилось все больше и больше. У комнаты, куда складывались эти вѣнки, пришлось выставить особый постъ для охраны весьма цѣнныхъ вѣнковъ.

Многіе депутаціи приходили съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ, пѣли „вѣчную память" и чинно проходили черезъ Екатерининскій залъ въ комнату № 13, гдѣ и оставляли свои приношенія. Была образована при Исполнительномъ Комитетѣ Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ особая похоронная комиссія, разрабатывавшая церемоніалъ похоронъ жертвъ революціи.

Утромъ 10 марта графъ Фредериксъ подалъ черезъ коменданта Таврическаго дворца рапортъ военному министру, въ которомъ излагалъ свое ходатайство объ увольненіи его въ отставку, по разстроенному здоровью, съ пенсіей и „мундиромъ дѣйствительной службы", — очевидно, полагая, что его заслуги передъ отечествомъ такъ велики, что и въ отставкѣ ему разрѣшатъ носить мундиръ, присвоенный министру двора. Между прочими новостями, которыя узналъ Фредериксъ во время содержанія подъ стражей въ Таврическомъ дворцѣ, была вѣсть объ арестѣ Николая II и о заключеніи его въ Александровскомъ дворцѣ. Когда прапорщикъ Петровъ при мнѣ сказалъ объ этомъ старому графу, то онъ совершенно спокойно спросилъ: „За что его арестовали?", а потомъ добавилъ: „Да, это я знаю, а когда меня освободятъ?"

Никакого волненія или огорченія на лицѣ царедворца не отразилось: очевидно, онъ не уяснялъ себѣ сущности переданной ему новости.

Въ этотъ день въ 2 часа былъ доставленъ въ министерскій павильонъ, арестованный по ордеру министра юстиціи, состоявшій при министрѣ двора шталмейстеръ Н. Ф. Бурдуковъ.

Въ 8 час. вечера графа Фредерикса перевели въ лазаретъ

при Евангелической больницѣ. Нужно замѣтить, что больше всего безпокоился Фредериксъ о своемъ камердинерѣ, который не былъ допущенъ въ министерскій павильонъ. Безъ него старый графъ, очевидно, былъ какъ безъ рукъ: это — его нянька, его сидѣлка. Такой же старый, какъ самъ графъ, хромой, съ нагло вызывающимъ тономъ, — онъ производилъ впечатлѣніе, по меньшей мѣрѣ, директора департамента министерства двора. Явившись въ комендатуру, камердинеръ дерзко требовалъ, чтобы его немедленно допустили къ графу; когда это было признано недопустимымъ, то старикъ заявилъ, что ему некуда отсюда идти и что поэтому должны ему дать тутъ, въ Таврическомъ дворцѣ, комнату. Пришлось прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ увѣщанія для того, чтобы удалить изъ Таврическаго дворца этого безпокойнаго слугу царедворца. На слѣдующій день утромъ онъ снова явился и, когда былъ допущенъ къ графу, то пробылъ тамъ всего нѣсколько минутъ, а затѣмъ заявилъ, что онъ нашелъ своихъ родственниковъ, къ которымъ и уходитъ. Онъ понялъ, что карьера его барина окончена, а потому счелъ за лучшее бросить его и искать себѣ новое мѣсто.

Между прочимъ, этотъ камердинеръ разсказывалъ, что домъ графа Фредерикса въ Петроградѣ сожженъ и все имущество уничтожено. При этомъ погибло въ огнѣ и имущество камердинера.

Тогда же были освобождены изъ-подъ стражи статсъ-дама Е. К. Нарышкина и протопресвитеръ о. Георгій Шавельскій.

По должности коменданта мнѣ приходилось каждый день обходить всѣхъ арестованныхъ и опрашивать, не имѣютъ ли они какихъ-либо протензій, довольны ли столомъ и т. д. Неизмѣнно каждый разъ арестованные говорили, что они вполнѣ довольны всѣмъ. Служебный персоналъ, по ихъ словамъ, выше всякихъ похвалъ. Вниманіе полное, и они никакъ не могли думать, что новыя власти такъ гуманно отнесутся къ нимъ — слугамъ стараго режима.

Только одинъ разъ арестованные нижніе полицейскіе чины заявили, что имъ не хватило хлѣба и мало дали супу къ обѣду. Сейчасъ же было сдѣлано распоряженіе, и продовольственная комиссія стала отпускать городовымъ и околодочнымъ усиленную порцію. Характерно, что чины полиціи почти всѣ украсили себя красными бантами и кокардами и щеголяли съ такими украшеніями даже подъ арестомъ; особенно въ этомъ отношеніи усердствовалъ полицеймейстеръ Григорьевъ и Балкъ, одѣтые въ штатское платье.

11-го марта министерскій павильонъ Таврическаго дворца принялъ въ свои нѣдра двухъ новыхъ дамъ: утромъ была доставлена арестованная по ордеру министра юстиціи жена бывшаго военнаго министра Е. В. Сухомлинова, а подъ вечеръ — дѣятельный членъ союза русскаго народа Е. А. Полубояринова.

Когда-то красивая женщина Е. В. Сухомлинова теперь совершенно поблекла, глаза ввалились, носъ обострился, щеки обвисли, и только красивыя руки щеголяли наполированными миндалевидными ногтями. Сухомлинова симулировала чуть ли не умирающую женщину.

Она еле двигалась, жаловалась на всевозможные недуги, впадала въ безсознательное состояніе, добиваясь отправленія ея въ лѣчебницу. Но врачъ Гос. Думы, осмотрѣвъ ее, не нашелъ ничего угрожающаго. То же самое подтвердилъ и приглашенный по просьбѣ Сухомлиновой ея постоянный врачъ, докторъ Гуща. Послѣдній даже не прописалъ ей какихъ-либо лѣкарствъ; онъ сказалъ, что она страдаетъ почками, и режимъ министерскаго павильона отнюдь не угрожаетъ ея жизни, желательно только, чтобы ей давали молоко, на что продовольственная комиссія охотно согласилась и выписала для нея бутылку молока въ день. Въ общемъ Сухомлинова охотно подчинилась установленному въ павильонѣ порядку и вела себя очень корректно.

Діаметральную противоположность представляла собою Е. А. Полубояринова, ближайшій другъ доктора А. И. Дубровина. Невысокаго роста, сѣдая, съ дерзкимъ, наглымъ выраженіемъ лица, богатая женщина, привыкшая дѣйствовать нахрапомъ, она попробовала и тутъ проявить свои обычные тактическіе пріемы.

Доставленная подъ конвоемъ въ министерскій павильонъ, она позволила себѣ кричать на караульнаго начальника и чиновъ караула, осматривавшихъ, во исполненіе служебнаго долга, ея вещи. Ея поведеніе было настолько вызывающимъ, настолько недопустимымъ, что мнѣ пришлось рѣшительнымъ образомъ потребовать, чтобы она замолчала, сказавъ, что я не гарантирую ея безопасности, если она позволитъ себѣ оскорблять доблестно несущихъ тяжелую караульную службу моихъ товарищей-преображенцевъ. Но она только тогда угомонилась, когда я сказалъ, что вынужденъ буду поставить около нея двухъ часовыхъ съ винтовками, которые, при малѣйшемъ ея неповиновеніи требованіямъ караульнаго унтеръ-офицера, употребятъ въ дѣло оружіе. Только эта угроза заставила смириться погромщицу.

При осмотрѣ платья Полубояриновой, въ карманахъ оказалось нѣсколько чековыхъ книжекъ, изъ которыхъ было видно, что она выдавала большія суммы, доходящія до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ рублей, виднымъ дѣятелямъ союза русскаго народа. Больше всѣхъ получалъ отъ нея докторъ Дубровинъ. Наканунѣ ареста она взяла изъ государственнаго банка, какъ это видно изъ имѣющейся квитанціи, 679.000 руб.; надо полагать, что эти деньги предназначались точно также на погромную дѣятельность союза русскаго народа, на устройство, если не контръ-революціи, то какого-нибудь гнуснаго выступленія, въ родѣ черныхъ автомобилей. Арестъ Полубояриновой былъ произведенъ какъ разъ во-время.

А. Ф. Керенскій при одномъ изъ своихъ посѣщеній министерскаго павильона хотѣлъ выпустить Полубояринову. Этотъ идейный, мягкой души человѣкъ пожалѣлъ старую женщину. Онъ не видѣлъ въ ней той силы, которая можетъ поколебать новый строй. Но узнавъ о вызывающемъ ея поведеніи и дерзкомъ обращеніи съ чинами караула, которыхъ она называла „жандармами", съ явною цѣлью оскорбить, распорядился задержать ее еще на нѣкоторое время подъ стражей.

Да, прежнее правительство не было такъ гуманно къ старымъ людямъ и держало, напримѣръ, почтенную бабушку русской революціи въ ссылкѣ, не взирая на ея преклонные годы и болѣзнь, а вѣдь Брешко-Брешковская не была такъ богата, какъ Полубояринова и не могла деньгами подкупать для борьбы съ ненавистнымъ ей строемъ. Полубояринова же на свои средства содержала цѣлыя банды союза русскаго народа.

13-го марта утромъ была получена въ комендатурѣ телеграмма, что съ сибирскимъ поѣздомъ подъ конвоемъ везутъ изъ Омска всю мѣстную администрацію. Дѣйствительно, къ вечеру въ Таврическій дворецъ были доставлены арестованные омскимъ коаліціоннымъ объединеннымъ комитетомъ бывшій командующій войсками омскаго военнаго округа генералъ Н. А. Сухомлиновъ — братъ бывшаго военнаго министра, старшій предсѣдатель омской судебной палаты В. В. Едличко, акмолинскій губернаторъ А. В. Колобовъ, начальникъ 3-й сибирской стрѣлковой бригады генералъ Н. В. Ромашевъ, помощникъ наказного атамана сибирскаго казачьяго войска генералъ П. Я. Ягодкинъ, бывшій акмолинскій вице-губернаторъ Н. И. Князевъ и омскій полицеймейстеръ В. П. Пузыревъ.

Когда Е. В. Сухомлинова узнала, что привезенъ братъ ея

мужа, то она просила одну изъ работающихъ въ министерскомъ павильонѣ курсистокъ, освѣдомиться о его здоровьѣ. Курсистка пошла къ Сухомлинову и сказала, что родственница его справляется о томъ, какъ онъ доѣхалъ и какъ его здоровье. На это Н. А. Сухомлиновъ сказалъ:

— Этой дамы я никогда не зналъ, не знаю и знать не хочу. Отъ брата и отъ нея я отрекся и ничего общаго съ ними не имѣю. Попросите ее обо мнѣ не безпокоиться.

Старшій предсѣдатель судебной палаты Едличко очень много говорилъ объ обстоятельствахъ ихъ ареста, указывая, что въ отношеніи ихъ новыя власти поступили несправедливо, ибо всѣ они прогрессивно настроены и всемѣрно стремились къ скорѣйшему водворенію правильнаго новаго порядка. Насколько это было такъ, я судить не берусь, но только на слѣдующій день при посѣщеніи министерскаго павильона министромъ юстиціи, Едличко было предложено подать въ отставку, и 15 марта онъ, вмѣстѣ съ Колобовымъ и Князевымъ, точно также уволенными въ отставку, былъ освобожденъ.

Вечеромъ въ этотъ день редакторъ „Извѣстій Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ" В. Д. Бончъ-Бруевичъ телефонировалъ въ комендантское управленіе, что населеніе Рождественской части встревожено слухами о будто бы готовящемся погромѣ. Объ этомъ сейчасъ же было сообщено общественному градоначальнику и коммисару гор. Петрограда, члену Гос. Думы Пущину. Но при провѣркѣ этихъ слуховъ, никакихъ конкретныхъ данныхъ добыто не было и, какъ потомъ оказалось, никакого погрома не было; очевидно, населеніе за послѣдніе дни такъ изнервничалось то охотно вѣрило всякому вздорному досужему слуху.

Въ этотъ же вечеръ на квартирѣ графини Клейнмихель былъ произведенъ обыскъ. Графиня была подвергнута домашнему аресту. Какъ выяснилось, она готовилась совершить побѣгъ, но объ этомъ своевременно узнали и были приняты самыя рѣшительныя мѣры.

Въ 12 час. ночи на 13-ое марта въ комендантское управленіе былъ доставленъ съ финляндскаго вокзала статскій совѣтникъ Лучницкій, задержанный съ шестью тюками документовъ. Тюки эти были привезены имъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ по просьбѣ россійской миссіи въ Стокгольмѣ, но такъ какъ тюки были опечатаны печатью съ надписью „Рос. Импер. Миссія", они вызвали подозрѣніе у коменданта ст. Бѣлоостровъ. Лучницкій

былъ оставленъ до утра въ комендантскомъ управленіи, а затѣмъ препровожденъ въ министерство для дачи объясненій.

Кромѣ этихъ мелкихъ дѣлъ комендантскому управленію приходилось разрѣшать вопросы и общаго административнаго характера. Такъ, напримѣръ, нужно было разгрузить зданіе Таврическаго дворца, полы котораго осѣдали, нужно было уменьшить притокъ публики, но Таврическій дворецъ являлся центромъ, вокругъ котораго била ключемъ новая жизнь страны, а потому не пускать во дворецъ всѣхъ жаждущихъ получить тамъ интересующія ихъ свѣдѣнія, было бы жестоко и положительно невозможно. Поэтому для разрѣшенія такихъ вопросовъ приходилось устраивать общія засѣданія комендатуры, приглашая на нихъ и представителей Исполнительнаго комитета Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ — органа, наиболѣе заинтересованнаго въ томъ, чтобы Таврическій дворецъ былъ доступенъ каждому гражданину во всякое время дня и ночи.

На этихъ совѣщаніяхъ происходилъ оживленный обмѣнъ мнѣній, приходилось изыскивать способы для согласованія интересовъ Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ съ заявленіями архитектора Таврическаго дворца, который только удивлялся, какъ до сихъ поръ полы дворца выдерживаютъ такую колоссальную нагрузку.

Далѣе приходилось разрабатывать планъ обороны дворца на случай какихъ-либо контръ-революціонныхъ выступленій. Офицеры пулеметной команды съ чинами комендатуры составляли планъ обороны не только дворца, но и всѣхъ подступовъ къ нему. Приходилось въ особыхъ совѣщаніяхъ обсуждать вопросы о значеніи подземныхъ каналовъ, проходящихъ поблизости дворца изъ района прудовъ Таврическаго сада къ Невѣ, выяснять, насколько они могутъ быть опасны для дворца, изучать ихъ направленіе и роль, слѣдить за всей массой находящихся въ стѣнахъ дворца лицъ, чтобы среди нихъ не было такихъ, которыя не достойны быть въ святилищѣ русской революціи. Если какой-нибудь дерзкій позволялъ себѣ нарушать святость дворца, приходилось его просить оставить стѣны цитадели.

Былъ однажды такой случай. Какой-то солдатъ, очевидно, съ цѣлью провокаціи сталъ произносить рѣчи погромнаго характера, требовать ограниченія правъ евреевъ и т. д. Ко мнѣ пришли солдаты съ просьбою удалить погромщика. Немедленно я отправился въ Екатерининскій залъ, гдѣ засталъ какого-то пожилого

солдата, весьма оживленнаго, произносящаго рѣчи самаго возмутительнаго характера.

Я попросилъ его прекратить такія рѣчи здѣсь, во дворцѣ равноправія, и во избѣжаніе могущихъ быть непріятностей покинуть дворецъ. Послѣ нѣкоторыхъ препирательствъ погромщикъ исполнилъ мое требованіе, сознавшись, что рѣчи его неумѣстны.

Не мало было хлопотъ и съ лицами психически неуравновѣшенными, а такихъ въ первые дни революціи во дворецъ приходило не мало. Были студенты, офицеры, солдаты, — все люди слабые нервами, не выдержавшіе нахлынувшаго на нихъ шумнаго потока политическихъ событій.

Вспоминается мнѣ одинъ студентъ, увѣрявшій, что онъ нашелъ похищенный черносотенцами пулеметъ. По произведенному разслѣдованію у него дѣйствительно оказался пулеметъ, но не похищенный черносотенцами, а кѣмъ-то во время дней переворота оставленный на улицѣ. Юноша страдалъ изъ-за этого пулемета, онъ боялся за его участь, и это такъ, въ концѣ концовъ, повліяло на его психику, что слѣдственная комиссія вынуждена была просить студента отправиться домой и полѣчиться.

Былъ случай даже самоубійства на почвѣ политическаго психоза. Застрѣлился солдатъ Мануйловъ, посланный въ Совѣтъ Солдатскихъ Депутатовъ одной изъ сибирскихъ частей; въ письмѣ у Мануйлова указывалось, что онъ подавленъ той колоссальной волной политическихъ событій, которая прокатилась по Россіи, что онъ не въ силахъ справиться съ выпавшей на его долю работой, что онъ психически подавленъ и не можетъ больше жить.

Тяжелое впечатлѣніе производилъ юный морской офицеръ, просившій скорѣй его убить, звавшій маму и папу спасти его отъ гибели. Блѣдный съ воспаленными глазами, съ трясущимися губами, то плачущій, то смѣющійся, онъ производилъ ужасное впечатлѣніе. Съ трудомъ удалось отвезти его въ лѣчебницу для нервныхъ больныхъ.

Душевнобольной отставной капитанъ объявилъ себя комендантомъ „Крестовъ", гдѣ передъ этимъ содержался за двоеженство. Ставъ во главѣ тюрьмы, онъ распоряжался охраной ея, а потомъ явившись на патронный заводъ, арестовалъ начальника завода и объявилъ себя начальникомъ; собралъ рабочихъ завода, говорилъ имъ рѣчи, но тутъ не выдержалъ роли и выдалъ свое безуміе. О немъ сообщили въ милицію, онъ былъ арестованъ и препровожденъ въ Таврическій дворецъ, откуда въ госпиталь.

Вотъ наиболѣе яркіе случаи психическаго заболѣванія въ дни революціи. Но сколько было менѣе рельефныхъ заболѣваній. Да, политическій переворотъ былъ глубоко воспринятъ народной психикой, и не всѣ могли выдержать, сохранивъ равновѣсіе, такой колоссальный переворотъ.

Чинамъ комендатуры приходилось все это видѣть, переживать, но не поддаваться силѣ внѣшнихъ впечатлѣній — нужно было работать и не сдавать. Нужно отдать полную справедливость, составъ комендатуры подобрался исключительно выдающійся и работать съ такими товарищами было несравненно легче.

Кромѣ уже упомянутыхъ помощниковъ моихъ И. К. Тимковскаго, поддерживавшаго непосредственную связь съ Совѣтомъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, и Ю. С. Гессена, а также старшаго лейтенанта Филипповскаго, вынужденнаго въ скорости отказаться отъ фактической работы, такъ какъ онъ былъ избранъ въ Исполнительный Комитетъ Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, въ комендатурѣ работали лишившійся на войнѣ правой руки подпоручикъ Вульфіусъ, прапорщикъ Алѣевъ и студентъ Кирилловъ. Не мало поработали также офицеры комендатуры прап. Знаменскій, затѣмъ шт.-капит. Вержбицкій и, наконецъ, Пестовъ, завѣдывавшіе охраною (караулами) дворца.

Кромѣ этихъ товарищей, были временно и другіе офицеры, не менѣе достойные, но, къ сожалѣнію, они вынуждены были въ силу своихъ служебныхъ обязанностей покинуть комендатуру дворца раньше: они не дождались великаго дня похоронъ жертвъ революціи.

Но возвращаюсь къ описанію текущихъ событій изъ жизни Таврическаго дворца.

14-го марта вечеромъ въ Таврическій дворецъ былъ доставленъ секретарь Распутина, нѣкто Симановичъ. На всѣ вопросы слѣдственной комиссіи онъ отвѣчалъ, что Распутина совершенно не зналъ и ничего общаго съ нимъ не имѣлъ. Но вотъ во время его допроса зазвенѣлъ телефонъ; членъ комиссіи подходитъ и слышитъ сообщеніе комиссара Московской части, что на квартирѣ Симановича происходитъ какое-то совѣщаніе и тамъ находятся дѣти Распутина.

Немедленно туда былъ командированъ офицеръ и нарядъ юнкеровъ; я также поѣхалъ. Въ шикарной квартирѣ Симановича на Николаевской улицѣ, дѣйствительно, происходило какое-то со-

вѣщаніе, на которомъ, кромѣ семьи Симановича, оказались обѣ дочери Распутина, младшая гимназистка IV кл. гимназіи Стеблинъ-Каменской, 15 лѣтъ, высокая, плотная, съ тонкими злыми губами, бѣгающими бойкими глазами, и старшая, 19 лѣтъ, меньше ростомъ, съ тупымъ выраженіемъ лица, чувственными губами и мясистымъ носомъ; братъ ихъ, солдатъ 1-го запасного пѣх. полка, былъ тутъ же — этотъ мало говорящій, но подвижный юноша, производилъ впечатлѣніе мышенка, захлопнутаго мышеловкой. Кромѣ нихъ, была француженка-гувернантка дѣвицъ Распутиныхъ, ихъ учительница рукодѣлія и еще нѣсколько неизвѣстныхъ личностей, весьма сомнительной внѣшности.

Сынъ Симановича и дѣти Распутина были подъ стражей отправлены въ Таврическій дворецъ, а прочіе отпущены домой. Утромъ были освобождены и дѣти Распутина, давшія въ слѣдственной комиссіи свои показанія.

Я предложилъ старшей дочери Распутина нѣсколько незначительныхъ вопросовъ, на которые она сначала отвѣчала очень охотно, но потомъ расплакалась и сказала, что онѣ ни въ чемъ не виноваты, все это сдѣлалъ отецъ, которому онѣ не смѣли ничего сказать, онъ ихъ не хотѣлъ слушать.

То же самое подтвердилъ и сынъ его. Объ отцѣ никто изъ нихъ не вспоминалъ съ любовью, видно было, что отецъ — это ихъ больное мѣсто, рана еще не зажившая и гноящаяся.

16 марта, около часу дня, въ Таврическій дворецъ помощникомъ главнаго военнаго прокурора генераломъ Шрейтерфельдтомъ были доставлены арестованные въ Могилевѣ чины штаба походнаго атамана, замышлявшіе походъ казаковъ на Петроградъ съ баллонами удушливыхъ газовъ. Во главѣ этой компаніи былъ генералъ Сазоновъ, полковникъ Грековъ, капитанъ Унгернъ-Штернбергъ и секретарь бывшаго великаго кн. Бориса Владиміровича — И. А. Шенкъ, французъ, не говорящій по-русски. Арестованы они были въ Могилевѣ по предписанію военнаго министра. Наканунѣ еще былъ арестованъ помощникъ по гражданской части командующаго войсками петроградскаго военнаго округа, бывшій товарищъ министерства внутреннихъ дѣлъ, Н. В. Плеве.

Обитатели министерскаго павильона возбуждали къ себѣ общее вниманіе, всѣ пріѣзжавшіе въ столицу изъ провинціи жаждали видѣть сановныхъ узниковъ, но никто къ нимъ, кромѣ родныхъ, не допускался, и то только съ разрѣшенія или товарища министра юстиціи Заруднаго или прокурора судебной палаты

Переверзева. Но вотъ какъ-то прибыли въ Таврическій дворецъ крестьяне-ходоки изъ глухой деревни и со слезами просили показать имъ „кровопивцевъ", посаженныхъ въ клѣтку.

Крестьяне такъ убѣдительно просили дать имъ возможность посмотрѣть, чтобы они могли потомъ разсказать все пославшимъ ихъ старикамъ и бабамъ, что отказать имъ не было возможности, и я проводилъ ихъ черезъ комнаты министерскаго павильона. Нельзя описать того патріотическаго подъема, того чувства гордости, какое было написано на открытыхъ, честныхъ лицахъ ходоковъ, когда они увидѣли узниковъ столыпинскаго павильона. Съ поразительнымъ тактомъ вели себя крестьяне, проходя по комнатамъ, биткомъ набитымъ сановниками. Выйдя изъ павильона, крестьяне не находили словъ выразить свое удовольствіе, что имъ удалось видѣть „наказанное зло".

Подъ вечеръ привезли всесильнаго когда-то князя М. М. Андроникова. Упитанный, съ воловьей шеей, Андрониковъ не можетъ внушить къ себѣ симпатіи, его безцвѣтные глаза на желтомъ расплывшемся, обрамленномъ свѣтлорусой бородкой, лицѣ мало говорятъ о душѣ дѣльца тѣхъ дней. Отпечатка ума и благородства души не видно. Несмотря на сравнительно простой столъ, бывшій князь съ большимъ аппетитомъ съѣдалъ двойную порцію и супа, и каши — очень ужъ хорошій аппетитъ у него!

Фотографы и операторы кинематографа положительно осаждали Таврическій дворецъ: каждый день приходило 2—3 фотографа, и всѣ они добивались разрѣшенія снять внутренній видъ министерскаго павильона съ заключенными, но всѣмъ имъ приходилось отказывать, такъ какъ заключенные просили избавить ихъ отъ фотографированія. Не желая слѣдовать примѣру прежняго правительства, унижавшаго личность арестованнаго гражданина, приходилось считаться съ просьбой обитателей столыпинскаго павильона и отказывать всѣмъ фотографамъ и предлагать имъ снять стражу — доблестныхъ товарищей преображенцевъ, которыхъ всѣ мы искренно полюбили.

Вскорѣ послѣ крестьянъ-ходоковъ въ Таврическій дворецъ прибыла экскурсія слушательницъ юрьевскаго женскаго медицинскаго института и студентовъ. Молодежь съ какимъ-то особымъ благоговѣніемъ входила въ залы Таврическаго дворца, пугливо жалась въ кучки, съ жадностью слушала пылкія рѣчи ораторовъ, съ исключительнымъ благоговѣніемъ внимала пламенному призыву Чхеидзе. По всему видно было, что въ глазахъ провин-

ціи Петроградъ, совершившій переворотъ, сталъ во много разъ выше прежняго чиновно-бюрократическаго столичнаго города — теперь Петроградъ явился мѣстомъ паломничества всей прогрессивной Россіи, а Таврическій дворецъ — цитадель революціи — священнымъ алтаремъ, куда идутъ на поклоненіе со всѣхъ концовъ Руси.

Если не ошибаюсь, то 16 или 17 марта ко мнѣ пришла какая-то дама, подавшая визитную карточку, на которой значилось: „Марія Григорьевна Кафафова". Дама эта заявила, что она жена бывшаго вице-директора департамента полиціи К. Д. Кафафова, переведеннаго въ Петропавловскую крѣпость, и что она пришла за вещами, отобранными при арестѣ у ея мужа.

Я предложилъ ей подать объ этомъ заявленіе и представить удостовѣреніе, что она дѣйствительно жена и проситъ выдать вещи по порученію ея мужа. На такое законное предложеніе, она съ раздраженіемъ заявила, что ей, женѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, никто не имѣетъ права не вѣрить и никакого заявленія она писать не желаетъ, а требуетъ, чтобы ей вещи были немедленно выданы, — ее де всѣ знаютъ.

Стоило большихъ трудовъ и много нужно было потратить времени, чтобы убѣдить эту даму, что для всѣхъ теперь установленъ одинъ законный порядокъ и даже женѣ всемогущаго „вице-директора департамента полиціи" придется подчиниться ему. — „Я лучше откажусь отъ своихъ вещей, чѣмъ подавать какія-то глупыя заявленія и удостовѣрять свою личность!"— сказала дама и ушла изъ комендатуры.

17 марта въ 3 ч. дня изъ Москвы были доставлены подъ стражей бывшій владимірскій губернаторъ В. Н. Крейтонъ съ женой; у В. Н. была во время событій 28 февраля сломана нога и онъ сильно страдалъ; для него въ министерскій павильонъ была принесена лазаретная койка и приглашенъ врачъ Государственной Думы. На другой день оба они, по распоряженію А. Ф. Керенскаго, были освобождены на поруки.

Вечеромъ по ордеру прокурора судебной палаты были произведены обыски у бывшаго начальника охраннаго отдѣленія, состоявшаго при Протопоповѣ, отставного генерала Герасимова и у чиновника И. А. Зыбина. Послѣ обыска оба они подъ конвоемъ привезены были въ Таврическій дворецъ и помѣщены въ павильонъ.

Ночью я былъ экстренно вызванъ къ телефону какимъ-то

не назвавшимъ своей фамилiи гражданиномъ, который сообщалъ, что на Таврической улицѣ шумѣлъ неизвѣстный пьяный офицеръ, когда же его хотѣлъ задержать милицiонеръ, то офицеръ вошелъ въ домъ и заперся въ своей квартирѣ. Гражданинъ спрашивалъ, что ему дальше предпринять, такъ какъ онъ не можетъ допустить, чтобы офицеръ пьянствовалъ въ то время, когда у народа нѣтъ хлѣба.

Пришлось объяснять, что всѣ происшествiя внѣ предѣловъ территорiи Таврическаго дворца подвѣдомственны милиции и коменданту города. Но такое объясненiе не удовлетворило, повидимому, заявителя, и онъ выразилъ сожалѣнiе, что не нашелъ поддержки у коменданта Таврическаго дворца, имѣющаго, по его мнѣнiю, неограниченную власть.

18 марта въ 3 часа дня былъ доставленъ въ Таврическiй дворецъ арестованный по постановленiю исполнительнаго комитета общественныхъ организацiй г. Кiева состоявшiй при верховномъ главнокомандующемъ генералъ Н. I. Ивановъ.

Хорошо извѣстный всѣмъ бывшiй главнокомандующiй армiями юго-западнаго фронта генералъ Ивановъ безпрекословно подчинился всѣмъ формальностямъ ареста, сдалъ караульному начальнику свое золотое оружiе, перочинный ножикъ и портфель съ бумагами, показалъ унтеръ-офицеру карманы и только просилъ передать по телефону помощнику военнаго министра генералу Маниковскому его просьбу заѣхать въ Таврическiй дворецъ.

Скромный обѣдъ вполнѣ удовлетворилъ невзыскательнаго генерала; кто-то изъ арестованныхъ уступилъ ему диванъ, и онъ легъ отдохнуть послѣ пережитыхъ волненiй. Проснувшись, генералъ Ивановъ спросилъ бумагу, перо, чернила и сѣлъ писать письмо военному министру. Въ этомъ письмѣ онъ подробно излагалъ всѣ событiя дней переворота, начиная съ 28 февраля.

Около 8 час. вечера 19 марта въ Таврическiй дворецъ прiѣхалъ вр. и. д. военнаго министра генералъ Маниковскiй и прошелъ прямо къ генералу Иванову. Выслушавъ докладъ коменданта о безпримѣрно выдающейся службѣ караула отъ 4 роты запаснаго батальона Преображенскаго полка, генералъ Маниковскiй приказалъ выстроить караулъ и обратился къ нему съ прекрасной, задушевной рѣчью, въ которой образно изложилъ солдатамъ значенiе переворота, сердечно благодарилъ ихъ за образцовый порядокъ въ караулѣ и въ помѣщенiи арестованныхъ и

за ту корректность, которую они проявляли въ отношеніи арестованныхъ высшихъ чиновъ стараго строя. Генералъ сказалъ, что всѣ поражались этой корректности и порядку въ такое исключительное время и выражали всегда восторгъ при упоминаніи о службѣ 4 роты запаснаго бат. Преображенскаго полка, несущей охрану и при министрѣ юстиціи. Затѣмъ генералъ указалъ солдатамъ на предстоящую въ скоромъ времени русской арміи трудную работу на фронтѣ, гдѣ нѣмцы готовятся къ наступленію на дорогой намъ, свободнымъ гражданамъ великой Россіи, Петроградъ. Въ заключеніе генералъ Маниковскій расцѣловалъ караульнаго унтеръ-офицера Ѳедора Круглова, караульнаго начальника штабсъ-капитана Пестова и коменданта дворца, благодаря ихъ за отличное и самоотверженное исполненіе долга передъ родиною.

20 марта днемъ ко мнѣ пришла дама, назвавшая себя Бадмаевой. Фамилія эта заинтересовала меня, и я спросилъ, не родственница ли она извѣстнаго шарлатана тибетца Бадмаева.

— Да, я жена его сына-офицера, который бросилъ меня, а дѣтей моихъ отобралъ тесть. По этому дѣлу я и пришла къ вамъ. Дѣтей моихъ П. А. Бадмаевъ держалъ у себя на Поклонной горѣ, не допуская меня къ нимъ; теперь старикъ скрылся, и я въ отчаяніи, не знаю, гдѣ мои дѣти, какая постигла ихъ участь. Мнѣ говорили, что они заперты дѣдомъ въ домѣ и можетъ быть теперь страдаютъ отъ голода. Помогите мнѣ разыскать дѣтей, дайте мнѣ солдатъ, и я пойду съ ними искать дѣтей.

Я направилъ несчастную мать съ запиской къ общественному градоначальнику, прося не отказать помочь ей найти дѣтей, предложивъ ей, если она не найдетъ ихъ при содѣйствіи градоначальника, снова зайти, и тогда что-нибудь придумаемъ. Больше она не приходила, вѣроятно, градоначальникомъ для нея было сдѣлано все возможное, и она нашла своихъ малютокъ.

Ночью 21 марта были доставлены изъ Торнео арестованные супруги Риманъ. Отставной генералъ Н. К. Риманъ памятенъ всѣмъ своей дѣятельностью въ 1905 г., когда онъ въ составѣ Семеновскаго полка, вмѣстѣ съ полковникомъ Миномъ, проявилъ необычайную жестокость въ Москвѣ и въ Перовѣ. Теперь Риманъ, будучи уполномоченнымъ санитарнаго поѣзда Александры Ѳедоровны, бѣжалъ въ Торнео, переодѣвшись въ форму военнаго врача; но въ Торнео онъ былъ задержанъ въ виду неправильности въ его документахъ, выданныхъ на имя доктора Рыкачева, каковымъ онъ себя называлъ.

Доставленные въ Таврическій дворецъ супруги не успѣли сговориться, и жена Римана сказала мнѣ, что ея фамилія Рыкачева, также и фамилія ея мужа врача. Мужъ же сказалъ, что онъ Риманъ, отставной генералъ, и фамилія его жены, конечно, та же самая. Риманъ говоритъ по русски съ нѣмецкимъ акцентомъ, держится гордо, на всѣхъ смотритъ съ явнымъ пренебреженіемъ и злобой. Лицо у него надменное, жестокое, сѣдые усы придаютъ ему видъ еще болѣе суровый и непривѣтливый; глаза живыя, въ нихъ свѣтится не добрый огонекъ. Одѣтъ онъ былъ въ солдатскую шинель безъ погонъ, на кителѣ тоже погонъ не было.

Когда Римана привели въ министерскій павильонъ, то его сразу узналъ ефрейторъ Преображенскаго полка Дмитрій Пальчиковъ, служившій ранѣе въ Семеновскомъ полку въ ротѣ Римана. Между ними произошелъ слѣдующій интересный разговоръ:

— Здравствуйте господинъ генералъ!

— Здравствуйте.

— Вы помните бывшаго вашего подчиненнаго роты ея величества Семеновскаго полка Дмитрія Пальчикова?

— Помню, помню... (пауза). Я очень не радъ видѣть своего солдата при такихъ обстоятельствахъ; моей роты солдатъ долженъ находиться рядомъ со мной.

Это заявленіе такъ оскорбило честнаго Пальчикова, что по его словамъ, онъ былъ готовъ ударить дерзкаго генерала, но стоявшій тутъ же генералъ Н. І. Ивановъ, видя это обратился къ Пальчикову со словами:

— Генералъ боленъ и усталъ съ дороги!

По мѣрѣ того, какъ приближалось 23 марта, день похоронъ жертвъ революціи, Таврическій дворецъ пустѣлъ все больше и больше; интересъ народа переносился туда, гдѣ готовилась братская могила борцовъ за свободу. Только изрѣдка доносились до Таврическаго дворца отзвуки городскихъ слуховъ о готовящихся хулиганскихъ выступленіяхъ черной сотни, но слухамъ этимъ мало кто вѣрилъ, однако принимались всѣ мѣры предосторожности, и на 23 марта въ Таврическомъ дворцѣ былъ назначенъ усиленный нарядъ отъ юнкеровъ Михайловскаго артиллерійскаго училища.

Наканунѣ похоронъ утромъ отъ секретаря министра юстиціи была получена телефонограмма съ требованіемъ выслать въ зда-

ніе министерства автомобиль съ самымъ надежнымъ карауломъ. Я самъ поѣхалъ, взявъ съ собой юнкеровъ Владимірскаго училища.

По порученію А. Ф. Керенскаго я принялъ изъ его квартиры арестованную имъ лично наканунѣ въ Царскомъ Селѣ Анну Вырубову самую близкую женщину къ царицѣ и поклонницу Григорія Распутина.

Мнѣ приходилось много слышать раньше о Вырубовой, ее называли красавицей, но каково же было мое удивленіе, когда я увидѣлъ передъ собой обрюзгшую пожилую женщину лѣтъ за сорокъ, толстую, съ краснымъ лицомъ и на костылѣ! Вырубова хромала со времени катастрофы въ 1915 году на Царскосельской жел. дор., гдѣ ей повредило ногу. Вмѣстѣ съ Вырубовой въ комнатѣ была фрейлина Денъ, которая помогла одѣться Вырубовой, но осталась въ квартирѣ А. Ф. Керенскаго подъ арестомъ. Одѣта Вырубова была скромно; лиловое шерстяное платье, бархатный сакъ съ маленькимъ мѣховымъ воротникомъ, простенькая шляпка, на рукахъ нѣсколько колецъ тоже не дорогихъ, среди нихъ 1—2 монастырской работы съ надписями.

Мнѣ было поручено съ Вырубовой заѣхать въ Таврическій дворецъ, захватить тамъ Е. Сухомлинову и обѣихъ отвезти въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ и заключить ихъ въ Трубецкомъ бастіонѣ.

Вырубова сѣла вмѣстѣ со мною въ автомобиль, противъ насъ помѣстились юнкера съ винтовками.

Сначала моя невольная спутница молчала, но потомъ, обращаясь ко мнѣ сказала:

— Какъ много народу на улицахъ, какъ спокойно въ городѣ!

Я сказалъ ей, что завтра будетъ еще больше, такъ какъ состоятся похороны жертвъ революціи. Она очень удивилась этому и спросила: — „Развѣ ихъ еще не похоронили?“ — Послѣ этого она стала говорить о болѣзни дѣтей царицы, о своей болѣзни (у нея была корь), о настроеніи въ Александровскомъ дворцѣ, причемъ сказала буквально слѣдующее:

— Они тамъ всѣ совершенно спокойны. Всегда спокоенъ, кто никому зла не дѣлалъ, а они никому зла не желали!

Въ этотъ моментъ автомобиль въѣхалъ во дворъ Таврическаго дворца, и мысли Вырубовой перенеслись къ дѣтскимъ годамъ. Она не выдержала, тяжело вздохнула и уронила фразу:

— Здѣсь я дѣвочкой такъ часто каталась на конькахъ!

На щекѣ ея блеснула слеза, но она быстро овладѣла собой и вошла въ министерскій павильонъ.

Захвативъ Сухомлинову, мы двинулись въ дальнѣйшій путь. Быстро докатили до Троицкаго моста, вотъ миновали и его. Съ Троицкаго моста автомобиль свернулъ на крѣпостной мостъ и медленно въѣхалъ въ крѣпостныя ворота. Часовой остановилъ насъ и потребовалъ пропускъ. Все оказалось въ порядкѣ. Жестъ рукой, — и автомобиль двинулся дальше. У вторыхъ воротъ та же предосторожность. Вотъ направо Петропавловскій соборъ — романовская усыпальница. Затѣмъ автомобиль поворачиваетъ налѣво, гдѣ группа солдатъ преграждаетъ ему путь и останавливаетъ у комендантскаго управленія. Выходитъ офицеръ, разспрашиваетъ о цѣли пріѣзда и сообщаетъ, что комендантъ въ настоящее время находится въ Трубецкомъ бастіонѣ, куда будетъ ему сообщено о пріѣздѣ посѣтителей. Медленно, въ сопровожденіи солдатъ, автомобиль двигается дальше, сворачиваетъ направо и останавливается у наглухо запертыхъ тяжелыхъ воротъ. Въ воротахъ продѣлана калитка, у калитки стоятъ на часахъ два красавца стрѣлка. Ихъ фигура — воплощеніе силы и мощи. Такіе стражи никого не выпустятъ. Но вотъ калитка отворяется, на порогѣ появляется офицеръ, который точно-также освѣдомляется о цѣли пріѣзда, провѣряетъ документы и послѣ этого любезно предлагаетъ войти въ калитку. Съ нами слѣдуетъ крѣпостной врачъ, такъ какъ арестованныя дамы жалуются на нездоровье, а Вырубова даже проситъ дать ей сидѣлку, такъ какъ безъ посторонней помощи она не можетъ двигаться.

Узкій дворикъ. Съ правой стороны высокая стѣна задняго фасада монетнаго двора.

Съ лѣвой — тянется двухъ-этажная постройка бастіоннаго начертанія, выкрашенная желтой краской, мѣстами облупившейся, мѣстами полинявшей отъ сырости. Окна задѣланы толстыми желѣзными рѣшетками. Посреди зданія входная дверь; передъ ней въ видѣ палисадника огороженный высокой 4-аршинной желѣзной рѣшеткой маленькій дворикъ. У рѣшетки снова стоитъ часовой. Онъ зорко слѣдитъ за каждымъ входящимъ. По его проницательному взгляду видно, что онъ не довѣряетъ никому, кромѣ себя, но комендантъ приказываетъ ему открыть калитку и пропустить посѣтителей. Безпрекословно онъ исполняетъ это, но въ то же время своимъ взглядомъ пронизываетъ входящаго.

Мы входимъ въ кордегардію. Обычное мрачное караульное

помѣщеніе. Нѣсколько солдатъ сидятъ на табуреткахъ и также внимательно, пронизывающе смотрятъ на незнакомаго имъ посѣтителя. Такой караулъ ворона не пропуститъ изъ охраняемаго помѣщенія. Это исключительно надежные люди для охраны важныхъ государственныхъ преступниковъ.

По стертой каменной лѣстницѣ поднимаемся мы во второй этажъ и вступаемъ въ тюрьму. Довольно широкій коридоръ точно также бастіоннаго начертанія ведетъ вправо и влѣво. Въ толстыхъ стѣнахъ продѣланы окна, выходящія къ монетному двору. Желѣзныя рѣшетки говорятъ о томъ, что тутъ тюрьма, иначе можно было подумать, что идешь по казармѣ. Вездѣ солдаты и солдаты. По другой сторонѣ коридора небольшія массивныя дубовыя двери, закрытыя громадными желѣзными засовами съ висячимъ замкомъ. За этими дубовыми дверями содержатся теперь столпы стараго режима.

Въ бастіонѣ свыше 80 камеръ, изъ которыхъ часть во второмъ, часть въ первомъ этажѣ.

Я зашелъ въ одну изъ такихъ камеръ. Комната въ 3 сажени длиной, 5 аршинъ шириной, довольно высокая, освѣщается однимъ полуэлипснымъ окномъ, продѣланнымъ почти у самаго потолка. Заглянуть въ нее нѣтъ никакой возможности, такъ какъ вся мебель, состоящая изъ желѣзной кровати и деревяннаго стола, наглухо придѣлана къ стѣнѣ. Въ окнѣ толстая желѣзная рѣшетка, вклепанная въ толстую крѣпостную стѣну. Воздухъ въ камерѣ сыроватый, спертый.

На кровати поверхъ деревянныхъ досокъ лежитъ тонкій соломенный тюфякъ и одна такая же подушка. Сверху постлано сѣрое суконное одѣяло. Столъ окрашенъ въ темносѣрую краску.

Налѣво отъ входа въ комнатѣ водопроводный кранъ и необходимое гигіеническое удобство. Вотъ и все убранство казенной квартиры бывшихъ министровъ.

Камеры нижняго этажа точно такія же, но въ нихъ гораздо сырѣе. Чувствуется близость воды, плескъ которой о стѣны долетаетъ до узника.

Подъ сводами бастіона каждыя четверть часа гулко раздается бой часовъ Петропавловскаго собора. Отъ каменныхъ ли стѣнъ или отъ иныхъ какихъ причинъ, звукъ боя особенно рѣзокъ и бьетъ по нервамъ.

Никакихъ собственныхъ вещей заключеннымъ имѣть не разрѣшается. Пищу они получаютъ изъ общаго солдатскаго котла.

Никакихъ изъятій ни для кого караулъ не разрѣшаетъ. Режимъ установленъ суровый, но обращеніе вполнѣ корректное и гуманное. О старомъ режимѣ, объ издѣвательствахъ и глумленіяхъ нѣтъ и помина.

Сухомлинова и Вырубова были посажены въ камеры второго этажа, къ нимъ зашелъ врачъ, освѣдомился о здоровьѣ и обѣщалъ еще зайти.

Тутъ въ камерахъ бастіона сидѣли мои прежніе кліенты, отъ меня изъ министерскаго павильона переводили сюда знатныхъ сидѣльцевъ.

При обходѣ бастіона невольно вспоминаешь и преклоняешься предъ тѣми борцами за свободу, которые годы проводили въ этихъ каменныхъ мѣшкахъ, идя оттуда въ руки Собѣщанскаго, который, не содрогаясь, десятками вѣшалъ идейныхъ борцовъ.

Какъ-то онъ чувствуетъ себя теперь въ знакомомъ ему каменномъ мѣшкѣ!..

Итакъ, приближаюсь къ концу записокъ. День похоронъ жертвъ революціи, послѣдній день моего дневника, прошелъ совершенно спокойно, почти никого не было въ этотъ историческій день въ стѣнахъ Таврическаго дворца — всѣ, несмотря на сумрачную погоду были на Марсовомъ полѣ, гдѣ погребались въ красныхъ гробахъ подъ сѣнью красныхъ знаменъ борцы за свободу, равенство и братство народовъ великой, могучей и славной Россіи.

Этимъ днемъ закончился первый періодъ русской революціи, періодъ кипучей организаціонной работы вокругъ Государственной Думы, выдвинувшей изъ своей среды большинство Временнаго Правительства. Этимъ днемъ закончилась и боевая работа цитадели русской революціи.
